

Открытый разговор.
XX съезду ВЛКСМ
Что думаете, молодые люди?
Беда и мужество.
Трудная зима в Грузии
Профессия — изыскатели
Одиночество.
Письма читателей
Как же быть с курением?
Легенда о капитане Седове
Рассказ Вячеслава Сукачева
Стихи Владимира Цыбина
Диего Марадона. Я — футболист
Тяжкие ритмы «металла»
Азбука моды
Фантастика. Роман Д. Уиндема

Инженер-изыскатель Якутской экспедиции Мосгипротранса Алексей Борзов. фото Альберта Лехиуса

СМЕНА⁷

Игорь СЕРКОВ

НА ПОВОДОУ

Что должно стоять на первом месте в диалогах с молодежью — созидание или потребление?

Давайте задумаемся: а не слишком ли заигрываем мы сегодня с молодежью? Больше того: не заигрались ли? Напомню эпизод из завоевавшего широкую популярность документального фильма «Легко ли быть молодым?».

Наш современник, юноша со всеми внешними атрибутами молодого человека второй половины восьмидесятых годов, искренне и откровенно, без всякого желания порисоваться, шокировать, произвести впечатление, говорит следующее:

— Мы живем во время, когда не к чему стремиться, нечего добиваться, когда нет трудностей, которые надо преодолевать... Вот у поколения наших родителей трудности были, а у нас их нет... Нам осталось только развлекаться, весело жить, искать приключения... Вот мы их и ищем... Еще как успешно ищем!..

За абсолютную точность слов не ручаюсь, за смысл — полностью. Но ведь не в словах, а в смысле все дело.

Ведь в других выражениях, но абсолютно то же самое приходилось слышать и самому, и всем, с кем знаком настолько, чтобы обсуждать серьезные проблемы. И всех поражала именно честная убежденность в том, что в жизни молодым людям только и надо, что развлекаться да веселиться, веселиться да развлекаться...

И привычно такое уже слышать, но вдумаешься — и оторопь берет.

И первое движение — возразить, опровергнуть, объяснить! Объяснить, в какое время мы живем. Время революционных перемен, общественного и психологического обновления, время острейших столкновений и противоборств, время, когда решается, сумеем ли мы перестроить всю нашу жизнь на новый лад или будем топтаться на месте, отступать...

Но вдруг ловишь себя на мысли иной. Это как же нужно было постараться, сколько надо было сил положить, как же нужно было растить и воспитывать человека, чтобы здоровые, неглупые, полные энергии ребята, старательно морща лоб, объясняли, что в жизни они не видят проблем, кроме одной — как бесцельно и беспечно убить время?..

И от этой их искренности, которой мы от них все добиваемся, совсем не по себе становился.

Еще одна сохранившаяся в памяти сцена. Корреспондент телевидения берет интервью у «рокеров» — тех, кто собирается по ночам в группы, а вернее, в стаи на мотоциклах и гоняет по ночным улицам, не давая спать тысячам людей. Собственно, с их жалоб, этих людей, устающих на работе, возящихся с маленькими детьми, издерганных в очередях и переполненном транспорте, все и началось. Но о них тут же забыли.

Больше всего корреспондента интересовало, что мешает рокерам заниматься «своим делом», обращались ли они куда за помощью, помогли ли им и в какой конкретно помощи они нуждаются...

Вот тут, надо сказать, рокеры не оплошали, добросовестно перечислили все, что им надобно: и гаражи, и технику, и запчасти. Странно только, что не дошли до требования освободить их в связи с ночными прогулками от работы и учебы... А может быть, и сказали, да на телевидении этот кусок вырезали?..

Скажу сразу, что корреспондент проявил к пожеланиям ночных мотоциклистов самый живой и сочувственный интерес. И все допытывался, кто же и что им мешает. Разумеется, не обошлось тут без упреков в адрес комсомольских организаций, исполкомов, добровольных обществ и т. д. Список тут легко продолжить, он слишком знаком каждому.

И ни разу не возникло и тени желания разобраться в одном простеньком вопросе: а почему, собственно, именно ночью?

Почему развлекаться нужно именно так, чтобы мешать другим людям, чтобы терзать им нервы, наплевав на их право отдыхать после работы, спокойно спать? Не потому ли, что ночью легче улизнуть от милиции (а среди ночных наездников половина не имела прав на вождение мотоцикла), что кружит голову ощущение безнаказанности, ощущение и вовсе подавляющее и без того слабо развитые от редкого употребления сдерживающие центры?

Нет, что-то тут не так! Решительно не так.

Порой складывается впечатление, что, привыкнув, скрепя сердце и приняв соответствующее выражение лица, вести разговор о различиях между «металлом» и «новой волной», мы никак не можем по-настоящему включиться или, как говорится, по-настоящему «врубиться» в куда более серьезные проблемы молодых. Не можем скрыть своего изумления, обнаружив, что многие из них озабочены не столько тяжелым роком, сколько невозможностью полностью реализовать свои силы и способности на работе, гибелью ценнейших памятников нашей культуры, недостатком гласности, скудостью информации, созданием новых социальных структур, которые ныне коротко и привычно именуются МЖК... За стеной досуга — громадные просторы реализации личности, а мы уперлись в эту стену и топчемся перед ней. Между тем, все очевиднее становится, что залог необратимости процесса перестройки во многом в том, сумеем ли мы воспитать молодых так, чтобы жизнь и деятельность в новой общественной ситуации стали для них естественны, привычны, обычны. Чтобы они уже были просто не способны жить по-иному.

Верный тон диалога взрослых и молодых еще не найден, не определен. Есть старый недуг — поучительность, чтение прописных истин, нотаций. Но уже весьма четко и весьма широко прорезался и недуг новомодный — светливое, с привкусом собственной неполноценности заигрывание с молодежью, неловкое какое-то стремление на равных говорить с ней о том, что ее вроде бы больше всего заботит и волнует.

Перечень интересов тут весьма скуден — рок-музыка, брейк-данс, что-то из моды. Вот, собственно, и все столпы молодежной культуры. И кажется, что других тем в разговоре с молодыми и быть не может. Все молодежные проблемы словно бы и замкнулись на проблеме отдыха. Словно бы больше и не о чем с молодыми поговорить, как о дискотеках.

Вот и идут обсуждения: какие там веяния времени и эпохи несет в себе брейк? И солидные люди, чтобы не выглядеть консерваторами, совершают открытия: да, в брейке есть элементы, сходные с элементами народных танцев! Есть, товарищи, есть. Но если уж говорить серьезно, то давайте-ка задумаемся: а есть ли разница? Есть, и она огромна. Потому что в народном танце в движение вкладываются радость, удасть, веселье и размах, а брейкер выражает своим танцем жесткую агрессивность, механическую неумолимость, угрозу для всего, что встречается на пути. И соответственно для того, чтобы танцевать, ему нужно возбуждать в себе именно эти эмоции и чувства.

Только давайте сразу договоримся, что не о запрещении брейка идет тут речь, такое и в голову автору не приходит. Речь идет о том, что если уж говорить о каких-то вещах, то серьезно, умея выслушать друг друга. И, говоря даже о тех же танцах и музыке, не считать потолок мысли умозаключения типа: это сейчас модно, а мне просто нравится... Разговаривать, видимо, только тогда и стоит, когда есть взаимное доверие, взаимное желание понять друг друга.

Ведь если взглянуть попристальнее, то оба упоминавшихся выше недуга — недуг нетерпимого поучительства и недуг светливого заигрывания — в основе своей идут от недостатка доверия к разуму и способностям оппонента.

В конце концов те, кто суживает все интересы молодежи до массовой культуры, пронизанной духом бездумного потребительства, скорее всего попросту весьма невысокого мнения о ее духовном и интеллектуальном уровне. «Разве их что-нибудь интересует, кроме!» — Это сомнительной ценности умозаключение стало руководством к действиям, которые многих молодых людей попросту развращают.

Есть устоявшаяся, сложившаяся веками, проверенная временем, всей историей человечества система культурных ценностей. Если хотите, иерархия ценностей. У массовой культуры, заполнившей сегодня все и вся, в ней есть свое место. Именно свое. Которое только она может и должна занимать. Потому что в конце концов не ей принадлежит последнее и решающее слово о жизни и времени, не ей отведено понятие все, что происходит сегодня с нами, происходит с молодыми умами и сердцами. Она не на то направлена. Ей этого не дано. Да она к этому, собственно, не стремится. У нее свои задачи. И когда один из рок-исполнителей говорит, что они просто помогают моло-

дым выплеснуть накопившуюся энергию, растратить ее, пока она не взбунтовалась окончательно, это звучит достаточно убедительно.

Но ведь тут же напрашивается вопрос: а не жаль силу и энергию просто выплескивать? Без цели, без смысла? Неужели нельзя им найти и иного применения?

Да, молодость ни тем, ни другим не обделена, богата, но ведь не безгранично. И, расплескивая силы в дискотеках, где потом набрать их для изурительной работы по нравственному и духовному самовоспитанию? Счастливы и разумны те, кто сумел распознать ту границу, за которой наступают духовная обездоленность, нищета, неразвитость. Но какая жизненная трагедия ждет тех, кто искренне поверил, что удел молодых — развлечение и отдых!

И разве не ляжет вина за это на плечи тех, кто все проблемы молодых сводил безжалостно и бездумно к проблеме досуга? Досуга, досуга и только досуга...

Да, безусловно, досуг дело важное, требующее к себе внимания. Но ведь и досуг досугу — рознь. Можно растративать молодую энергию бесцельно, а можно и бездумно, а можно и досуг свой проводить с таким толком, чтобы обогащать себя, развивать собственную личность, собственную индивидуальность. Самообразование, самовоспитание — великое дело, великая сила. Ничто их заменить не в силах. Да, это трудная работа, но, наверное, и одна из самых благодарных и благородных, одна из тех, к чему властно призывает сегодняшнее время. Время, распахнувшее перед каждым из нас неоглядные просторы работы над собой. И сколько ощущаем недостаток людей, способных и готовых к самой ответственной деятельности. Сколько их нужно сегодня. Но... Не готовы. Не умеем. Не знаем. Не способны. И сколько их еще, этих «не», которые снимаются только одним — последовательной, напряженной работой над собой, борьбой с собой, подниманием самого себя над собой. Тяжкое, конечно, дело, но ведь и награда за него нешуточная. Из этого надо и исходить.

Не так давно вдруг комсомольских работников на наших глазах принялись дружно терзать вопросами: а ходят ли они сами на дискотеки? Часто ли там бывают? Когда были последний раз?.. И они, откровенно тушуясь и смущаясь, как застигнутые на месте преступления, оправдывались: бываем обязательно, только вот не так часто, как хотелось бы, и танцевать там недостаточно... А стоило ли смущаться и оправдываться? Разве визит в школу или на производство, на стадион или в профтехучилище менее важен?..

В адрес комсомола сейчас звучит немало критики и упреков. Испытание критикой — дело несладкое. Но вести себя в таких ситуациях гораздо полезнее с достоинством и честностью. Не суетиться, не подыгрывать тем, кто

го, непреходящее от суетного, необходимое для достойной человека жизни от дешевой поделки, рассчитанной на самый невзыскательный вкус, но зато модной сегодня...

Да, нужно войти в мир молодых, стать в нем своим, но это вовсе не означает, что следует слепо и безропотно подчиниться всему, что наполняет этот мир.

Давайте уважать молодого человека. Не оглуплять его. Пора понять, что в нашем диалоге с молодежью не должно быть запретных тем, что разговор должен быть серьезным настолько, чтобы соответствовать напряжению времени, в которое мы живем. Попробуйте, и вы убедитесь, что умам и душам молодых вняты не только ритмы дискотек, но и гул времени, зов истории, глас человечества.

Гремящая... Портрет рок-группы
 Ходит песенка по кругу как рояль
ТАНГО ДИСКОТЕКА:
 Пошла... ДИСКОТЕКА: ВНУТРИ И ОКОЛО
ДИСК УМЕР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДИСК?
 Увл... ДИСКОТЕКА: ВНУТРИ И ОКОЛО
Песни Элегия... **РАЗГОВОР В СТИЛЕ «ДИСКО»**
 как рояль... **МУЗЫКИ**
ТОННЫ Гремящая... **«ДИСКО»**
 Гремящая... **Пошли на хоккей!**
 На что... **Гремящая пустота**
Песни **ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДИСК**
 Дерзайте, **Гремящая пустота**
 вы — талантливы **ТОННЫ**
 мода на бьющий **МУЗЫКИ**
 по нервам ритм. **Праздник**
РОК-ФЕСТИВАЛЬ
отдыхать!

в критическом запале, может быть, и не прав, может впасть в преувеличение.

Действовать в условиях критической оценки твоей деятельности — нормальный способ работы сегодня. Надо слишком мало уважать себя, слишком мало быть уверенным в своей профессиональной и творческой состоятельности, чтобы испуганно шарахаться в сторону при каждом критическом замечании или начинать хныкать, что вот, мол, мы тут стараемся, а никто не ценит, никто слова доброго не скажет, все критикуют, все чего-то требуют... Человеку, у которого есть система внутренних ценностей, который работает, а не ловчит, не делает карьеру любой ценой, и прежде всего ценой порученного ему дела, такому человеку критика не страшна. Она только помогает ему выправить и держать в порядке систему нравственных, моральных и деловых ценностей.

Да, место комсомольского работника — среди молодых. А им свойственны максимализм, крайности, приливы отчаяния и отрицания всего, что окружает, желание быть замеченным любой ценой. А многие из них еще попросту не могут отличить суррогат от подлинно-

Не увлеклись ли мы сегодня разговорами о досуге?
Не происходит ли тут подмены главного второстепенным?
Ведь самовоспитание, самообразование, самоответственность всегда предшествовали отдыху,
и именно дело является главным критерием в оценке человека.
Не смещаются ли акценты, когда мы говорим с молодежью о ее целях?

Полемические
заметки
с комсомольской
конференции

ПО ПРАВДЕ ГОВОРИТЬ...

Павел ЕМЕЛИН,
специальный корреспондент
«Смены»

Мне довелось побывать на двух областных конференциях — в Ярославле, чуть позже в Донецке.

Никогда раньше, бывая на комсомольских конференциях, не ощущал такого приподнятого настроения, вызванного не бодрой, маршевой музыкой, а ясным осознанием значимости переживаемого момента. Никогда раньше не наблюдал столь сосредоточенного, неослабного интереса ко всему, о чем говорилось и с трибуны, и из зала, где были установлены микрофоны. Ни у кого не было ни малейшей скованности, растерянности. Звучало живое слово, чувствовалось биение живой мысли.

Но далеко не все гладко и бесспорно было на этих конференциях. Это естественно. Разве можно все подогнать

под одну мерку? Какое же творчество обходится без проб и ошибок, без мук? У выступавших делегатов и у тех, с кем беседовал в перерывах между заседаниями, разные мнения буквально по каждому пункту: это и порядок ведения конференции, и содержание доклада, выступления, и оценка принятых решений...

«Зачем делегатам бал?»

Этот несколько неожиданный вопрос возник в разговоре с одним делегатом областной конференции в Донецке. Имя этого симпатичного, скромного парня известно без преувеличения всему миру — Сергей Бубка. Да, тот самый... Наш замечательный спортсмен, чемпион и рекордсмен мира по прыжкам с шестом. Не будем сейчас перечислять

спортивные заслуги Сергея — не о том шел разговор. Хотя, признаюсь откровенно, я думал, что, кроме спорта, чемпионов ничего особо не интересует. К счастью, ошибался. Бубка и в своем выступлении на конференции говорил не о большом спорте, а о нуждах ребят-шесток из дворовых команд.

Сказал он и о том, что не дело это, когда в городском манеже, где тренируются легкоатлеты, одновременно работают и художники-оформители. Лаки, краски...— все это не укрепляет здоровье ребят. И что вы думаете, кому первому на конференции за это попал? Бубке! Вышел к микрофону Александр Чупайленко, комсомольский лидер шахты имени М. И. Калинина, и начал: «А что сделал наш уважаемый чемпион для того, чтобы из манежа убрали всю эту оформительскую кухню?»

Многим кажется, что рекордсмен мира всемогущ. Потому и тянутся к нему «ходоки» с самыми разными просьбами. Еще бы, имя и авторитет Бубки — большая пробивная сила. Сергей, как я убедился, правильно понимает все это, нет в нем этакое «звездного» зазнайства, но и ложной скромностью он не страдает. Вот и на конференции в перерыв подошел к нему Саша Попов, председатель областного совета молодых специалистов. Создается в Донецке клуб научно-технической молодежи, приглашает Сергея выступить там. Бубка не возражал, дал Попову свой домашний телефон, только предупредил: «Дома меня застать трудно...»

Рассказываю это для того, чтобы читателю понятнее были характер Бубки, его будничные заботы. Многие знают Сергея лишь по фотоснимкам с победно вскинутыми руками после рекордного прыжка. А это простой, трудолюбивый парень, который хорошо помнит свои истоки, любит свой город, дорожит вниманием земляков.

Ну, а теперь о бале. Его давал обком комсомола накануне вечером, перед самой конференцией. Говорят, было весело.

— Не знаю, правильно ли это, — вслух размышляет Бубка. — Все-таки конференция — дело серьезное, а тут танцы... Мне кажется, лучше проводить конференцию в два дня. В первый день делегаты знакомятся с докладом, проектом постановления, а во второй обсуждают эти материалы, вносят предложения.

Совершенно согласен с Сергеем. Действительно, делегаты собираются не для того, чтобы поговорить, а для того, чтобы решать. Ну, а для веселья можно выбрать и место другое, и время.

Критика начинается с себя

Попытка уйти от шаблонов, от набивших оскомину стандартов ощущалась и на той, и на другой конференции. Удавалось это, к сожалению, реже. Зачастую выходило так, как в известной притяжке: слова новые, а предрассудки старые.

Взять хотя бы отчетные доклады. Право же, порой казалось, что и в Ярославле, и в Донецке они написаны одной и той же рукой. Даже фразы попадаются одинаковые. Но сейчас, разумеется, речь не о литературной стороне

отчетов (хотя хороший доклад, как известно, сродни публицистическому выступлению). Важнее содержание, структура. Увы, и тут сказались давняя беда: фактов, цифр более чем достаточно, а анализ?.. Схема известная: называется направление работы, перечисляются организации, где дело явно не ладится, выдается универсальный рецепт: «усилить» или «повысить» — и дальше по проложенным рельсам. При таком «графике движения» слушателям (а делегаты и в Ярославле, и в Донецке были лишь слушателями доклада) трудно выделить главное, понять, в чем же заключается новизна в решении той или иной проблемы.

Перед началом конференции подошел к секретарю Ярославского обкома ВЛКСМ Владимиру Симонову и спросил, что намечает обком в качестве решающего звена. «Подъем села, НТТМ, досуг», — ответил Владимир. Три кита?.. Однако, слушая доклад, а затем и прочитав его, так и не увидел, почему же эти дела основные. И не только потому, что они теряются в многочисленном ряду других. А потому, что в подходе к ним у обкома, по сути, нет своей четко выраженной точки зрения, своего ключа. Кто из активистов и раньше не слышал, что «вся эта работа требует» систематизации, внимания, активизации и т. д. и т. п.?

Недостает концептуальности, углубленного, компетентного анализа проблем, за которые берется областная комсомольская организация. Вот, к примеру, шефство над экономически слабыми хозяйствами — таких «подопечных» у ярославских комсомольцев три. Совместно с облисполкомом принимались конкретные решения. В докладе об этом сказано лишь вскользь, дескать, реализуются все эти решения еще очень плохо. И только? Где же гарантия, что положение улучшится? А может, наоборот, совсем все заглохнет, как уже получалось не с одним комсомольским начинанием?

Пример предметного анализа дал делегатам конференции первый секретарь Ярославского обкома КПСС И. А. Толстоухов. В своем выступлении он обратил внимание на судьбу некоторых важных комсомольских инициатив, в частности на помощь селу.

Хорошая идея не была подкреплена организаторской работой, потому и нет положительных результатов. Более того, в одном из подшефных хозяйств, совхозе «Вперед», убытки за 1986 год составляют 600 тысяч рублей, больше, чем год назад, когда объявлено шефство.

Нет, нельзя сегодня говорить о таких фактах похода, между прочим. При нашей устремленности в будущее не мешало бы вспомнить о старых долгах, о решениях, за которые еще недавно все дружно голосовали. Об этом на обеих конференциях вспоминали редко, неохотно. Зато много рассуждали о важности единства слова и дела.

Наверное, поэтому так остро прозвучала в выступлении делегата донецкой конференции Владимира Братишко критика в адрес секретарей обкома комсомола. Год назад бюро обкома утвердило план конкретных действий, согласно которому все секретари областного комитета ЛКСМУ получили персональ-

ные поручения. Оказалось, ни один из них не справился с обещанным.

Так, Олег Данилин должен был организовать областную школу передового опыта на базе лучших комсомольско-молодежных коллективов. Увы! Не потому ли — об этом упоминалось в докладе — обком не мог найти ни одного достойного примера комсомольского влияния на трудовое соперничество молодежи?

Александр Ромашкову, ведущему вопросы пропаганды и культурно-массовой работы, поручалось открыть два военно-спортивных лагеря — в Макеевке и Жданове.

— Не думал, что это будет так сложно, — откровенно признался Александр. — Критика справедливая.

— А когда же будут готовы лагеря? — спрашиваю его.

— Трудно сказать...

Критика звучала в каждом выступлении. Школьницу из Селидова Жанну Кифорук волнует проблемы ученического самоуправления. Этим осенью их, комсомольских активистов, пригласили на учительскую конференцию, где шел разговор о самоуправлении. Пригласить-то пригласили, а слова не дали.

Не знаю, изменились ли что в селидовской школе № 7, где учится Жанна. Зато точно известно: после выступления Ирины Каракущ, швей-мотористки из Краматорска, местного ПТУ-47 начнут готовить специалистов, умеющих работать на массовом потоке. До сих пор там учили лишь индивидуальную пошиву. У девушек, которые после ПТУ приходили на фабрику, два-три месяца уходило на переподготовку. А решилось все просто: на конференции присутствовал представитель областного управления профтехобразования. Подал в президиум записку: дескать, критику учтем, меры будут приняты.

Не секрет, что некоторые делегаты именно в таком быстром реагировании и видят смысл критики. Молодой шахтер Саша Сидоренко с шахты «Новодоонецкая» объединения «Добропольеуголь» собирался с трибуны конференции просить компрессор, позарез необходимый на участке. Однако накануне на приеме в Министерстве угольной промышленности УССР он высказал эту просьбу заместителю министра — тот обещал помочь.

Крик души — можно назвать такие выступления. Нужна ли «ведомственная», имеющая лишь свои интересы критика на областной конференции? Может быть, выступающим надо смотреть шире?..

Прежде чем делать какие-то выводы, послушаем, что думает по этому поводу бригадир сборщиков автопокрышек с Ярославского шинного Павел Комар. Его выступление также касалось конкретных недостатков, имеющих место в цехе, где он работает, да и на заводе. Оборудование старое, вдобавок условия труда тяжелые: зимой в цехе холод, летом — невыносимая жара. Чем живут комсомольцы, как и где отдыхают — это администрация не волнует.

— Думаете, я в цехе или на заводе об этом не говорил? — Павел попытался улыбнуться, но улыбка получилась невеселая. — Не раз и не два. Сдвигов никаких. А тут руководители области слушают. Глядишь, будет польза.

Да, жестокому обстрелу подверглась на конференциях «родная» администрация. Досталось, кажется, всем. И только меньше всего — критикующим. Вот уж поистине, лучшая оборона — нападение.

Выступает первый секретарь Андроповского горкома ВЛКСМ Алексей Мальгашов. Говорит: «В каждой профсоюзной организации есть комиссии по работе с молодежью. Чем они занимаются? Не знаем». В чей огород камешек, думаю, всем ясно. Но не странно ли слышать такое из уст комсомольского работника! Разве сложно узнать? Разве у горкома комсомола нет возможности как-то встряхнуть задремавших профсоюзных активистов, среди которых наверняка будут и комсомольцы?

Или же взять проблемы МЖК. Редкий делегат их не касался. В перерыве ре-

бята из Андропова даже пели под гитару на мотив известной песни: «МЖК, друзья, это шанс испытать, на что мы годны, доказать, что можно на нас положиться в трудные дни».

Прекрасные слова! А дела?..

На трибуне Сергей Жуков, оператор станков с ЧПУ Андроповского моторостроительного объединения. Жалуется: пять руководителей, чьи кабинеты находятся на одном этаже, не могут встретиться с инициативной группой, чтобы обсудить вопросы строительства МЖК. А где же комитет комсомола, его организаторская роль? Об этом — ни слова.

«Мы находим поддержку в этих вопросах в ЦК Компартии Украины, Совете Министров республики, — говорил о МЖК первый секретарь ЦК ЛКСМУ Валерий Цыбух. — Почему же в Донецкой области, кроме г. Жданова, дальше разговоров дело не идет?»

В самом деле, директор Макеевского металлургического комбината имени С. М. Кирова, например, предлагает средства: «Стройте!» — а комитет комсомола сидит сложа руки.

Критика — грозное оружие. Но когда она прикрывает бездеятельность, безинициативность — грош ей цена.

Стиль — это человек

Интересную притчу рассказал делегатам конференции первый секретарь Переславль-Залесского горкома ВЛКСМ Сергей Амелин. В одном городе у жителей страшно болели зубы. Никакие привычные средства, никакие специалисты не могли помочь. Даже НИИ стоматологии открыли — бесполезно. Нашелся все же один человек, который предложил добавлять в водопроводную воду фтор, — все боли вмиг исчезли.

«Нужен закон о молодежи, — решительно утверждал Сергей. — Это тот самый «фтор», который поможет нам, комсомольцам, вылечить свои большие зубы».

Закономания — так бы я назвал эту сравнительно недавно появившуюся у иных комсомольских работников и активистов болезнь. Откуда она, ясно. Слишком много «болячек» накопилось в комсомольской работе. И так хочется одним махом покончить со всеми недостатками. Потому и появляются вера во «фтор» как в некую панацею.

«Часто мы говорим: дайте нам права — мы горы сдвинем. Права есть, а дело?..» Эти слова молодого учителя Ивана Губинского из Первомайского района Ярославщины сказаны в связи с тем, что в начале учебного года в школы района не явились 14 выпускников педвуза и педучилищ. Кто же, спрашивается, отбирал у этих молодых специалистов право выполнять свой профессиональный и патристический долг? Известно: быть школе — быть селу. И разве у комсомольских организаций учебных заведений, где готовят педагогов, нет права взять вопросы распределения под свой контроль?

Почему же многие комсомольские коллективы не могут вырваться из плена формализма, бумаготворчества? Запомнились слова, сказанные первым секретарем Донецкого обкома ЛКСМУ Владимиром Бутко: «Комитеты комсомола часто напоминают стрелку размагнитенного компаса — шарахаются из стороны в сторону, упуская главное».

— Если смотреть правде в глаза, то качественно работать по всем направлениям мы не можем, — выйдя к микрофону, горячо говорил второй секретарь Куйбышевского райкома комсомола Донецка Игорь Новоселецкий. — Посмотрите, какая загруженность у второго секретаря райкома: набирается 30 папок с делами, и с каждым днем прибавляются новые. Не пора ли расширить штат райкома?

Слова эти прозвучали резким диссонансом тому, о чем шел разговор. Многие делегаты отмечали: бумажная река в комсомоле мелеет на глазах. Хотя и не так быстро, как хотелось бы. А тут — «расширить штат». Для чего? Чтобы копаться в бумагах и плодить новые? Чтобы рядом с одним молодым бюрократам посадить другого? Нет, та-

кие «радикальные» предложения ни в коей мере не отвечают духу перестройки, которая развернулась сегодня в комсомоле.

Действительно, дел у райкома много. Какое же главное? Конечно, если выбирать из разложенных на столе папок, то голова пойдет кругом. А если выглянуть в окно? Если выйти из кабинета?

Настоящий вожак и на улице находит «фронт работ». Слоняющиеся без дела подростки... На конференциях с тревогой говорилось о неснижающейся подростковой преступности, о наркомании среди шестнадцатилетних. В Донецке немалое беспокойство доставляют футбольные фанаты, рьяные болельщики «Шахтера». Устраивают потасовки, один раз забросали камнями автобус, на котором ехали московские спартаковцы. Кто эти фанаты? Инспектор милиции Юрий Ходнев рассказывал делегатам об одном из ребячьих «лидеров». Учащийся ПТУ, сирота при живых родителях, забросанный, обозленный на все и вся парнишка.

Прав секретарь комитета комсомола СПТУ-114 Сергей Крат: каждый комсомольский активист, а тем более освобожденный комсомольский работник должен взять под свою опеку хотя бы одного «трудного». Это и есть конкретное дело. Кстати, сам Сергей шефствовал над девочкой, которая попала в компанию наркоманов. Сергея приняли тогда кандидатом в члены КПСС. Через год он вступил в ряды партии, а девушку сняли с учета в инспекции по делам несовершеннолетних. И сейчас у Крата есть подшефный.

— Не понравилось мне предложение расширить штат райкома, — поделился со мной горнорабочий шахты «Мушкетовская» Василий Чубковцов. — Надо, чтобы каждый занимался своим делом. Чтобы секретарь райкома не работал за комсорга «первички» — тогда и будет порядок.

На груди у Василия поблескивают две медали «За отвагу» — служил в Афганистане.

— Я вот часто думаю, почему некоторые юнцы тянутся к дурману, — продолжает Василий. — Потому, что мало еще у нас внимания к человеку. Куда ни приди, везде на тебя как на какого-то нарушителя смотрят. Сам я, когда вернулся из армии и когда появилась своя семья, обратился насчет квартиры. Жили мы тогда в маленьком флигеле, шесть человек на двадцати квадратных метрах. И что же услышал? «Много вас таких!» Только через военкомат добился. Как раз тогда мне пришла вторая медаль...

— Еще нередко комсомольские вожаки прежде всего думают о крупных мероприятиях, заседаниях, совещаниях, — говорил на конференции первый секретарь Донецкого обкома партии В. П. Миронов, — и не находят времени для конкретного комсомольца. Именно в безразличии к нуждам и проблемам юношей и девушек, в беззубости, в отсутствии принципиальности, в неумении отстаивать интересы, права молодежи и заключается основная слабость комсомольских организаций.

Строгие, но справедливые слова партийного руководителя. Как переключаются они с выступлениями тех делегатов, которые призывали поменьше рассуждать о правах, а побольше уделять внимания конкретным делам, конкретным молодым людям! Это и есть главное «направление» — живой человек, его заботы и трудности. Вот и надо по-комсомольски драться со всем, что мешает человеку нормально работать, жить, отдыхать.

«Учтем ваше мнение»

Особо надо сказать о «свободном микрофоне». По идее он дает возможность каждому делегату высказать свое мнение. Хотя в печати уже было замечено, что на ярославской областной конференции этот микрофон работал с глушителем.

— Два раза я поднимала свой мандат, прося слова, — с еще не остывшей обидой говорила заместитель секрета-

ря комитета комсомола управления Северной железной дороги Светлана Ашкалова. — Только на третий раз заметили, подсадили ведущему...

— Мы еще не готовы к «свободному микрофону», — высказал свое мнение после конференции Вячеслав Лапшин, первый секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ. — Базар получается. Считаю старый метод, когда выступали по запискам в президиум, оптимальным.

Трудно согласиться в этом с Вячеславом. Его позиция — позиция руководителя, который привык держать управленческие вожжи в своих руках. Конечно, «базара» в таком случае меньше. Но разве это главное? Да, «свободный микрофон» вынес на поверхность и незрелые суждения, и порой демагогические требования. Но вся эта «пена» легко удаляется, остается суть — конструктивная критика, дельные предложения. Сама возможность сказать слово рождает у делегатов мощное стремление внести свой вклад в «банк идей».

Жаль вот только, что на состоявшихся конференциях эта энергия часто тратилась впустую. Не по-хозяйски, с непонятной расточительностью расходуется коллективная мысль. Не все удается обсудить во время заседаний. Споры, жаркие, открытые, продолжаются и в кулуарах. И как было бы здорово, если бы в перерывах работали «круглые столы», шел обмен опытом. Желаящих принять участие в таких «неофициальных» дискуссиях много.

Говорить открыто о том, что тебя волнует, — полдела, главное, чтобы тебя услышали, чтобы твое мнение реально повлияло на общее решение. Именно в этом суть демократии.

К сожалению, разговор о процессе демократизации в комсомольских организациях и в Донецке, и в Ярославле остался в тени. Существенных изменений в проекты постановлений внесено не было. И не потому, что там и тут проект решения был идеален. Просто многие привыкли думать: записанное на бумаге — одно, а живая жизнь — другое. Какой же смысл спорить из-за формулировок?..

— Окончательный вариант постановления может отличаться от принятого на конференции, как небо и земля, — откровенно признался Вячеслав Лапшин. — Ведь впереди XX съезд комсомола, и мы обязаны учесть его решения.

Да, съезд, надеемся, внесет существенные коррективы в практику комсомольской работы. Но ведь есть у ярославских комсомольцев дела, которые за них никто не сделает. Дела, за которые надо браться уже сейчас. Читаю принятые постановления, и, честное слово, обидно за Ярославский обком ВЛКСМ. Неужели комсомольские руководители здесь так бессильны, что, кроме как «совершенствовать», «повышать» и «усилить», ничего не могут предложить?

Характерный момент. В первом полугодии обкому комсомола предлагается разработать три программы — по участию молодежи в ускорении научно-технического прогресса, по социальному переустройству села, а также программа «Досуг». Не получится ли так, что целое полугодие областной лики будет сочинять бумаги, придумывать «мероприятия», забросив повседневные, конкретные дела? Гневом клеймили на конференции бумаготворчество, а к нему же и пришли. В чем же тогда заключается перестройка?

Меньше всего мне хочется кого-либо подковырнуть, обидеть. Право же, дело не в личных амбициях. На прошедших конференциях я воочию видел цвет комсомола — работающих, задорных, умных, веселых молодых людей. Они настроены на дела, полны решимости своими руками поддержать перестройку, начатую в нашем обществе по инициативе партии. Нельзя вхолостую разбазаривать энергию молодежи, обратить ее на пустопорожние акции, на говорильню, на формальное присутствие при деле. «И мы пахали» — теперь это не пройдет. Пора работать по-настоящему, много и глубоко.

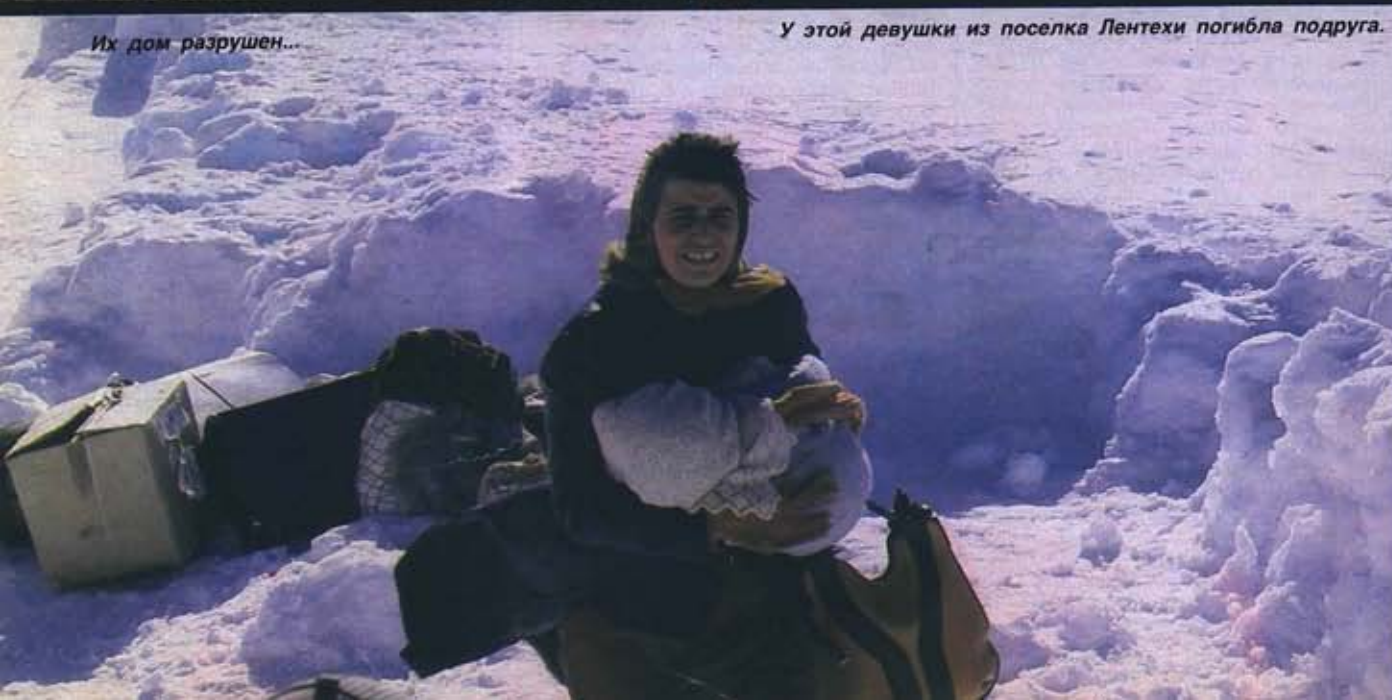
ЛИЦО БЕДЫ

Восстанавливаются разрушенные дамбы.

У этой девушки из поселка Лентехи погибла подруга.

Их дом разрушен...

Ты не узнаешь Колхиду, — сказал мне друг. — И Сванетию не узнаешь...

Мы говорили по телефону. Помех не было. Чистая, тихая, безоблачная погода в мембране. И ясный голос. Только Колхиды не узнать и Сванетии — тоже.

Я спросил, кто погиб. Ведь такова Грузия и таковы мы, ее дети, что в ней знаем всех и каждого. И в каждой складочке, каждой морщинке ее после нас остаются либо отзвук слова, либо отголосок смеха, либо след, проточенный слезинкой.

В Ушгули я гостил в доме Терентия Челидзе и выпрыгивал в окно, когда гостевание становилось нестерпимым, а Терентий бежал за мной с тесаком в руке и кричал: «Куда ты?! Я еще козу зарезал». Потом мы поехали на перевал Загаро косить траву, и Терентий сделал первый прокос, а я валялся на склоне, подкошенный высотой, и ждал, когда массив Аилмы придаст мне свою силу.

Что с Челидзе?

В селении Кала меня пленила семья Гурама Хардзиани, это было почтительное, веселое, щебечущее окружение, и впрямь пленительное: четырнадцать детей этого колхозного бригадира и его жены Тины, воспитательницы здешней школы-интерната, и они сами, еще молодые, чуть лукавые, чуть смущенные родители столь многочисленного потомства, отмахивающиеся от шутивых разговоров о пятнадцатом.

Их дом стоял на крутом склоне хребта, ниспадавшего к верховным водам Ингури куцыми заплатами картофельных полей, и Гурам говорил, что своим трудом и этим вот полем ему не прокормить такую ораву, все чаще задумывается, не перебраться ли пониже, где легче распахивать землю и кормить детей. Но потом я узнал, что они остались жить в своем доме на склоне хребта и под-

Село Чаладиди
Хобского района.

Теймураз МАМАЛАДЗЕ

Фото
Владимира СВАРЦЕВИЧА,
Евгения ШЕЛЕШНЕВА

нимать его целинную твердь под новое картофельное поле.

Что с Хардзиани?

Что с Макринэ Курдиани, старой женщиной из селения Ушхванари, матерью всех альпинистов? Через ее двор проливаются ручейки с ледника Гули и проходят тропинки, ведущие к Ушбе. И в ее доме довелось бывать, видеть в окно прекрасные и страшные храмы Вольной Сванетии и слушать разговоры этой заткнутой в вечный траур крестьянки о том, как она ненавидит горы и как любит людей, предающих себя горам, и поэтому живет здесь ради них.

Что с Михой Ониани, главным врачом участковой больницы из Лентекского района, — он месяц назад был в Москве, привез сулугуни, сваренные его матерью, да, что и с его матерью, отцом и сестрами — ведь и их район оказался в зоне лавинной трагедии?

Бог ты мой, нет ни одного местечка в том покинутом тобой материнском краю, где не жила бы просто знакомые, когда-то встреченные или очень близкие, очень родные тебе люди. И когда читаешь в газетах перечень всех этих сел и районов и вспоминаешь часы и дни, прожитые с этими людьми, страх за них опрокидывает душу навзничь, отбрасывает за черту небытия. Страх и за себя — чем больше твоих гибнет, тем меньше остается тебя.

— Что с ними?

— Не знаю, — отвечает друг. — Не знаю. Только скажу: ты не узнаешь ни Колхиды, ни Сванетии.

Скорее всего, это так. В газете «Правда» увидел снимок: местийцы окружили первого секретаря райкома партии М. Ушхвани. Сплотились вокруг — на сей раз с чистой совестью, без звемизмов пишу такое, и, оттого что пишу с чистой совестью, эта фраза не штамп.

Эвакуация населения
из райцентра Мestia
в Сванетии.

Но разве это Мурад Ушхвани?! Всегда ровный, с безмятежно спокойным лицом, на фото он искажен, искорежен, обуглен бедой, и таковы люди вокруг, но ни он, ни они не смята, не раздавлены тысячами лавинных тонн, а раз так, раз они живы — жива моя и их Сванетия.

Я не узнаю тебя, Мурад. Но, может, я узнаю тебя сейчас таким, каким ты был всегда, а я не видел, не понимал? Может, и вся моя малая родина не та, какой я пел ее всегда на радость любителям экзотики и щедрых дармовых застолий? Пелена лавин снала с твоего высокого чела и обнажила иное — истинное — малознакомое миллионам других лиц, но не менее дорогое мне и иным другим.

Тут я вспоминаю, что в корне «Сванети» грузинское слово «саванэ» — убежище, прибежище. Что в названии колхидского села Чаладиди две корневые основы: чала — низина, пойма, диди — большая. Большую болотистую низину осушили в тридцатых годах, и возник стереотип земного рая с золотистыми кущами, мудрыми колхозными мафусаилами и нимбами солнцезащитных широкополых шляп над головками сборщиц чая — героинь социалистического труда. И я лихо живописал все это, а то, что героини из-за работы на чайных плантациях часто лишены возможности иметь детей, умалчивал. То ли смелости не хватало, то ли совести, то ли подлинного, в разрушение поддельного, патриотизма: «Пусть мою родину видят только красивой». А ее каждую весну разметывали паводки, и в Ингури тонули люди, и лавины сносили к низу ущелья обломки жилищ и жизни. Каждый год — весной ли, осенью, в иное время года ей хватало напастей, бед, тревог. Но мы улыбались, хлебосолы и гостеприимцы, доигрывали, говоря словами Фазиля Искандера, навязанный нам образ.

Теперь ничего этого нет. Нет надобности подрисовывать, ретушировать. Нет Сванети — убежища. Нет убежища для человека в мире, который он сам разрушает, строя.

Но наша земля, но наша родина мудрее нас. Принимая удары природы, корчась в муках, сотрясаясь и содрогаясь, оплакивая погибших и радуясь спасенным, она высекает из нас искру мысли, которая может по-новому осветить путь.

Час беды совпал с временем правды. И все званые в Грузию ее бедой оказались избранными. Все они показали истинный лик моей любимой и единственной, и за это низкий поклон всем и каждому. Разрушились села в Западной Грузии, равнинной и горной. Но произошло разрушение самого образа, сусальной олеографии земли обетованной, где якобы стоит протянуть руку — сорвешь золотое яблоко, поднимешь к небу лицо, и оно залепит рот своей манной.

Теперь с этим покончено. Грузинский Черныйбыль, как и в апреле прошлого года, когда с берегов Припяти донесся крик боли и ужаса, одарил нас чувством семьи единой — без дураков, повторяющих слова, в которые не верят.

Так кто же все-таки погиб?
— Не знаю, — отзывается друг. — У нас ведь пока не принято публиковать скорбные списки. Назван только Рахип Мамедов, азербайджанец, водитель амфибии. Спас в Чаладиди двадцать душ. А сам загинул.

Одной из этих двадцати могла быть моя. И все они могут быть моими знакомыми, приятелями, друзьями. Значит, я должен был быть на месте Рахипа. Он сделал мое дело и погиб за меня. Мне больно от этого. Мне больно за отца и мать Рахипа и стыдно перед ними. Их сын заменил меня, которому надлежало быть там в час беды.

— Ты не знаешь, что в Чохатаури?
— Не знаю...

Там, в селе Хеви, в междуречье Губазули и Сатобисегеле, на самом дне глубокого ущелья живет очень дорогой мне человек. И я не знаю, что с ним.

Однажды, когда я был там, Конониос Мамаладзе — так зовут этого человека — вывел меня на шоссе, пересекающее Хеви, топнул об асфальт армейской кирзой и сказал:

— Вот здесь, под дорогой, лежит мой брат. Шоссе прошло через старое кладбище, и теперь все они держат на себе дорогу, по которой мы ходим и мчимся с тобой.

Вспоминая об этом, думаю: такого шанса у нас никогда никому не отнять — держать на себе родину.

Не хочется называть этот разговор дискуссией или полемикой, ибо тема его — одиночество — очень личная, сокровенная. Тут нужны не столько обсуждение и споры, сколько просто человеческое участие, совет, поддержка. И хотя нет панацеи, спасающей от одиночества, и мы не рассчитываем изобрести универсальное средство, все же надеемся, что письма читателей в журнал — это уже начало какого-то общения, способного принести облегчение и радость.

Почему я одинок? — тут не может быть однозначного ответа: сколько судеб, столько и ответов. Да и тема не нова, могут нас упрекнуть. Верно, не нова, возникла она вместе с появлением первого человека, но, увы, не теряет и сегодня своей остроты.

Предлагаем вам несколько писем на эту тему и надеемся, что они найдут отклик в ваших сердцах.

НЕУЖЕЛИ ОБРЕЧЕН?

Я уже не верю, что когда-нибудь сам полюблю или полюбят меня. А это так обидно. Со мной случилось несчастье: я потерял ноги. В то время у меня была любимая девушка. Ее родители, подруги уговаривали бросить меня, я ее прогнал. Но все же она осталась со мной, и мы поженились. Прожили мы с ней чуть меньше трех лет. Но как тяжело было расставаться! Все эти три года я ждал этого момента, чувствовал, что она не выдержит. Может, только поэтому смягчился удар, и я не был сломлен до конца.

Я понимаю, что это последняя девушка, которая меня любила. Хотя теперь я спрашиваю себя: а любила ли она? Ее называли героем, хвалили за мужество. Все завидовали нашей любви. И вот она ушла. Что же это было? Ведь настоящая любовь должна преодолевать все трудности. Может, это было просто мираж? Но как узнать настоящую — не на год, не на три, на всю жизнь?

Теперь девушки от меня шарахаются, узнав, что я на протезах. В результате — полное одиночество.

Немного о себе. Мне 26 лет, работаю кладовщиком на судостроительном заводе. Живу с мамой. Это единственный человек, который помогает мне. Странно звучит: пожилая мать-пенсионерка помогает молодому сыну, когда должно быть наоборот.

Николай С.,
Тюмень

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА...

Мне восемнадцать лет. Года четыре уже я постоянно бываю на дискотеках, в кафе. У меня нет тех, кого принято называть друзьями. Именно друзьями, а не приятелями, знакомыми. Хотя сейчас почему-то всех принято называть друзьями: «О, у меня столько друзей!»

Не буду рассказывать свою жизнь, это неинтересно. В этом году оканчиваю техникум, учусь без троек. В группе у нас только двое ребят. Почему я говорю о ребятах? Так получилось, что в детстве я дружила именно с мальчишками, играла с ними в футбол, волейбол, они считали меня «своим парнем». А после восьмого класса компания наша распалась: кто остался в школе, кто поступил в техникум, училище. Появились новые заботы, мы стали меньше встречаться, а потом и совсем прекратили.

Встретить друга — это, наверное, звучит слишком высоко. Хотя бы найти просто интересных людей, которые бы тебя понимали, хотели сделать тебе приятное. Но где их найти? Где познакомиться?

Вы обращали внимание, на дискотеках на девяносто девять процентов звучат быстрые мелодии — танцуют каждый сам по себе. Почти всегда темно, толком никого не видно. Как познакомиться, с кем? Многие девочки озабочены одним: как бы «снять» парня поинтереснее. Но все эти «интересные» парни грубы, надменны, хотя за душой-то у них ничего нет. Знают только одно: «Девочки, едем с нами, у нас хата...» И ничего, девочки едут. А завтра делятся впечатлениями... И, знаете, я боюсь, что в один прекрасный момент тоже сломаюсь...

Оксана Л.,
Тамбов

КОМУ Я НУЖЕН?

Третий месяц, окончив училище, работаю на заводе токарем. Вот вы говорите: коллектив, коллектив! А что коллектив? Ко мне прикрепил наставника, так ему дела до меня нет, он только числится наставником, и ничего это не волнует. Хорошо, что я, как профессионал, кое-что умею, а то ведь пойдешь попроси кого-нибудь помочь — разбежусь!..

Вообще-то я в бригаде. Нас семь человек. Бригадиру тридцать пять лет, у него семья, заботы, он только и зна-

ет: давай, давай! Коллектив в переделках ходит, в многотиражке про него пишут: «Сплотила дружба... взаимовыручка» и т. д. А вся эта дружба кончается за проходной завода, каждый в свою сторону торопится. Я как-то предложил: давайте вместе отдохнем! На меня посмотрели, как на инопланетянина. Это тебе, говорят, делать нечего, а у нас — жены, дети, машины. Хотя ведь ребята все молодые: двадцать семь — тридцать пять.

В училище было скучновато, комсомол существовал формально, дружбы тоже не получилось. Вот я и курсирую: завод — дом — завод. Ну, в кино сходишь, посидишь почитаешь. Я — не «металлист», не панк, балдежа их не приемлю.

Теперь я начинаю понимать, почему мне скучно. В училище у нас не было самостоятельности, многое нам запрещали, нашими желаниями не интересовались, ничего от нас не требовали, кроме учебы. Вот мы и привыкли к этому. Я даже толком не знаю, чего хочу...

Юрий ПАВЛОВ,
Новокузнецк

Я — БЫВШИЙ РОМАНТИК...

Когда я работала первые годы после института в своей лаборатории, наш замглав меня спрашивал: почему вы все время улыбаетесь? Тогда мне было 23 года. Сейчас 29. Внешность вполне современная и привлекательная. Только от того времени отделяет целая пропасть.

Иногда мне кажется, что я — это не я, а какой-то другой человек ходит, живет, говорит за меня. В душе такая тоска и одиночество, что жить совсем не хочется. Была у меня любовь, потом обман, а потом — обыкновенная жизнь. Есть у меня друзья, с которыми можно поговорить на разные темы, провести время. Но это становится скучно.

К мужчине у меня отношение ироническое и недоверчивое. Одна моя подруга, оформив развод со вторым мужем, сказала, что теперь для нее мужчины — это братья по разуму, и все, а одиночество — это естественное состояние человека. Тогда я пришла в ужас от таких противоречивых для женщин речей, а теперь вижу, что так все и выходит. Хотя радости от этого никакой. Остается только работа, с которой мне еще повезло, так как в ней есть смысл: я занимаюсь исследованием некоторых серьезных детских заболеваний.

Я совсем не хотела быть одинокой, интеллектуальной и ироничной и не думаю, что одиночество — это «естественное состояние человека», но переступить эти рамки отчуждения уже не в силах.

Иногда думаю, почему так все складывается? Кто виноват? А никто. Виноват тот дурной романтизм, которым забивают голову в школе, в институте, ко-

Вячеслав СУКАЧЕВ

ОБЕД НА ДВОИХ

Восьмые сутки подряд моросил нескончаемый дождь, и Сергей уже всерьез начинал думать, что солнца больше не существует в природе. Казалось, всегда, во все времена было пасмурно и мокро на земле, глубоко напитанной влагой. Неузнаваемо изменилась за это время речка Ануя, превратившись из обыкновенного горного ручья в мощный и грозный поток, шум которого теперь явственно доносился и до зимовья. Давно уже скрылась под водою отмель, на которую посадил Володька вертолет, чуть ли не в середине потока оказался камень, на горбатой спине которого умывался Сергей после первой ночевки в Пожидаевом Зимовье. Однажды ему случилось увидеть, как три взрослых изюбря переплывали взбесившуюся речку: не без труда добрались они до противоположного берега и долго стояли у самой воды, высоко вздымая круглые бока.

Уже на второй или третий день Сергей и думать забыл про вертолет. По такой низкой облачности да еще и в дождь никакого «добра» на вылет Володьке дать не могли. Теперь он рассчитывал только на бригаду Ежова, которая словно потонула в бесконечных ерниковых даях, забыв о существовании Пожидаева Зимовья. Часами просиживал Сергей на ящичке под стеной избушки, понапрасну вглядываясь в холодную морось, прислушиваясь к каждому звуку на земле. А звуков этих в дождливое ненастье до обидного мало: шумит река на перекате, тяжело падают капли с крыши, редко, очень редко раздаются робкий пересвист молодых рябчиков.

Уже на второй день прикончив тушенку из единственной банки, Сергей целиком и полностью перешел на «Московские» сухари, так к стати оставленные кем-то в зимовье. Вначале он ел их как попало и когда вздумается, щедро угощая и Рекса — единственное живое существо, помогавшее ему коротать томительное одиночество. Но уже вскоре Сергей сообразил, что следует быть расчётливее, поскольку никто не измерял срок, на который зарядил поливать землю этот нудный дождь. Он установил норму для себя и Рекса: пятнадцать сухарей в день себе и шесть — собаке.

Утром, захватив полотенце, мыло и сухари, Сергей бежал на речку. Вымывшись по пояс в ледяной воде, он согревался несколькими энергичными упражнениями, накидывая куртку и съедая пять сухарей, предварительно обмывав их в воду. Сухари казались Сергею до обидного маленькими, тонкими, и, прожевав последний кусочек, он чувствовал, что мог бы съесть еще пять раз по столько же. Рекс, слопав два сухаря, кажется, ощущал себя лучше: по крайней мере Сергею он на эту тему ничего не говорил. А вот Сергей в эти минуты любил пофилософствовать, на полном серьезе обращаясь к собаке, внимательному и верному слушателю своему:

— Что, Рекс, трудновато нам приходится? Конечно, в одиночестве да еще и на голодный желудок не запоешь... Как говорил дед: на голодный желудок лишь поп да петух поют... Ну, ничего, нас так просто не возьмешь, правда? Ихтиозавр будет наш, как любят повторять Димка. Он-то, наверное, налопался сейчас щей у тетки Марфы и лежит на раскладушке, брюхо сытое чешет. Или зарядкой занимается, мускулы накачивает — дрова во дворе колет... Ох, Рекс, и поедим же, когда на базу выберемся. — Сергей сладко зажмурился, представив полнехонькую тарелку щей, в которых медленно растворяется ложка сметаны. — Я, например, сразу буханку хлеба съем и две банки тушенки с картошкой... А тебе, Рекс, здоровущий мосол достанется, такой, как у Веньки тогда был, которым он чуть дед Сенечку не зашиб... Сколько тогда у нас мяса было, а мы, Рекс, дураки, отворачивались от него. Да я бы сейчас...

Рекс внимательно слушал, похлопывал белесыми ресничками, повоя острими ушами с розовыми прожилками внутри.

— Эх, нет у нас ружья! — тяжело вздыхал Сергей. — Вокруг рябчиков полно, свистят так, что уже надоели, а мы с тобой голодные сидим. Обидно как-то.

Рекс понятиливо облизывался и продолжал слушать размечтавшегося хозяина, которому виделся рябчик то запеченным на вертеле, то потушенным с калупой и морковью, а то и просто отваренным в котелке с луковичей.

Конечно, без дела Сергей не сидел, иначе бы он просто рехнулся от одиночества и неизвестности, днем и ночью не дававших ему покоя. Перерыв рюкзака, он отыскал кусок спутанной лески, а из небольшой булавки смастерил крючок. Соорудив таким образом удочку, под кустом черемухи накопал червей и, радостно возбужденный, побежал на рыбалку. Забросил удочку в мутную воду, отыскав глубокого улова, и вспомнил, как рыбачили они с Димкой на Мензе, ожидая, когда спадет вода и можно будет переправлять лошадей. Поплавок из сухой черемуховой ветки медленно кружился по улову, за несколько часов не вздрогнув ни разу. Сергей так и не понял причину неудачи: или удочка у него получилась никуда не годной, или из-за большой и мутной воды не клева рыба. Однако он упорно продолжал рыбачить, с надеждой всматриваясь в каждую морщинку заплесной воды, которая могла сойти за след, оставленный какой-нибудь рыбиной.

Пробовал Сергей ловить рябчиков петлей, используя все тот же кусок лески. Но леска была пронзительно белой, толстой, слишком заметной на темном фоне ерниковых кустов, и рябчики в петлю не шли. Для этого дела нужен был конский волос, которым еще дед учил его ловить тетерок. Но где они, лошади? Наверное, пригнал их уже дед Сенечка в Мензу, и пасутся они на вольном пастбище за огородами, помахивая длинными, густыми хвостами, из которых миллион петель можно было бы наделать и хоть одного рябчика да поймать...

— И что это за манера такая, — ворчал на Рекса недовольный Сергей. — У лошадей и на гриве, и на хвосте вон сколько волос, а у тебя ни там, ни здесь ничего пугного не выросло. Что толку мне с твоей шерсти, которую ты вылизываешь каждый вечер?

В общем, свободный промысел у Сергея никак не получался.

Иногда часа на два-три дождь затихал, и Сергей спешно выволакивал на улицу все свое имущество для просушки. Хоть и не текла теперь крыша, спальник и одежда все равно отсыревали, тяжелели от влаги, а забираться вечером во влажный спальник — б-р-р!

В такие часы доставал Сергей из рюкзака заветный томик Есенина да аккуратно записывал все, что случилось за день. А что могло случиться за день? С громким, нахальным криком пролетела ворона, долго не отсылавался Рекс, так что Сергей невольно разволновался: а не убежал ли от него в поселок верный пес? Но Рекс, вывалив на сторону длинный, розовый язык, с шумом вылетел из куртарников и вопросительно уставился на хозяина: мол, в чем тут дело?

«9 августа. Сегодня ночью можно было помереть от страха, — сообщалось в одной из дневниковых записей. — Я проснулся от страшного крика совсем рядом с зимовьем. Казалось, кого-то душат или убивают. Рекс, лежавший в углу, тихо зарычал, но совсем не грозно. Я чиркнул спичкой и увидел, что он спокойно смотрит на меня. И тут крик, истощный, громкий, повторился. Теперь чуть подале. Я схватил топор и тут же понял, что это кричит дикий козел. Потом долго не мог уснуть. Все казалось, что кто-то ходит вокруг зимовья, ворочается в кустах, всплескивает на реке. Успокаивало только одно — молчание Рекса».

Подумывал Сергей и о том, чтобы отправиться в сторону Мензы самостоятельно. Еще с вертолета он произвольно определил сам для себя этот путь. Удерживало его на месте пока только одно — вспухшие от дождя реки, которые и думать было нечего пройти вброд. Однако с каждым днем росло желание пойти вниз по Аную, до его впадения в Мензу, а там связать из бревен небольшой плотик и сплавиться на нем до первых людей. И будь у Сергея хоть маломальский запас продуктов, он это желание давно бы выполнил.

Сухари между тем заметно убывали, а у Сергея просто не хватало сил сократить норму для себя и Рекса. Однажды он взялся и пересчитал остатки былой роскоши, полученный результат поделил на двадцать один и таким образом вычислил, что этой нищенской еды хватит не более чем на три дня. После этого у них с Рексом состоялся серьезный разговор.

— Надо что-то делать, дорогой Рекс, — озабоченно сказал Сергей, сидевший на небольшом ящичке со строительными гвоздями под стеной избушки. — Думать надо, думать, а ты только носишься по кустам.

— Гав! — согласился Рекс.

— Помирать от голода в этой чертовой избушке неохота. А дождь, сам понимаешь, еще неделю поливать может. Вон, смотри, вчера тучи шли с юго-востока, а сегодня они плывут назад... Они так могут и месяц над нами болтаться.

На это Рекс предпочел не отвечать.

— В общем, надо на что-то решаться... А вообще ружье бы нам с тобой, самое плохонькое...

Рекс обрадованно заскулил и ткнулся грудью Сергею в колени.

— Ишь, понял, значит? — ласково погладил собаку Сергей. — Все понял, умница. Да только нет у нас никакого ружья. Тушенки побольше дать и то Валерка с Венькой пожмотились. Испугались, что много вычтут у них за продукты. Ну и ладно, пусть они подавятся ею, тушенкой... А вот скажи, Рекс, ты бы дорогу домой нашёл?

— Гав! — утвердительно ответил пес.

— Конечно, нашел бы... А вот если я записку напишу, заверну в целлофан и привяжу тебе к ошейнику, ты ее домой отнесешь?

Рекс наморщился и подряд два раза чихнул, после чего извинительно замотал коротким, гладким хвостом.

— Нет, конечно, домой ты без меня не пойдешь, — вздохнул Сережа. — Ты скорее рядом со мной издохнешь, чем бросишь здесь меня. Это понятно... А жаль, умница ты мой. Сюда бы приехали и привезли целую кучу еды: тушенку, хлеб, сгущенное молоко, может быть, колбасу. — Сергей сглотнул набежавшую слюну, еще раз глубоко вздохнул. — Нет в мире ничего лучше, Рекс, чем хлеб с колбасой. Хлеб мягкий, душистый, а колбаса с маленькими белыми кусочками сала. Кусаешь, и на колбасе остаются следы зубов... Эх, Рекс, тебе этого не понять...

Утро только начиналось. Мелкая морось внезапно оборвалась, и на молодых осинках увидел Сергей небольшие лиловые пятна — первую визитную карточку приближающейся из-за северных сопков осени.

Сколько Сергей ни искал, кроме двух моховичков, среди вымокшего ерика ничего не нашел. В одном месте наткнулся на кусты шиповника, но ягоды еще не созрели, были тверды и невкусны. Однако в чай они по бедности содились, придавая напиток вязкий, горьковатый вкус, подпитав Сергея необходимыми витаминами. И еще один подарок природы был у него — черемуха. Сладковато-кислую эту ягоду ел он до тех пор, пока не начинало воротить скулы набок. К сожалению, голод черемуха не утоляла. Конечно, можно было перебить ерниковую марь и поискать пропитания в матерой тайге, но для этого нужно было ружье и хотя бы один погожий день. Увы, ни того, ни другого у Сергея не было и в помине. А между тем днем и ночью теперь ему грезилась только еда. И какие только кушанья не снились ему! Однажды привиделся натюрморт с рыбой, висевший в районной столовой в красивой, большой раме. Картину эту, огромную, почти во всю стену, написанную яркими, сочными красками, раньше он никогда не вспоминал. А тут вдруг снится ему, что он сидит как бы за перевернутой плашмя картиной и ненасытно поедает одно блюдо за другим. А повесть на той картине было чего: свежевспоротая кетина лежала в центре нарисованного стола, рядом банка малосольной икры, янтарной, крупной, какая бывает лишь в среднем течении Амура, из сквороды торчали голова и хвост большого сазана, зажаренного в сметане, небольшой кулан с золотистыми озерными карасями был небрежно брошен на углу стола, в тарелке горкой высились прозрачные ломтики вяленого сомика... В общем, было на что посмотреть. На славу потрудились художник, представитель нашего недавнего барокко, в недалеком прошлом весьма многочисленного и влиятельного племени ремесленников от искусства. Но ведь только посмотреть, а утром голова у Сергея кружилась, как только вспоминал он все подробности сна...

Разведя дымный костер от комаров, вконец осатаивших в последние дни, Сергей сидел на ящичке, перелистывая страницы зеленого томика стихов. Многие стихи он уже знал наизусть, но до сих пор не избивался от испуганного удивления и восторга буквально перед каждой есенинской строкой. Ну вот как, в самом деле, написать можно было: «Выткался на

озере алый свет зари?» Ведь это волшебство какое-то, чудо словесное... И как ни старайся, так хорошо уже не написать. Никому! Так мог только он, Сергей Александрович Есенин. Но почему же он мог, а я не могу? Что нужно для того, чтобы слова стали колдовскими, завораживали и удивляли людей?

Обо всем этом сидел и потихоньку размышлял Сережа, изо всех сил стараясь не думать о еде, когда вдруг закачались, зашумели кусты ерника и из самой их гущи вынырнул промокший Рекс, что-то большое и серое держа в пасти. Он встряхнулся, и брызги во все стороны полетели от него, потом неслышно подошел к хозяину и положил перед ним крупную тушку рябчика с отгрызенной головой. Сергей, застыв от удивления, ошумело смотрел на собачий трофей, потом, все сообразив, склонился и крепко обнял Рекса за шею, в полной мере оценив выдержку голодной собаки.

— Рексушка, молодчина ты мой! — пробормотал Сережа, с усилием сдерживая подступающие слезы благодарности. — Какой же ты молодчина! Собакушка ты моя...

Обдав птицу кипятком, Сергей в два счета обдергал ее, бросая пух и перья в костер, отчего поплыл по поляне хорошо знакомый угарный запах, сразу приманивший двух сорок-белобок, нырками засквозивших вокруг зимовья в надежде поживиться потрохами.

— Нет, голубушки, — усмехнулся Сережа, — ничего вам сегодня не достанется, не надейтесь напрасно.

Выпотрошив рябчика, он аккуратно положил теплые еще кишки на фанерку и отдал Рексу. Тушку, разделив по вдоль на две равные части, слегка осмолил на костре и одну половину забросил в котелок с водой. Вконец размечтавшись, подумал о луковиче с картошкой, но вскоре позабыл обо всем на свете, жадно вдыхая запах варившейся птицы. Подсолив варево, с нетерпением начал пробовать обжигающе горячую сурпу. Кажется, ничего вкуснее нельзя было придумать. И вот, наконец, уварившаяся, до обидного маленькая половинка рябчика в миске, рядом три сухаря и горка соли. Можно есть.

Он подобрал все, оставив только кости и половину консервной банки сурпы для Рекса, в которую искрошил один сухарь. Рекс тут же выхлебал свою долю, перемолотив острыми зубами все косточки, и удовлетворенно развалился у костра, помигивая белесыми ресничками.

— Получился у нас, Рексушка, обед на двоих, — ласково говорил Сергей, тоже сонно отяжелевший от еды, подкладывая дрова в костер. — И еще завтра мы с тобой живем. А там... Должен же он когда-нибудь кончиться, — задрал лохматую, изрядно заросшую голову Сергей. — Не век же ему лить... Вишь как тучи поднялись. Теперь бы хороший ветер, чтобы он всю эту мразь по сторонам разогнал... Вот, Рексушка, такие дела. Это про тебя, наверно, Есенин написал, только имя перепутал: «Дай, Джим, на счастье лапу мне, такую лапу не видал я сроду. Давай с тобой полаем при луне на тихую, бесшумную погоду...» Ничего, Рексушка, ихтиозавр будет наш, куда он от нас не денется. Главное, не психовать и не вешать носа. Так? Молодец, все ты понимаешь...

А чуть позже вновь сидел Сережа на своем любимом месте, и ему представлялось, как возвращается он домой. Возмужавший, в хорошем костюме, с бородой,

он идет по Озерным Ключам в сторону Выселок и напротив дома Настьки Лукиной останавливается на минуту, чтобы завязать шнурок на ботинке. А в это время гремит щеколда на калитке и выходит на улицу Настя. В синем платье с треугольным вырезом и короткими рукавами, в белых материнских туфлях на высоком каблучке. Она внимательно и серьезно смотрит на Сергея, потом медленно идет к нему, покачиваясь в непривычной обуви. Ее темные, большие глаза неподвижно держатся на нем, легонько раздвигаются полноватые, красные губы и...

Сергей вздыхает, с надеждой смотрит на пасмурное небо и вновь прикрывает глаза.

Во второй половине дня вырвался из-за сплошной гряды сопки крепкий, холодный ветер и погнал тучи вдоль распадка, зашумел в голых вершинах горельника, и словно бы пригнулся, присел кустарник. Вроде бы зябко и неуютно стало на земле, а вот Сергею перемена эта была в радость. С надеждой смотрел он на мутное от грязно-серых облаков небо и к вечеру обмер сердцем от радости: навальный ветер-листобой поразогнал тучи, разметал их во все стороны, и на западе вспухло огромное, красное, заходящее солнце. Багровый, словно при пожаре, свет от него тревожно лег на душу, всколыхнул какую-то робкую, затаенную память, от которой томительно-сладко, словно в предчувствии опасности, стало у Сергея на сердце. Завороженный, счастливо пьяный надеждой, слушал он хриплый шум предосеннего ветра и неотрывно наблюдал, как огненный шар, круглое адово пламя, медленно клонится долу, в упор высвечивая прощальным светом успевшие покрыться снегом крутые вершины сопки. И даже Рекс, словно поняв всю важность этих минут, притих подле ног хозяина, жадно выщупывая воздух влажными норами темных ноздрей.

Не было сил усидеть подле зимовья, и Сергей, притворив дверь, побежал к реке. Он был почти уверен, что время его одиночества в Пожидаевом Зимовье

через полминуты ловкая утка вынырнула метров за пятьдесят вверх по реке.

— Эх, отсюда не достать,— огорчился Павел Владимирович, разочарованно покосившись на пистолет.

— А и зачем?— холодно спросил Подорожник, собирая грязную посуду в кастрюлю.— Пить-есть нам хватает, так зачем живую душу губить?

— Да вы, дорогой профессор,— сощурился инженер,— никак верующий? Все о душах заботитесь, а мне на них плевать! Захотел — выстрелил... Ну и что?

— Дело, конечно, ваше,— сник Подорожник.— Да ведь душа-то, она и у вас должна быть, ни во что не верующего.

— Бросьте вы мне!— решительно поднялся Павел Владимирович.— Люди в космос летают, а вы все по старинке о душе печетесь. Надо будет повнимательнее посмотреть, дорогой Вениамин Александрович, чем вы дышите в настоящий момент?.. А то забралась в глухомань, упрятались, и все? Не-ет, шалишь, вы член коллектива и обязаны от него не отрываться...

А камешка между тем, поднявшись на крыло, хрипло расхохоталась «хе-хе-хе-хе!» и скрылась за крутым поворотом.

И вновь потянулись бесконечные километры, все мучительнее дававшиеся Сергею. На привале он в ключья разорвал свою рубашку, обмотав лоскутами металлические крючки на вьючном седле и веревочные стремена. Наверное, все это имело бы смысл в самом начале пути, а теперь, когда ноги были уже натерты до крови, облегчения он не испытал. Все чаще сдерживал Сергей свою Медичку, переводя на шаг, с трудом удерживаясь в седле и мечтая только об одном — упасть в траву и никогда больше ни на что движущееся не садиться. Несколько раз он едва не закричал: «Хватит! Больше не могу!» Но последним усилием воли все-таки сдерживал себя, кусая от боли и унижения губы.

А инженер по технике безопасности весело скакал вперед, палил из пистолета по птицам, заставляя своего жеребчика прыгать через поваленные деревья и небольшие ключики, оглядываясь, белозубо скалясь на спутников, и поторавливал их, показывая на клонящееся к закату солнце.

А к вечеру, как нарочно, стал появляться мокрец. Нет-нет да въезжали они в роящуюся темным облаком мошку, безжалостно и больно жалившую куда попало, но в основном в лицо и за ушами. Невозможно было уберечься от этой мельчайшей твари, которая проникала всюду, как пыль: забиралась под тугие резинки рукавов энцефалитки, под плотно затянутый капюшон и даже в сапоги под портянки. В одном месте они пересекли просеку телефонной связи, и Сергей обомлел, впервые увидев провода в палец толщиной, провисшие под тяжестью несметного скопища мокреца. Даже Павел Владимирович поувал под сокрушительным напором мошки, глубоко на уши натянув ковбойскую шляпу, отчего сразу же потерял весь свой лихой и жизнерадостный вид.

— Живьем заедает, ехер-мохер,— проворчал Подорожник, расчесывая уже успевшие вспухнуть уши.— И репудин их, сволочей, не берет.

К счастью, вскоре сорвался с вершины гольца свежий ветерок и в одну минуту разметал полчища кровожадных тварей, неизвестно для чего допущенных к жизни на земле.

Как они преодолели последние километры и въехали в Мензу, Сергей помнил смутно. Он лишь отдавал себе отчет в том, что уже поздний вечер, светит луна и люди идут в кино на последний сеанс. Знакомые сельские звуки, от которых он успел отвыкнуть в тайге, до слез разволновали его.

Кто-то встретил их в просторном дворе базы, помог Сергею сползти с седла. И тут выяснилось, что даже идти он не в силах. Димка и еще какой-то незнакомый парень в энцефалитке подхватили его под руки и почти понесли в дом. А во дворе гремел рассерженный голос деда Сенечки:

— Вы что же, в дышло царя мать, поменяться седлом с ним не могли? Угробили парнишку, олухи царя небесного...

— Н-но,— возник было Павел Владимирович, но дед Сенечка не дал ему договорить:

— Ты на меня не нокай, я тебе не лошадь... А я вот Хохлову в отряд позвоню и про твои фокусы все доложу ему, петух заморский...

— Он может,— уверенно сказал незнакомый парень, укладывая с Димкой разбитого Сергея на раскладушку.— Он ведь нашего начальника отряда еще техником по этим местам водил. Лет двадцать назад.

— Ну це, напутествовался?— сверкнул зубами Димка.— А тебе тут телеграмма пришла... Зачитываю: «Срочно приезжай домой. Баба Маруся лежит в больнице. Дед». А я думал,— глубоко вздохнул друг,— мы с тобой на Байкал смотаемся... Ну ничего, ихтиозавр будет наш!

На стенке тихо бормотал репродуктор, ярко горела электрическая лампочка под потолком, с кружкой парного молока спешила к Сергею тетка Марфа, и не верилось ему, что все-все уже позади.

“Отчизне посвятим”

Дорогие друзья! Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборки их стихов. Желаем успехов! Ждем ваших писем.

Анатолий МОВШЕВИЧ,
преподаватель,
Дзержинск

Детский дом

*То дождик лил, то снег кружил
и падал за окном.
Я раз в неделю приходил
в обычный детский дом.*

*Я, увлекаясь, говорил
о Грине и о По.
И дом я этот полюбил —
мне было там тепло.*

*Лишь иногда случайный взгляд,
оброненное слово.
Я понял — так в глаза глядят
лишившиеся крова.*

*Снег в окнах. Сказка перед сном,
где доброта упряма.
Что значит детство, если в нем
не будет слова: «Мама»?*

*Я часто раньше говорил:
«Ах, как я одинок».
Но как я в детстве счастлив был,
понять теперь лишь смог.*

*А дождик лил, и снег кружил
и падал за окном.
Я раз в неделю приходил
в обычный детский дом.*

Александр БЕЛАВИНСКИЙ,
военнослужащий,
Москва

*Давно затихли залпы боевые,
Березки сторожат их вечный сон.
Но новые победы — трудовые —
Им салютуют ото всех сторон.
И День Победы разом вызывают,
И взрывы, и ревущие поля...
Разрыв снарядов также отрывает
Листочки той войны календаря.
Что ж, наше счастье,*

*что мы мира люди.
Спасибо вам за то, что вы прошли!
Вам, ветераны, только вам
мы будем
Писать стихи о будущем Земли.*

Маша СТЕПАНОВА,
школьница,
Москва

*В душном автобусе Ялта — Мисхор:
«Мама, скажи мне,*

*а море какое?» —
Девочка спрашивала, до сих пор
Моря не видел, не зная покоя.
И неожиданно между узлов,
Там, за окном,*

*где все время мелькало,
Что-то случилось...*

*И стало без слов
Ясно, что девочка море узнала.
Иль угадала в безмерной дали
То, что давно*

*в ее сердце стучалось,
Что возникало у края земли
И никогда и нигде не кончалось.*

Нина СТРАХОВА,
журналист,
Свердловск

Кинооператор

*Проверены гранаты, автомат...
И ко всему, что для атаки нужно,
Он брал с собою киноаппарат —
Добавочное точное оружие.
Взбегал на бруствер,
к травам припадал,
Стрелял и на момент
скрывался в щели,—
И аппарат послушно стрекотал,
Без промаха выискивая цели,
И вдруг смолкал,
На землю падал вдруг,
И в это же короткое мгновенье
Его брала другая пара рук
И снова посылала в наступленье.
Какой по счету
в смертной эстафете
Сумел вручить
потомкам кадры эти?..*

Сергей КВИТКО,
рабочий,
Краснодар

Путь

*Тайга от Красноярска до Игарки.
Мартыны над усталою водой.
Лениво проплывающие барки
С людьми, мехами, лесом и рудой.
А дальше —
только тундра да озера,
Да город,
самый северный в стране,
Да ветер, выполняющий роль тапера,
Играет на единственной струне.
Река волну студеную торопит,
И глушат рыбу резвые винты.
По берегам, переходящим в топи,
Стволы осин встают из темноты.
Туман. Закат.
Суровая окрестность.
И льды в реке шатают на весу...
Мне двадцать пять.
Я еду в неизвестность
И чемодан надежд с собой везу.*

Павел ГУЛЕВАТЫЙ,
слесарь,
ст. Основа
Харьковской обл.

*Чудак провинциальный. Тугодум.
Он в дебрях слов
выискивает строчки.
Душой несется, рвется наобум
И не спешит
в конце поставить точку.
В его стихах все сводится к тому,
Что вянут листья,
стынут под ногами,
Что столько листьев всюду, потому
Минор преобладает в этой гамме.
И сквозь косноязычия комок
Шершавыми от ярости губами
Он хочет неба синего глоток.
Ему бы неба над семью лугами!*

Кто вы? — полюбопытствовали девушки.

— Изыскатели.

— А что вы изыскиваете?

— Железную дорогу.

— Строители ее потеряли, а вы ищите?

С такого вот услышанного в Беркаките диалога началось наше знакомство с работниками Якутской комплексной изыскательской экспедиции Мосгипротранса. Уже несколько лет ее комсомольско-молодежный коллектив трудится над изысканием трассы Амуро-Якутской железнодорожной магистрали, проект которой разрабатывается под руководством главного инженера Сергея Липатова.

«Бермудский треугольник»

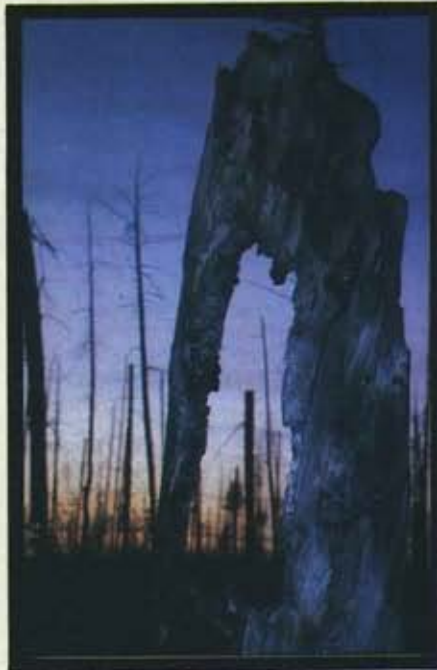
— Почему этот участок назвали «Бермудским треугольником»? — повторил мой вопрос старший инженер Андрей Чаликов. — Это проще нарисовать, чем объяснить словами, — сказал он, нацеливая острие отточенного карандаша на лист голубой миллиметровки. — Вот Беркакит, — ставит точку Андрей. — Здесь начинается АЯМ. На первых километрах он идет в одном направлении с действующей железнодорожной веткой. На подходе к реке Чульман дороги круто расходятся. АЯМ перешагивает на левый берег. Долина реки довольно узкая, и вот в этом крайне зажатом месте нужно было решить сло-

жнейшую задачу развязки потоков на три направления. Мы проработали двадцать вариантов и выбрали оптимальный. — На чертеже обозначился треугольник. — Но дело тут не в геометрии. А в том, что выносить трассу в натуре пришлось зимой, отсюда дополнительные трудности: погода расправлялась с нами похлестче, чем в замороченных Бермудах...

Группа изыскателей прилетела в Беркакит поздней осенью 1984 года. Разумеется, опыт работы у каждого из них был разный. С Игорем Лукиным, например, ныне начальником партии, наш фотокорреспондент познакомился еще в 1974 году на изысканиях трассы БАМа (треть экспедиции прошла опыт

изысканий на втором Транссибе). Андрей Артюнин — внук инженеров-транспортников и сын изыскателя — имел лишь «генетический опыт», сам-то он только несколько месяцев назад, окончив МИИТ, пришел в Мосгипротранс. Его тезка Андрей Артемов приехал в Беркакит после года работы в Сирии. Там в пятидесятиградусную жару он мечтал о зиме. Здесь, в тайге у Чульмана, столбик градусника опустился на сто делений ниже.

Каждый день, если только этот самый столбик не зашкаливало за минус 50, вахтовка вывозила в тайгу изыскателей. Они прыгали в снег, и в морозной туманной пелене их можно было принять за большие темные сугробы.

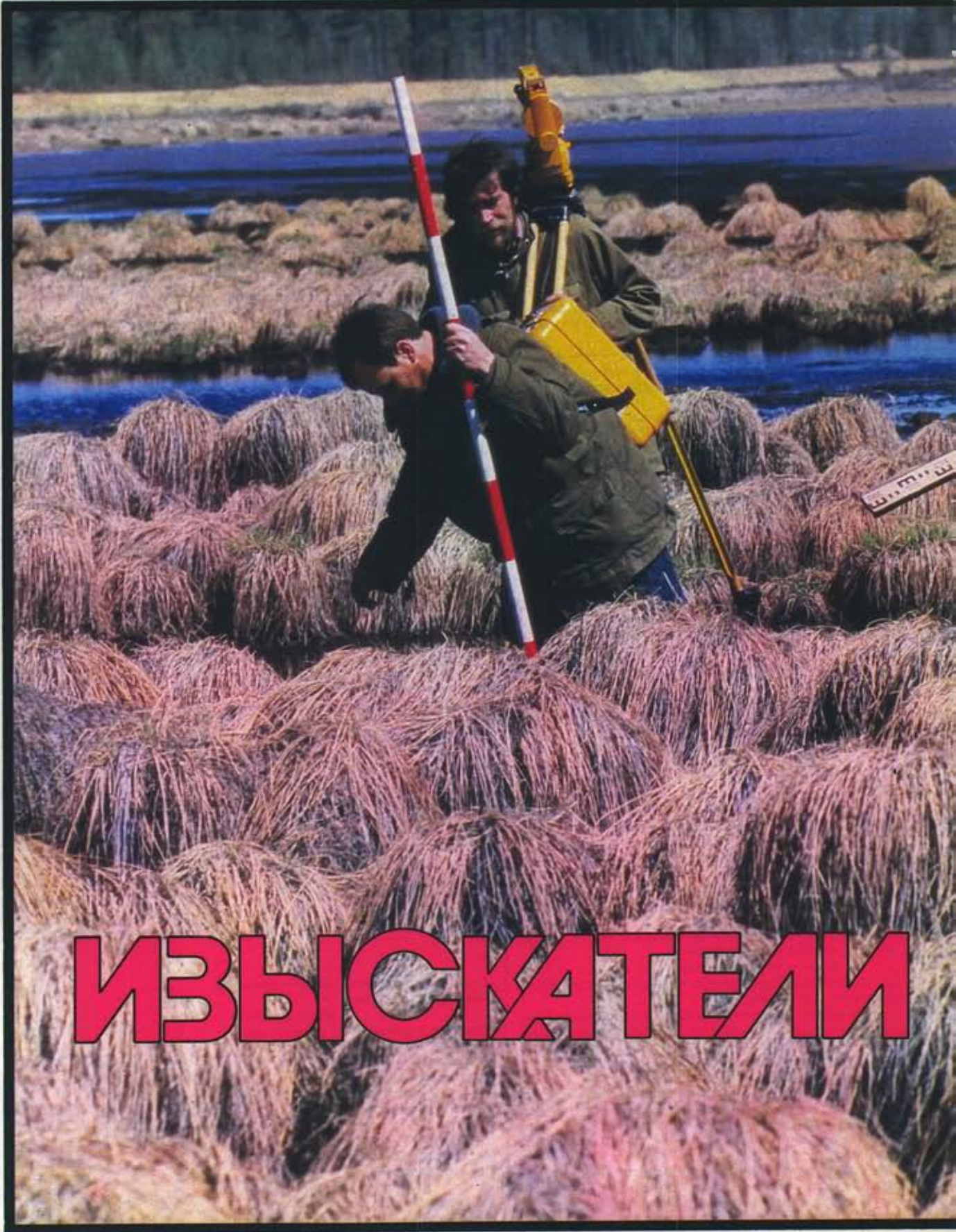
Пока не проложено шоссе...

Таяжная столовая.

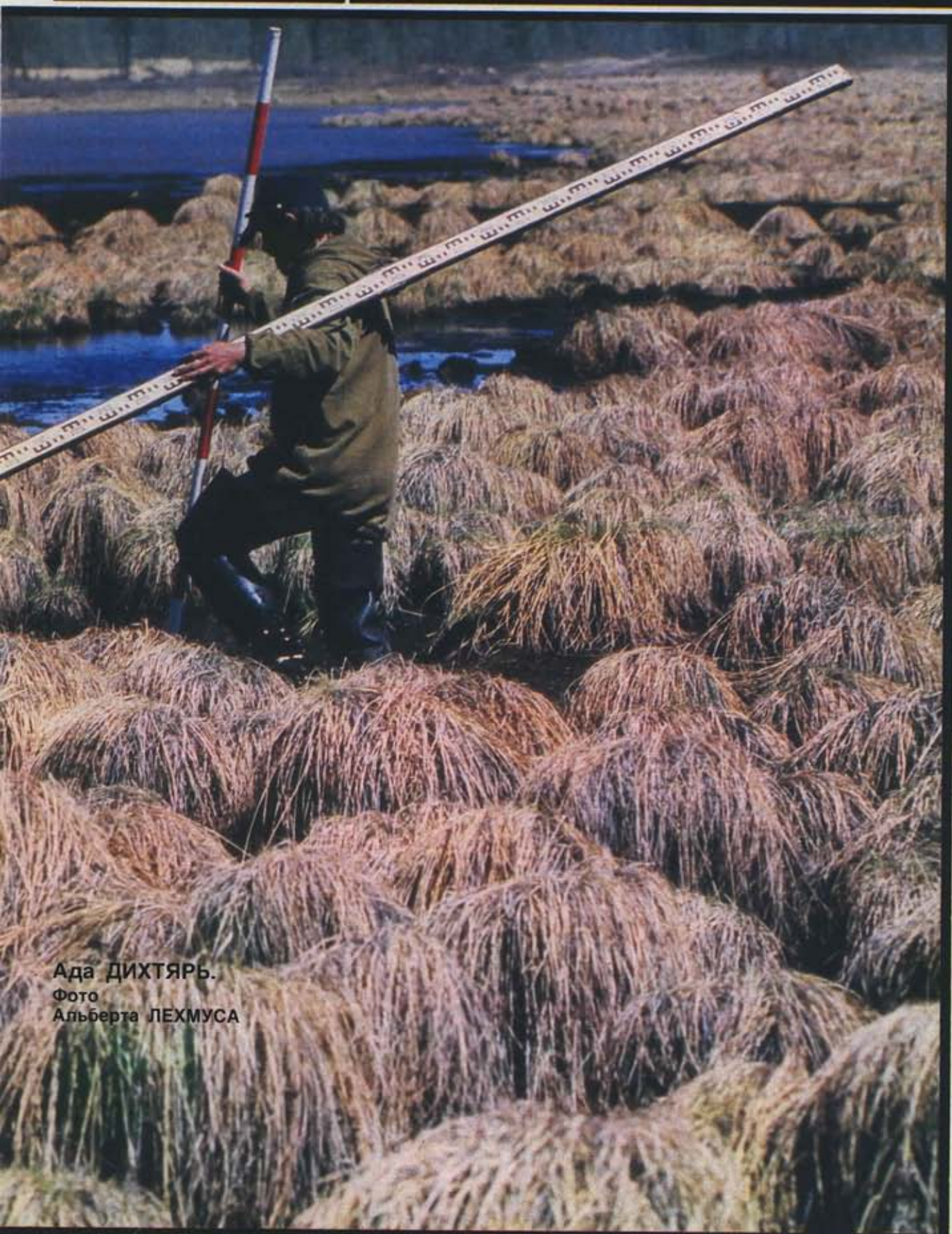
Здесь бушевал лесной пожар.

Главный инженер партии
Андрей Артемов.

Маршруты изыскателей
проходят по мерзлотным
болотам.

ИЗЫСКАТЕЛИ

Ада ДИХТЯРЬ.
Фото
Альберта ЛЕХМУСА

Кто в полушубках, одетых на два-три свитера, кто в толстых куртках для сложных метеоусловий. Поверх ватных брюк, чтобы снег не забивался в валенки, натягивали широченные из жесткой ткани штаны, помогавшие не тонуть в снегу.

Снег неподатлив, сыпуч от мороза. По нему надо проплыть, проползти — пробить тропу. Уплотнить собственным весом площадку и установить инструмент. Стужа. Дышать трудно. Курить невозможно. Случалось, раскатывались от холода и топоры.

Мороз прихватывал смазку — теодолит не повернуть. Правильно навести окуляры удавалось только без рукавиц. Не спасали и тонкие перчатки. В них было неудобно писать, а за день приходилось заполнять несколько страниц журнала. Пальцы коченели. Карандаш выскальзывал в снег... С той экспедиции прошло больше двух лет, но обмороженные руки многих из ее участников до сих пор болезненно реагируют на резкую смену температур.

Партии геологов в это время вели буровые работы на Чульмане. Только на первых 64-х километрах АЯМа было намечено пять больших и десятки малых и средних мостовых переходов. Чтобы их запроектировать, нужны были геологические характеристики грунтов.

Самоходные буровые установки вставали прямо на лед промерзшей до дна реки. На одной из самых мощных работ ас бурения Иван Шандор и совсем еще не обстрелянный, только со студенческой скамьи, инженер-геолог Володя Елисеев. Чтобы определить, способен ли грунт нести на себе тяжесть мостовых опор, нужно было углубиться на 20—25 метров. Через каждые тридцать сантиметров проходки Иван извлекал из скважины керн. Супесь, суглинок — Володя определял породу, отсыпал образцы в целлофановые пакеты, отбирал в биксы, записывал все необходимое в журнал и нетерпеливо засовывал окоченевшие руки в неуклюжие меховые рукавицы. Грелись у костра. Чтобы не тратить времени на поиски валежника в глубоком снегу, жгли старые автомобильные покрышки. Резина горела с большим жаром, но страшно коптила. Вид у героев «якутских Бермуд» был весьма живописным.

С наступлением темноты они уходили в вагончики к строителям — неподалеку «садилась» механизированная колонна. Переезжали на новое место баумовские коллективы. На всем 350-километровом участке будущей магистрали от Беркакита до Томмота разворачивали подготовительные работы мехколонны, мостоотряды, подразделения буровзрывников. Весной они должны были получить от изыскателей чертежи и приступить к строительству. Это обстоятельство и продиктовало суровую необходимость завершить детальные изыскания на головном участке трассы зимой, а не откладывать их на весенне-летний сезон, когда обычно и проводятся все полевые работы.

На месте, в Беркаките, трудилась оперативная группа рабочего проектирования, которую возглавлял главный

ним лениво трясет медведь. На счастье, рядом работали наши геофизики и тоже с криком бросились к Мурзаву. Мишке, конечно, не нужна была такая скандальная компания...

К этому нужно добавить, что тайга южной Якутии для медведей голоднозавата, и они даже летом злые. Не по книжкам познают изыскатели таежную экологию. Не по картинкам изучают природу своей страны. И не только своей. Многие из тех, кто собрался под крыльями этой палатки, помогли строить дороги за рубежом. Инженеры Надежда Веселова и Ольга Марченко, например, работали в Алжире. Надя рассказала, что, когда по возвращении она оказалась в отделе заграничных работ, то просто испугалась, что вдруг больше не попадет в Якутию. «Мы ведь с Ольгой здесь с восьмидесятого года, с самого начала изысканий на АЯМе», — пояснила она.

Но нет, не выработанная временем привычка заставляет этих людей неустанно чувствовать себя в комфортных условиях за границей. Любимая работа, четкое осознание жизненной цели, равно как и испытанное нелегкими буднями дружелюбие, тянут их в эти неласковые края.

«Я готов за каждого душу отдать», — скажет Александр Устинов, человек удивительного обаяния и интеллигентности, начальник партии, в которой работают Ольга, Надежда и Андрей Чаликов. Их коллектив раньше всех завершил изыскания и стал победителем в соревновании — первым среди равных. Я читала подробный протокол их недавнего комсомольского собрания. Там не было ни одного пустого слова.

— Вы только не идеализируйте нас и нашу жизнь, — сказала Ольга Марченко. А несколько человек как бы в назидание рассказали нам историю одного газетного снимка. Он был сделан лет десять назад, еще в пору работы москвитрансовцев на изысканиях БАМа. На снимке был запечатлен один из наших знакомых по экспедиции, на руках выносящий из вертолета свою невесту, облаченную в белый наряд. Оказывается, вертолетом в действительности прилетел фоторепортер. А жених с невестой и «свидетели» в энцефалитках, спасаясь от комаров, протопали два десятка километров до Тындинского загона и обратно пешком.

Нет, мы не собираемся рисовать идиллические картинки. Да и время таких картинок прошло. Хотелось лишь добавить новые штрихи к коллективному портрету экспедиции. И сделать небольшое обобщение. Одержимость работой, внутренняя подлинность общей цели извлекают из пестроты человеческих чувств бескорыстную преданность товариществу, взаимопонимание, взаимоподдержку, искренность и безыскусность отношений, способность быть самим собой. Таков здесь климат. Именно эта атмосфера формирует изыскателей-первогодков, практикантов и подчиняет, что хотелось бы отметить особо, тех, кто приходит в экспедицию на сезон.

Каждый начальник партии знает по опыту: весной он приедет на работу, на руках — задание, надо приступать к изысканиям, а он застрянет на ремонтных и кадровых проблемах. Дело в том, что половина состава экспедиции — буровые мастера и их помощники, водители, разнорабочие — принимается на сезон. По осени идет с ними полный расчет, и люди, привязанные к изыскателям, 3—4 месяца до нового сезона находятся как бы в долгосрочном нанимателем не оплачиваемом отпуске. Удержать их в такой ситуации трудно, особенно шоферов и вездеходчиков. Изыскатели нашли выход. Они предложили оставить на зиму в Беркайте большую ремонтную группу из водителей и буровиков. Тогда весной сразу приступят к работе люди, знающие дело, да еще и со своей, отремонтированной собственными руками техникой, которую они будут все лето по-хозяйски беречь.

Администрация Мосгипротранса разделяет это мнение, но ссылаются на фонд заработной платы, лимиты, выде-

ленные на изыскания, на другие финансовые барьеры, бдительные контролируемые стройбанком. Хотя то, что эконормится на 3—4-месячной зимней зарплате, оборачивается летом большими потерями: неотремонтированная техника, неподготовленные работники, которых нужно учить, угробленные машины, за которые садятся случайные, залетевшие на сезон люди. Надежда только на тех рабочих, кто душой держится за свой коллектив. Но вот новости: чье-то волонтеристское решение недавно уравнило в зарплате водителя вездехода и шофера. Один из ветеранов экспедиций Мосгипротранса 17 лет управлял вездеходом и назывался техником-водителем. На восемнадцатом он стал именоваться просто водителем и с утратой половины своего титула потерял из зарплаты около ста рублей.

Человек, который столько лет проработал на одном месте, возможно, и никуда не уйдет. А молодежь? Ведь в соседней организации за ту же работу платят больше. Урон двойной — коллектив теряет рабочего, а рабочий теряет такой коллектив. И неизвестно, куда вывернет судьба многих молодых и не очень окрепших в жизни людей, когда она начнет мотать их по дальним дорогам.

Понятно, что воспитание людей не входит в служебные обязанности изыскателей. Но без этого нет инженера. Нет интеллигента. Вот и такими гранями оборачивается кадровый вопрос. Может быть, стоит рассмотреть предложение экспедиции? У изыскателей — замечательная профессиональная черта: смотреть на все с точки зрения экономической целесообразности. В большинстве своем нерасчетливые по натуре, они рационалистичны во всем, что касается государственной пользы.

— Два миллиона — цена километра АЯМа, — объяснял мне один 25-летний инженер. — Две тысячи стоит метр. Сколько таких тысяч мы сохраним государству на 830-километровом пути к Якутску, если сосредоточимся только на поисках трассы, если будем работать без простоев и авралов! Изыскатель спит спокойно только тогда, когда дорога, которую строят по его проектам, будет абсолютно «здоровой»...

...Как хорошо в прекрасной тесноте изыскательского братства! Десятый раз кипятится и заваривается чайник. «Хватило бы воды», — не без основания беспокоится инженер Николай Судаков. Он сел между двумя Александрями, и кто-то сразу пошутил: «Скорей загадывай желание!» Мне кажется, я догадалась, о чем он подумал. О том, чтобы успешно закончился сезон, чтобы все хорошо было дома и чтобы на следующий год оказаться рядом с друзьями. Николай в экспедиции впервые. С его слов я знала, что он с мальчишеских лет мечтал быть изыскателем. Но стал строительным мастером на железной дороге. Когда в его семье упрочился достаток и подросли малыши, решил вместе с женой, что можно начать все заново. Перешел с двухсот двадцати на сто пятьдесят, поступил в МИИТ и с радостью занимается тем, к чему все время тянулась душа.

Как-то мы ехали с ним и его товарищами из маршрута. В проеме между задним бортом и брезентовой крышей грузовика тянулась мокрая колея, и слева от нее стелился подросток. Сильный свет закатного солнца пронизывал все, что только могло зеленеть и цвести на этой суровой земле. Он наполнял сиянием каждую хвоинку недавно распуштившихся лиственниц, и они убежали от нас, легки и прозрачны, как облака...

Дорога для Якутии — главное условие дальнейшего развития этой автономной республики, занимающей седьмую часть Союза.

Уже отошли от БАМа начальные километры стального полотна — Амурская магистраль взяла курс на север. Этот курс проложили изыскатели. Они шли вперед, не обходя препятствия. Через реки и горы, по топяным и наледям, сквозь тайгу. И путь этот называют магистральным ходом. Потому что он — первый и самый прямой.

После выступлений «Смены»

ДЯДИ ПИШУТ — ДЕТИ КУРЯТ

Открытое письмо Минздраву, Минпросу и Минвузу

Опубликован цикл статей «Курить или жить?» («Смена» №№ 13—15 за 1986 год), редакция обратилась к руководителям Министерства просвещения СССР, Министерства высшего и среднего специального образования и Министерства здравоохранения СССР с просьбой высказать свои соображения по поводу дальнейшей борьбы с курением.

Мы получили три письма.

Начнем с Минздрава, ведомства, имеющего наибольшие хлопоты, связанные с курильщиками. В редакции побывал представитель Минздрава, были уточнены аспекты обсуждаемой проблемы, на которые, на наш взгляд, следовало бы обратить особое внимание. Мы просили подготовить ответ, из которого можно было бы заключить, как же конкретно осуществляется борьбу с курением министерство. Мы прекрасно понимаем, что возможности Минздрава ограничены в основном мерами предупреждающими, нежели запрещающими, однако ожидали, что разговор состоится более предметный.

В очень подробном письме в редакцию заместителя министра А. М. Москвичева немало правильных рассуждений, но недостает конкретных предложений и конструктивных мер.

Так, например, «Смена» в своих статьях писала: «Облитерирующим энтеритом (часто с ампутацией ног) страдает каждый седьмой курильщик».

Нам отвечают: «99 процентов болеющих облитерирующим энтеритом (заболевание сосудов нижних конечностей) — курильщики».

«Смена» писала: «Жены курильщиков умирают на 4,1 года раньше среднестатистических сроков».

Нам отвечают: «У женщин, чьи мужья курят дома, рак легких наблюдается в 3,5 раза чаще, чем у женщин, у которых мужья не курят».

«Смена» писала: «Основная масса курильщиков стала таковыми в возрасте до 20 лет. В 20—24 года курят 78 процентов мужчин и 15,6 процента женщин».

Нам отвечают: «Основная масса курильщиков формируется в возрасте до 20 лет: в 20—24 года курят: 35—40 процентов женщин и 67—75 процентов мужчин».

Мы пишем о раке, и нам пишут о раке, мы пишем о курящих женщинах, и нам пишут о таковых, мы пишем о воздействии курения на функции зрительных и двигательных анализаторов, и нам пишут о том же, мы пишем о недопустимости курения среди врачей, и нам пишут о недопустимости...

Пожалуй, более всего заинтересовало редакцию сообщение о том, что Госагропром планирует выпустить в 1987 году гаммабазина 450 тонн вместо 133 в 1985 году. Однако это, похоже, одно из немногих реальных дел, которые можно отнести к заслугам Минздрава в борьбе с курением...

Кстати, о реальных делах.

Вопрос к читателям: пожалуйста, сообщите в редакцию, есть ли в вашем городе больница или поликлиника, где ни один врач не курит?

В ответе Министерства просвещения СССР на первый взгляд соблюдены все необходимые требования к подобному рода документам. В нем говорится о многочисленных лекциях, брошюрах антиникотиновой направленности, есть и доля самокритики.

Нам пишут: «Приказом Минпроса СССР «О мерах по усилению борьбы с курением» (12.09.80 г. № 121) курение в учреждениях просвещения запрещено». Открываем «Правду» за 2 января 1987 года и из статьи «Престиж и достоинство учителя» узнаем, что учитель не только курит в классе (!), но и не стесняется этого и даже ссылается на пример директора. Мы заходим в школу, расположенную рядом с Минпросом, и задаем вопрос директору: «Кто из учителей курит?» Директор — женщина — со смехом отвечает: «А я и сама курю!»

Вот поэтому и все правильные рассуждения в письме министерства выглядят лишь правильными рассуждениями, ибо реальных результатов практически нет. Примерно то же можно сказать и об ответе из Минвуза.

Нам пишут: «В высших и средних специальных заведениях строго поддерживается запрет на курение в учебных корпусах и общежитиях, запрещена продажа табачных изделий в буфетах, столовых, киосках «Союзпечати». Но покажите нам хотя бы одно учебное заведение, где бы эти запреты выполнялись!

Вот они, эти три ответа из министерств, в большей степени несущих ответственность за здоровье будущих поколений. Но что же изменилось? Меньше стали курить? Меньше выращивается табака? Такими мерами и темпами, о которых говорится в официальных ответах, можно бороться с курением и десять, и двадцать, и сто лет... Когда мы готовили цикл статей «Курить или жить?», хотелось не просто проинформировать читателя о вреде курения, но и привлечь внимание на остроту проблемы тех, от кого реально зависит успех борьбы с этой пагубной привычкой. Но, судя по ответам, существующая ситуация по-настоящему волнует только нас и читателей, ибо беспоконья, тревоги, желания что-то решительно изменить в обозримые сроки мы не увидели в письмах вышеперечисленных ведомств.

А может быть, коллегиям этих трех министерств провести совместное заседание и разработать конкретный план по борьбе с курением, не для отчетов — для пользы дела, для сохранения здоровья многих людей? Мы ждем реальных дел, а не бумажных обещаний. Наконец, последний вопрос к читателям: встречали ли вы такие комитеты ВЛКСМ, в которых ни один из комсомольских руководителей не курит?

Владимир ЦЫБИН

ПРОБУЖДЕНИЕ

■
Не знаю я, кто вышел из зеркал
разбуженной,
сбежавшей с крыш капели.

Я в них взглянул,
и я тебя узнал
в комочках сна,

что на зрачках созрели.
И там, во сне, я слышал, что весна
разголубила мартовские выси,
что от меня

по скользкой кромке сна
вот-вот уйдешь ты вкрадчиво,
по-лисьи.

Хотя снега уже полны весной,
и я во сне своем

боюсь проснуться:
а вдруг проснусь —

и нет тебя со мной,
и мне на белом свете станет пусто.
На тайной стороне небытия
зеркального, слепого сновиденья
безвольное рассыпанное «я»
собрать должна

в одно ты отраженье.
Все люди, кем хотел когда-то быть,
покинули меня, ушли толпою,
и больно, что хочу себя забыть,
и страшно мне,
что становлюсь тобою...

■
Ты спи — во сне так много тишины,
и чтобы в день вступила ты,
как в диво,

в глазах своих я нарисую сны,
пушу — плывите —
по изгибам дыма.

Все, что нашел в себе
и что любил,
я превращу в живые изваянья,
и ягодною вышивкой рябин
я заштрихую наши расставанья,
чтоб обнялись в тебе, животворя,
кленовый шелест

в темноте намоклой
и обожженный профиле сентября,
что вжегся в сердце

острою наколкой.
В твоих глазах я нарисую день,
где ты в прибой

вбегаешь без оглядки.
Блестят ракушки
сквозь морскую тень,

как детские, облупленные пятки,
в нем обнялись, переплелись в одно
крен горизонта с парусом далеким

и осень, перезревшая давно,
с ее прохладным, ягодным натеком.
В твоих глазах все праздники зажгу,
все ярмарки, где ты не побывала,
не зря тебе доньне берегу
я все цветы на платье карнавала.
Я нарисую мир. И каждый штрих
вернет тебя в мою былую юность
в глазах твоих.
И беззаветно в них
всем прожитым
и нынешним вцелуюсь.

■
В твоей крови, в ее растворе
как знак победы и беды —
боль ветра, стертая в просторе,
терпенье скованной воды
и эха грома страх мгновенный
пред неподвижностью тиши,
и трепет пряди незабвенной
над пробуждением души.
Откуда знать тебе в изломе
лиц и времен,
добра и зла,
что мысль, которая в безмолвье
еще не узнанной жила,
что дня прохлада муравая
и все предания земли
к тебе, как будто кровь живая,
в артериях веков текли?..
Трепещет каждая частичка
небытия, куда вросло
и в грудь твою всю жизнь струится
одушевленное родство.

■
Размыкались сами ветви
к шороху воды,
грустно вяло бессмертье
утренней звезды.
И такой знакомой далью
мне пахнуло в грудь:
— Я во сне еще летаю,
там, где Млечный Путь.
И глядел во все глаза я,
как в зеленой мгле
по волне ты шла босая,
словно по земле.
Я не знал тебя такою
тайной, как завет,
падал в воду за тобою
невесомый свет.
И поверилось вдруг свято,
что, укрыты мглой,
может, встретимся когда-то
на звезде другой...

Старый дом

Вот дожди несметные пришли
с запахом забвения и прели,
капли, словно теплые шмели,
на крылечке темном залестрели.
— Кто ты? —

старый дом меня спросил. —
За тобой — умершая дорога.
— Кто? Тебя не позабывший сын,
думал,

что ты помнишь хоть немного.
— Ждать тебя

забыл давным-давно... —
Грусть со мною в дом вошла сурово.
На стене — замокшее пятно,
где висела карточка отцова.

— Где вы? — я спросил отца и мать.
Ветер их закутал листопадом.
Больше никого не смог позвать,
хоть они, наверно, где-то рядом.
Вечность умерла в моей груди,
тайной мои думы овеяла.

— Тень свою оставь и уходи.
Их отыщет тень твоя живая.
Шел навстречу ветру,
шел я в день,
шел дорогой вечною, земною.
И не торопилась больше тень
за моей усталою спиною...

■
Между скал, за дальний перевал
в небе, словно некая комета,
зыбьсь, горизонт перетекал —
белое перегоранье лета.

И пред этой древней белизной
терпкой болью в сердце проступило:
на какой звезде уже со мной
это точно так когда-то было?..
Каждой клеткой ветра и земли
под двойной,

какой-то странной тенью
голоса воскресшие текли,
излучаясь по сердцебиенью.
В эту пору кто-то из меня
выбежал, оторгнут мой болью,
и помчался, быстро семена
тоненькими ножками, по полю,
в горизонт бежал, в его охват —
облачко или душа живая? —
он бежал назад,
быстрей, чем взгляд,
вдаль, меня в грядущем оставляя.
Он исчез, как порванная нить.
Только долго в облачном расплыве
кто-то все хотел заговорить
и не мог в затрепетавшей иве...

Переполох

Сбежались тонконогие сосенки
к твоим ногам,
на твой вечерний путь
и пелят любопытные глазенки —
им хочется в глаза твои взглянуть.
Они все всполошились не случайно:
в душе озноб,
ты не отводишь глаз —
откуда-то, из отдаленья тайно
грядущее рассматривает нас.
И кажется, что, сердце открывая,
ты — края леса линия кривая,
и говоришь таинственный завет:
— Я — маленькая точка,
я — цепочка
моих следов, спешащих в чей-то след,
я — царь секунды,
что во мне сгорела,
и отдаю обугленное тело
ее тому, кого на свете нет...

Дрожь

На луговой, остуженной Руси,
столетиями живущие на свете,
на нас глядят доверчиво ручьи,
словно на взрослых маленькие дети.
И, погружаясь в трепетную тишь,
с ручьем своей меняешься судьбою
и чувствуешь,

когда в него глядишь —
он медленно становится тобою...
Уже не зыбь,

а тайной мысли дрожь,
неведомая дрожь сердечных клавиш
бессильна оттого,
что ты уйдешь
и ничего на память не оставишь...

■
Часов стучатся звуки,
куда, в какую дату?
Туда мои разлуки
текут по циферблату.
Где встретила нас стылость —
там, годы отсевая,
сосна остановилась,
как стрелка часовая.
Стоит — в поляне вышла,
вся в птичьим перещелке.
И падают неслышно
на сердце мне иголки.
А век еще не прожит,
а век еще загадан,
и тишь сказать не может,
что вечность где-то рядом...

КАПИТАН СЕДОВ

Дмитрий ШПАРО,
Александр ШУМИЛОВ

Возможно, подвиг — слишком громкое слово. Но была в этом человеке какая-то всепоглощающая внутренняя сила, было стремление сделать то, что для других казалось невозможным.

Георгий Седов... Сын азовского рыбака с Кривой косы.

В семье росло девять детей — мал мала меньше. Отец ушел на заработки и пропал надолго. С семи лет пришлось Ерке рыбачить, ходить на поденщину в поле, а то и просто просить милостыню. «Как тяжек был этот хлеб, сколько слез, сколько стыда, сколько оскорблений!» — писал позднее Седов в автобиографии.

До четырнадцати лет был он вовсе не грамотен, а позднее — вернулся уже отец — окончил за два года трехклассную церковно-приходскую школу и... убежал из дому. «Я в душе твердо решил поступить в мореходные классы, не мог равнодушно смотреть на бегущие под парусами суда». В двадцать один он получил диплом штурмана дальнего плавания, в двадцать четыре экстерном сдал экзамены, был произведен в поручики по Адмиралтейству и направлен в Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана.

жал лед, и одеяла по утрам нередко примерзали к переборкам, на судне свирепствовала цинга.

Несмотря на начавшуюся цингу, Седов продолжал подготовку к походу. Пожалуй, никто, кроме самого Георгия Яковлевича, не верил, что есть малейшие шансы на успех. Н. В. Пинегин в те дни писал: «Для подвига нужны силы,— теперь же сам Седов не знает точной меры их. До похода пять дней, а большой то встает, то опять в постели... Но в решение Седова начать борьбу никто не может вмешаться. Существует нечто, организовавшее наше предприятие; это нечто — воля Седова...»

Выход был назначен на 2 (15) февраля 1914 года. Вместе с Седовым шли матросы Г. В. Линник и А. М. Пустошный.

Наступал час прощания. Утром все собрались в кают-компанию. Дежурный зачитал последний приказ начальника экспедиции: «Итак, сегодняшний день мы выступаем к полюсу, это — событие и для нас, и для нашей Родины. Об этом дне мечтали уже давно великие русские люди — Ломоносов, Менделеев и другие...»

А потом заговорил Седов:

— Я получил сегодня дружеское письмо. Один из товарищей предупреждает меня относительно моего здоровья. Это правда: я выступаю в путь не таким крепким, как нужно и каким хотелось бы быть в этот важнейший момент... Но я прошу, не беспокойтесь о нашей участи... Даром полярной природе мы не дадимся... Совсем не состояние здоровья беспокоит меня больше всего, а другое: выступление без тех средств, на какие я рассчитывал. Сегодня для нас и для России великий день. Разве с таким снаряжением нужно идти к полюсу? Разве с таким снаряжением рассчитывал я достичь его? Вместо восьмидесяти собак у нас только двадцать, одежда износилась, провиант ослаблен работами на Новой Земле, и сами мы не так крепки здоровьем, как нужно. Все это, конечно, не мешает исполнить свой долг. Долг мы исполним...

Из дневника Седова:

«2 февраля. С утра тихо, пасмурно, температура -13° . Ночью выпал глубокий снег, несмотря на это, у нас к отходу все готово. В 12 часов при температуре -20° под пушечные выстрелы отвалили от судна к полюсу. Провожали нас верст пять вся здоровая команда и офицеры. Сначала дорога была плохая, но зато собакам помогала команда, а затем дорога улучшилась, а в конце Гукера встретили огромные ропаки, через которые пришлось переправляться благодаря наступившей темноте с большим препятствием. Нарты опрокидывались, люди падали. Я с больными ногами полетел несколько раз. Пройдя около 8 верст, из-за темноты остановились ночевать в проливе за Гукером в четыре часа дня. На ночь всех собак привязали, кроме трех надежных, чтобы не ушли и чтобы не подпустили медведя. Штиль, морозу около -25° .

5 февраля. Сегодня прошли около пятнадцати верст и остановились ночевать у мыса Рихтгофена. Стали попадаться трещины и полыньи, покрытые уже толстым солончаком. Море Королевы Виктории темное, вероятно, там вода или большие полыньи, покрытые солончаком. Держусь ближе к берегу, по крепкому льду, но зато здесь много ропаков. Ноги мои заметно поправляются, опухоль сходит, ребята мои настроены хорошо, охотно идут вперед. Собаки пока держатся все, даем им по $\frac{3}{4}$ фунта галет. Отогреваем некоторых в палатке. Спасаемся драгоценным примусом...

10 февраля. В 9 двинулись дальше. Я до того оказался слаб благодаря бронхиту, что не мог десяти шагов пройти вперед. Сидел опять на нарте. Адски промерз, так как был одет для ходу. Кажется, еще больше усилил простуду, ибо стала болеть грудь и все ниже в правой стороне, страшно лихорадит. Дорога была скверная, а я все-таки был вынужден управлять своей нартой.

У Пустошного шла кровь ртом и носом. У Линника сильно мерзли ноги. Сегодня был особенно холодный день...

16 февраля. День сидели у пролива и ждали, пока он замерзнет. А он не замерзает, и только. Видно, здесь большое течение. Люди ходили версты 3—4 к середине пролива и встретили там открытую широкую воду. Птиц и зверя много. Завтра думаю тащиться на восток, может быть, там обойду воду. Болен я адски и никуда не гоюсь. Сегодня опять мне будут растирать спиртом ноги. Питаюсь только одним компотом и водой, другого ничего душа не принимает.

Увидели выше гор впервые милое, родное солнце. Ах, как оно красиво и хорошо! При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы! Посвети близким на родине, как мы ютимся в палатке, больные, удрученные, под 82° северной широты!»

На судне тем временем жизнь совсем разладилась. В коридорах снег, на полу вода, сор. Цинга свирепствовала — многие не вставали с коек, умер механик Иван Андреевич Зандер. Всех страшила неопределенность.

Утром 6 (19) марта кто-то вбежал в кают-компанию: «Наши идут! Георгий Яковлевич возвращается». И тут же еще крик с палубы: «Только двое идут!»

Визе выскочил навстречу первым — одна нарта: впереди Линник, сзади Пустошный. «Начальника похоронили!» — были первые слова Линника.

Вечером все собрались вместе. Читали дневник Седова, потом Линник рассказывал о последних днях Георгия Яковлевича, читал свой дневник.

Из дневника Линника:

«17 февраля. Мороз до 25° . В 8 часов утра двинулись дальше, но, пройдя около 10 верст, начальник, сидевший на нарте, несмотря на то, что был одет в меховую одежду, стал жаловаться на невыносимость мороза. Пришлось остановиться, развязать первую нарту и достать спальный мешок, который разложили на нарте. В него влез начальник, спасаясь от холода. Но это помогло мало, так как, пройдя еще около трех верст, пришлось остановиться, разбить палатку и оттирать ноги начальнику спиртом. После чего опять положили на нарту спальный мешок с начальником и двинулись дальше...

18 февраля. Сегодня же у меня начало зарождаться сомнение в успехе нашего предприятия. 35° -градусные морозы для нас были ничто, так как все мы трое, во главе с начальником, лично сознавали великое значение путешествия к полюсу и также все трое и мысли не допускали, что в выносливости против бывших до нас путешественников в полярных странах мы окажемся слабее. Проклятая же болезнь может изменить все дело.

С 18 на 19 февраля всю ночь о сне никто и не думал, так как ежеминутно начальник терял сознание. Все время горит примус, и мы растираем спиртом ноги и грудь начальника, но облегчения никакого не получается, и, видимо, болезнь принимает опасный оборот...

20 февраля. Все время держу на руках голову начальника, который ежеминутно теряет сознание. К великому нашему горю... в 2 часа 40 минут дня начальник последний раз сказал: «Боже мой, боже мой, Линник, поддержи». Голова, находившаяся у меня на руках, склонилась; страх и жалость, в эту минуту мной овладевшие, никогда не изгладятся в моей памяти...

Матросы похоронили Седова на острове Рудольфа — самом северном острове самого северного архипелага. Вместо гроба — два парусиновых мешка, крест, сделанный из лыж... В могилу положили флаг, который Седов мечтал водрузить на полюсе...

24 февраля (8 марта) Линник и Пустошный двинулись в обратный путь. В упряжке оставалось 14 собак. Керосина — на пять варок. Экономя горячее, они ели мерзлое сало, вместо чая пили холодную воду, растапливая снег дыханием.

Случайно они наткнулись на характерный айсберг, похожий на арку, — в самом начале путешествия его фотографировал Седов. Шестого утром Линник и Пустошный увидели судно...

Еще в 1912 году, когда правительство отказалось субсидировать экспедицию, когда по всей стране был объявлен сбор пожертвований, Седов писал: «Русский народ должен принести на это национальное дело небольшие деньги, а я приношу жизнь».

Это были не только слова. Обстоятельства сложились против Седова. Поздний выход «Святого Фоки»

из Архангельска, зимовка на Новой Земле, недоброкачественные поставки...

В декабре 1913 года Седов в открытом разговоре с товарищем назвал свой поход к полюсу «безумной попыткой». Но вспомните его слова: «Все это, конечно, не мешает исполнить свой долг».

Нетрудно обнаружить серьезные недочеты и в планах экспедиции, и в ее подготовке. Сказалась, безусловно, и «деятельность» комитета.

Кстати сказать, комитет мог многое сделать и в 1913 году, но... Обозреватель газеты «Речь» справедливо писал в номере за 24 сентября 1913 года: «Седов, по-видимому, ожидал, что летом прибудет помощь, пароход с запасами. Но никому не было дела до Седова... Нравственная ответственность за гибель всей экспедиции лежит на тех, кто сделал Седова мотивом для рекламного брэнчания на патриотической балалайке... Такого явного, кричащего несоответствия между средствами и целью, такого преступного легкомыслия до сих пор, кажется, нигде не бывало... Во многих отношениях история экспедиции Седова очень поучительна. Но не дай бог таких уроков. Что толку, если лишний раз «патриотизм» сочетался с поставкой гнилого товара? Это никого не удивит. Жалко смелых людей, жалко всей этой огромной энергии, гибнущей даром, растраченной безрассудно, жалко и бесконечно обидно».

Так что же все-таки: «подвиг» или «безумная попытка»? Трудно ответить на этот вопрос. Разве не «безумной попыткой» выглядело плавание к Земле Франца-Иосифа с запасом угля на двое суток? Но они дошли! И с полным основанием писал Седов: «Наша экспедиция совершила подвиг».

Каждый человек, наверное, хотя бы однажды в жизни задумывается над этим вопросом: что такое подвиг? Ответ может быть очень простым: честное исполнение долга, взятых на себя обязательств. Но только не все и не всегда находят в себе силы на это. Силы духовные. Потому и называют подвигом то, что для большинства людей кажется невозможным, а иногда «безумным».

«Безумству храбрых поем мы песню»... Поем, наверное, потому, что только мужество рождает мужество. Трусливая осторожность бесплодна.

Экипаж «Св. Фоки» перед отплытием. В центре — Георгий Седов.

БЕЗ «МЕТАЛЛА» В ГОЛОСЕ

Артур ГАСПАРЯН,
слушатель
Высшей комсомольской
школы при ЦК ВЛКСМ

СПОРЫ, СПОРЫ, РАЗГОВОРЫ

Сперва было любопытно, затем скучно: все статьи о «металле» начинались, как правило, с цепей, браслетов, кожи, шипов. О музыке же — вскользь, невнятно, мимоходом. И то с издевкой и ехидством. Когда своих аргументов не хватало, мобилизовывалась помощь со стороны. Например, в лице заокеанского музыковеда Тима Холмса, изголодавшегося над «хэви метал» и его поклонниками с остервенением «людоеда, которого лишили завтрака» — цитата, уж извините, по Т. Холмсу.

Мудрость гласит: как аукнется... Откликнулось: «А не пора ли вам заткнуться» (цитата из письма рок-большаков уважаемому журналу). В журнале обиделись и пригрозили взаправду «заткнуться». Дескать, не нравятся — и не надо.

Страсти в споре — вещь плохая. Не сочувствую обиженным фанатам «металла», сжавшим кулаки и схватившимся за цепи. Но и другой стороне не сочувствую. Все же обидно было читать, что музыка «металла» — для прыщеватых юнцов с ограниченным кругозором. Мнесто годков на десять побольше, да и прыщей вроде нет. А вот «металл» люблю...

На илтурме хит-парадов

Участители прошлогоднего московского фестиваля «Рок-панорама» взяли и определили популярность рок-стилей. Опросили публику. Вне конкуренции — «желези рок». Даже «новая волна» слабенько плелась позади. Остальное же — арт-рок, диско-рок, рок-н-ролл, фанк-рок и пр. — вообще набрало единичные голоса. А когда в программе фестивальных концертов звучал «металл», то ежедневно присуждаемые призы публики доставались непременно его аполотам: «Крузиу», «Арии», «Альфы». Они же в итоговой десятке московского годового хит-парада (где в начале сезона «металла» не было вообще. И это притом, что на фоне запоздавшей общепризнанности «Машины времени», «Аварииум», «Браво» его статус оставался еще не определенным.

«Мы его так долго ждали»

Омрачали нас печалью, влезть в популярный шлягер Юрия Дюва. Пелось о рок-н-ролле. Чутье где-то надо. Тогда рок-н-ролл был внове, в зените. Сейчас эта строчка неверно, обидно легла бы на жесткую дымку хард-рока.

Она, по сути, и легла. «Без тебя, каблукающий свет» — помеченный опус группы «Черный кофе». Аудитория хэви-металл-року своим бескомпромиссно утверждающим тоном индустрии, в нашей рок-музыке на том этапе ее развития, когда «хэви метал» похоже, действительно становится значимым явлением.

Сейчас достаточно дойти до ближайшей концертной кассы, чтобы свободно купить билеты на «Диалог», «Браво», «Автограф» и на многое другое. На «металлические» концерты не проломиться. И не только на знаменитостей, вроде «Альфы», «Магнетик Бэнд», «Арии». Это передовая «металлического» фланга рок-фронта. Основные силы сосредоточены пока в любительском лагере. В московской рок-лаборатории до десятка металл-групп, приковывающих внимание болельщиков и специалистов.

В чем причина?

Не сложно, наверное, ответить, если вспомнить ставшее уже банальным суждение: рок не просто вид искусства. Рок в своей первооснове социален и, как лакмусовая бумажка, отражает состояние общественного здоровья. Послушайте, что и как поют рок-музыканты, и вам многое станет понятным без объемных монографий и социологических исследований.

Образ инфантильного пессимиста-нытика, порожденный в нашей рок-музыке общественным застоем минувшего десятилетия, безвозвратно исчезает. Ему на смену идет герой сильный, справедливый, оптимистичный и решительный. Это дух времени обновления и перестройки. Это дух металлического рока, музыки бескомпромиссной и напористой.

Страхи и сомнения

Они долгие годы определяли наше отношение к хард-року и «хэви металлу». Агрессивность и культ насилия выставлялись непременными определяющими в эстетике этой музыки. Здесь как представляется и «Серьезная» главная ошибка, когда отождествлялись культ насилия и образ личной личности.

Вряд ли разумно спорить об определенности идеологических установок шоу-бизнеса и спецслужб железной хваткой и царю монополизировавших западные рок-улицы. Намна сей «святой» тандем, а не музыкальный стиль «хэви метал» породил «блестящую» и «серьезную» «Киссу», «Айс-Пистолет» и еще с ними. Именно они встали себе на службу достоинства мировой цивилизации и культуры от литературы и симфонической музыки до поп-арта и кинематографа.

Поэтому впадал на «хэви метал» через призму «Киссы» хоть частично и оправдан, но и рядо неполноценен. Разобраться, мне думается, станет значительно легче, если обстоятельно изучить как в каждом конкретном случае с такой целью и идеал используют эстетические каноны «тяжелого металла»: экспрессивность, жесткость, повышенная эмоциональность. Как раз думая об этом, я заглянул в музыкаль-

ный магазин, где обнаружился вещественный ответ: альбом в честь пятилетнего юбилея берлинского фестиваля «Рок за мир». На звуковых дорожках диска известные хард-рокеры «Карат», «Пудис», «Берлук», «Принцип» с искренней болью и решимостью поставили свою наступательную музыку на службу благородной политической идее.

Герои времени

Образы современных людей, квинтэссенция их взглядов, деяний, проблем — удел всех искренних рок-творений. Но каждый стиль решает задачу по-своему. «Новая волна», например, увлечена образом массового порыва, в котором позиция индивида обусловлена «волной». Яркие исключения, вроде темы «Где искать счастье?» группы «Браво», лишь подтверждают правило. Апофеоз нивелировки личности — стиль брейк, где заданность и роботоподобность — высшая цель в утверждении образа современного человека.

Суть же металл-рока, на мой взгляд, в предельной абсолютизации индивида. Что и дает право именовать его «героем», а не просто «образом». Концепция сильной личности — краеугольный камень металлического рока. Она появляется в искусстве, и не только музыкальном, в переломные исторические моменты, решительно ставящие вопрос о переломе нравственных, но отживших представлений. Сам стиль хард-рок был порожден общественными катаклизмами конца 60-х, когда взбунтовавшиеся против реакционности, консерватизма и мещанства буржуазной действительности студенчество шло на баррикады западноевропейских городов с гимном «My Generation» на устах...

Туманы ярких островов

Однако аналогии с западной музыкой не совсем точны. Слишком разный у нас с ними образ жизни, система ценностей. Расхожи сейчас разговоры об отставании нашего рока. Они оправданны. Но, мне думается, не во всем. Да будь сей жанр еще четверть века назад воспринят нормально, сегодняшние итоги выглядели бы, несомненно, иначе. Но, говоря конкретно о «хард» и «хэви», позволю себе сомнение в том, что для этой музыки были серьезные предпосылки в нашей тогдашней действительности.

Последовательные хард-роковые эксперименты так называемого «подпольного» рока, свободного от обструкции художников, пришлись на середину 70-х. И что же? Они явили нам англо-нижегородский вариант хитов «Дип Перл» и «Блэк Сэббэт». О своем переосмыслении художественной формулы хард-рока не было и речи. Да, наверное, и быть не могло во времена «солнечных островов, скрывшихся в тумане»...

Становление хард-рока у нас пришлось на время, когда его объективное развитие приобрело новое качество. Приобрело в силу совершенствования звукотехники, кристаллизации изначальной эстетической концепции, окончательного утверждения визуально-сценической специфики, кожей, металлом и краской подчеркнувшей экспрессию и напористость.

И печаль, и радость

Единство музыки и слов — изначальный критерий истинного рока. Долгое время казалась: только открой клапан — и хлынет лавина. Запретность рок-плода почти уверила в его райской сладости и великолепии. Клапан открылся, лавина хлынула и... — о ужас! — обескуражила. Нагромождения вычурности, глупости, позерства и просто тупости за несколько месяцев утомили.

Что — тулик? Думаю, просто болезнь роста. И тем радостней и значимей был пришедший успех.

«Два аккорда простых, три удара крутых» — с почти детской прямоотой пропел Дмитрий Варшавский, группа «Черный кофе», вызвав, кажется, больше восторга не у болельщиков-металлистов, а у их ненавистников, смекнувших, что можно пополнить свой багаж ценным «самоизобличением» заядлого рокера.

И началось. Защитники «высокого» искусства кривили губы: мол, мы же вам говорили! И добивали «заблудших» последним доводом о популярности такого «примитива» преимущественно «среди учащихся ПТУ». Как понимать: одно другому стоит, что ли? Не знаю, почему ПТУ, их питомцы и «металл» в столь невысокой цене у иных администраторов от культуры.

Хочу обратиться ко всем: давайте, друзья, с большим тактом судить о многообразии духовной культуры человека и уважать это многообразие. Не понимая, не отрицать. И слышать, что говорят другие.

А сказать можно, пожалуй, что по серьезности, осмысленности, правдивости произведений «металлические» группы в последние месяцы задали тот тон в нашей рок-музыке, который соответствует учащему темпу перестройки общества. И тем самым оказались, как мне думается, в авангарде рок-движения. Удачу «металлических» групп пока первые и, я бы сказал, хрупкие. К счастью, именно вокруг них оформилась плеяда интересных рок-позтов — Маргарита Лушкина, Александр Елин, Андрей Лукьянов, Валерий Сауткин, чувствующих пульс «хэви метал» и талантливо это чувство реализующих. «Встань... В полный рост. Страх преодолей и рукой достань до звезд». Вот он, герой нашего времени, чей образ, воспетый в «металле», будоражит сердца и умы слушателей.

В МОДЕ СТИЛЕЙ

Лидия ОРЛОВА,
главный редактор
«Журнала мод»

Как, где, под влиянием каких обстоятельств рождается новая мода? На этот счет существуют разные мнения. Считают, что мода — дитя улицы, подкидыш, оставленный на мостовой художником-модельером, который нередко остается безымянным. Сердобольные прохожие поначалу не замечают подкидыша. Потом начинают разглядывать его с интересом и любопытством и долго размышляют, стоит ли пестовать его и лелеять. Наиболее непосредственные и эмоциональные решительно встают на его сторону и, не обращая внимания на предостережения: «Зачем вам этот уродец!» — заявляют, что он прекрасен, он лучше всех на свете.

Проходит немного времени, подкидывай отмыт и ухожен, и улица готова аплодировать ему...

Возможно, как всякое сравнение, и это немного хромает, но дело обстоит приблизительно так. В моде и во всем, что с ней связано, нет ничего определенного раз и навсегда, ничего такого, о чем можно было бы судить без каких-либо оговорок. Даже многочисленные определения самого понятия моды, как правило, не полны или страдают односторонностью.

Слово «мода» ведет свое происхождение от латинского «modus», которое переводится как «мера, способ, правило». В какой-то степени смысл этот сохраняется и по сей день, во всяком случае, он составляет часть современного понятия моды. Известны примеры, когда моду — на Западе, например — создают четко отработанными методами, как создают «звезды» и «королевы красоты». Да и не всегда мода возникает «под влиянием доминирующих в обществе» вкусов и настроений — иной раз мода становится своеобразным протестом именно против вкусов, доминирующих в обществе.

Бесспорно одно: мода — это популярность, быстро проходящая, господство какого-то определенного вкуса в той или иной сфере жизни или культуры.

Но довольно теории. Мода принимается и утверждается нами — улицей, толпой, называйте, как хотите, но художник — главный ее творец, ибо только он в состоянии воплотить идею, которая еще только носится в воздухе, в реальный и конкретный художественный образ. Чутье, интуиция, чувство цвета и формы, понимание ритма и композиции, вкус — все это, казалось бы, вещи нематериальные, но именно они позволяют художнику выразить в костюме идеи своего времени, в том числе и эстетические. К сожалению, именно эта, эстетическая, сторона костюма нередко недооценивается, особенно если это новая эстетика, если художник находит решения, к которым остальные пока не привыкли. За примерами не надо далеко ходить. Те же самые, нынче набившие оскомину голубые джинсы поначалу отпугивали прежде всего своим несравненным голубым цветом. Шокировала и форма, которая, как казалось, излишне «обнажает» фигуру. С точки зрения практической джинсы не вызывали возражений — натуральный, к тому же очень прочный хлопок, удобный крой, множество карманов. Именно эстетическая сторона новых брюк вызвала поначалу возражения.

Но — любопытное дело — потом, после периода восторгов, немалого увлечения джинсами, наступил спад интереса к ним, и именно эстетическая сторона этого вида одежды оказалась под огнем критики. Именно она стала не удовлетворять нас — голубой цвет, которым недавно так восхищались, стал казаться непривлекательным, грязным. Он перестал нам нравиться — этот с виду простенький аргумент в моде всегда оказывался решающим. Эстетические критерии изменились — нам стало казаться красивым нечто совсем другое. Сейчас мы с удовольствием носим летние легкие бриджи белого, кремового, красного и даже розового цвета — и они кажутся прекрасными, лучше любых джинсов. Пока они нам нравятся. Но только пока...

...Мода, созданная художником как некий эстетический идеал, очень мало похожа на то, что мы видим на улице. На первый взгляд здесь и моды-то нет — одна сплошная неразбериха.

Кто-то — и таких людей довольно много — еще носит или просто donaшивает джинсы. Их не назовешь модными — относили, из сердца вон.

Бывший недавно столь популярным стиль «сафари» теперь заметно изменился, нет в нем былой остроты и четкой определенности. Его как бы растащили, расхватали, разобрали по частям. Типичная для «сафари» плотная хлопчатобумажная ткань болотного и бежевого цвета используется для самых разных вещей, в которых не увидишь характерных для «сафари» черт. Пого-

ны и погончики — существенная деталь в так называемом военизированном стиле, или «милитари-лук». Он очень популярен на Западе, а у нас так и не прижился. Карманы и карманчики, «молнии», пояса — все это в избытке есть в вещах спортивного и делового стиля. Причем эти карманы имеют очень сложную, порой замысловатую конфигурацию — один вписывается в другой, маленький соседствует с просто огромными. Сетки, которые поначалу были лишь отделкой в одежде стиля «сафари», теперь перекочевали на спортивные майки, в замысловатые женственные блузки, используются и в деловой одежде, и одежде пляжной. Стиль «сафари» потерял свое лицо. Вот-вот мода вовсе откажется от него.

Заметно охладела она и к откровенно фольклорному стилю. Народный костюм — неисчерпаемый кладезь идей для художника моды — подсказывает им другие решения. Варианты поневы — несшитые полотнища ткани поверх другой юбки — встречаются в современной молодежной моде. Много цитат из японского национального костюма, и целый новый стиль на основе индийского. В трикотажных вещах — традиционные скандинавские орнаменты.

Романтический стиль, к которому относят обычно женственную одежду, украшенную воланами, оборками, вышивкой, сохранился в моде, но сильно видоизменился. В нем стал гораздо определеннее и в какой-то степени жестче сам силуэт, возможно, за счет спрямленной и довольно расширенной линии плеч. И главное — изменился характер ткани, ее рисунок и цвет. Довольно долго мода, уставшая от набивных рисунков, держалась гладкокрашеных материалов и экспериментировала с ними. Сочетала контрастные ткани — разных цветов или разных оттенков, использовала асимметричные решения — даже и в рамках романтического стиля, а не только в спортивном и деловом костюме. Теперь нам, а значит, и моде вновь захотелось увидеть набивные, рисунчатые ткани. И вот — обвал, многоцветие. Мода вспомнила о жаккардовых полотнах, в которых рисунок приобретает дополнительную глубину. Характер рисунка, образ набивки теперь иной, мода готова использовать все, кроме того, что носили недавно. И романтический стиль со всеми его характерными особенностями выжил, обновился, вписался в современные представления о прекрасном и твердо стоит на занятых им позициях.

Одежда деловая тоже несколько видоизменилась, в определенной степени сбросив с себя влияние спортивного стиля. Правда, не совсем — в молодежной деловой одежде спортивные элементы еще сохраняются, как, впрочем, и романтические, женственные. Но все же деловой стиль стал ближе к классике. Казалось бы, классика вновь стала нужна нам, чтобы как-то стабилизироваться: то, что проверено временем, меньше поддается влиянию моды, а потому надежнее.

Это очень интересный процесс — наблюдать за тем, как мода — или время? — разрушает даже очень устойчивые формы в костюме и как она создает — на этом же самом месте — нечто совсем иное. Еще некоторое время назад классический английский костюм казался той неприступной крепостью, которая не по зубам даже самой агрессивной моде. Она и не стала устраивать штурма: сначала только спрямила и расширила плечи, потом слегка позабавилась с юбкой, чуть позже — раскрепостила жакет, оторвала его от фигуры — он стал свободнее, — совсем не тот жесткий каркас, в который когда-то была заключена женская фигура. Шире, свободнее стала пройма, вольготнее — рукав. Когда все это мы «проглотили», мода занялась воротником и лацканами. Она то убирает воротник совсем, то заменяет его маленькой стойкой, то расширяет лацканы, то сужает их. И только потом, когда вся конструкция традиционного английского костюма оказывается расшатанной, мода меняет ткань. Жакет, оказывает-

ся, можно шить практически из любого материала — не только из льна, хлопка, шерсти, кожи, но и из шифона и органди. И ткань вовсе не обязана быть гладкой или в скромную полоску — набивка выглядит гораздо привлекательнее. Верх костюма стал объемным, а зато юбка — максимально узкой, облегающей бедра. Хотя появляются и иные варианты — мода не перестала экспериментировать. И вот уже нет того самого костюма в мужском стиле, который так долго всем нам нравился.

В современной женской моде сейчас выделяют четыре основных стиля: мужской (не удивляйтесь!), женственный, или дамский, спортивный и авангард. Но мы в этом можем без труда убедиться — они чрезвычайно редко встречаются в теоретически чистом, незамутненном виде. Существует великое множество так называемых микростилей. Бельевой, например, его еще называют пижамным. Парадоксально, но в бельевом стиле выполняются даже костюмы, предназначенные для улицы. «Промежный», или прогулочный, стиль — в одежде для улицы, удобной и достаточно теплой, чтобы можно было гулять и в дождь, и в ветер. Есть пока стиль «диск» — яркие, эффектные одежды для молодежных танцевальных вечеров, рассчитанные одновременно на полумрак и яркий, направленный свет люминесцентных или светодиодных ламп. Морской. Также вполне самостоятельный стиль, сохранивший, несмотря на все происки моды, традиционно белосиние цвета и довольно стабильные виды одежды. Стиль «карнавал», который нравится молодежи сочностью красок и шокирующей новизной формы.

Стили эти смешиваются, проникают один в другой. Платье, насквозь женственное, воздушное-невесомое, как бы сотканное из нежности, приторное, как сливочный торт — вдруг! — с пиджаком, типа мужского, с прямыми, тяжелыми плечами и широкими, даже массивными лацканами. Вам хочется сказать: так нельзя! Не сочетается! А мода твердит свое: ничего подобного, сочетается. Носится. Смотрится. И предлагает название этому новому явлению — очередной термин в лексикон моды — диффузия, иными словами, проникновение одного стиля в другой. Все, оказывается, по правилам. По новым правилам новой моды.

Последнее время моду буквально лихорадит от обилия всяческих предложений. Если бриджи — то почти все варианты, которые когда-либо придумывало человечество: традиционные узкие, «бананы», широкие в бедрах и сужающиеся в щиколотке, «сигары» — довольно узкие, без стрелок и с объемом, несколько большим, чем объем самой ноги, «галифе», которые на нашей памяти носили только военные, «никерсы» — облегающие ногу и опускающиеся ниже колена на пятнадцать сантиметров, «гольф» — бриджи на манжетах под коленом или на середине икр, короткие шорты.

А юбки! Длина — какая угодно. Ширина тоже. Юбка-портфель, юбка на пуговицах, юбка многоярусная, на кокетке, на нижней юбке и, наконец, гибрид юбки с бриками. Юбки-бриджи шьются прямыми, расклешенными, со складками и без, с разрезами и с запахом.

Можно растеряться перед всем этим немалым изобилием. И невольно возникает вопрос: создала ли мода что-либо новое? Бриджи-юбки и другие варианты брюк и юбок, может быть, под иными названиями уже носили. И пиджаки, и блейзеры — отнюдь не наше изобретение. И комбинезоны. И многослойность была. Да, все, пожалуй, уже было. Только вот диффузии не было, не было санкционированной официальной модой вседозволенности, разрешения на эклектику и мешанину.

Мода между тем провозглашает старье, не потерявшие привлекательности лозунги: одежда должна быть универсальной, многофункциональной, удобной, практичной. И уверяет нас, что все ее предложения именно таковы. Мода вроде бы даже идет нам навстречу, стараясь облегчить некоторые наши труд-

ности с натуральным сырьем (во всем мире не хватает хлопка, шерсти, шелка и все натуральное в цене). Предлагает уменьшить расходы сырья — снизить, как говорят специалисты, материалоемкость тканей. Буквально на глазах ткани становятся тоньше и прозрачнее — куда как хорошо. Но рано радоваться — на глазах платья становятся все шире и балахонистей, и прежней меры ткани на них уже не хватает, приходится брать едва ли не в два-три раза больше. Типичные шуточки моды: на самую ткань материала меньше, но в целом на платья больше — мода словно издевается над нами, над нашими попытками быть хоть сколько-нибудь экономными. Более того, вместо джинсовой ткани появляются тяжелые хлопчатобумажные габардины, и требующая большого количества сырья, забытая до времени хлопчатобумажная «чертова кожа», и бархат, и плюш, и велвет. Мода иззябла и весело разрушает наши попытки разумного подхода к одежде.

Скорость, с какой мода швыряет нам в лицо свои «новинки», просто поразительна. Еще недавно средняя продолжительность жизни модной вещи находилась в пределах от десяти до двенадцати лет. Теперь же наши увлечения скоротечны, и модные предложения не переживают двух-трех сезонов.

Откуда эта странная суетливость нынешней моды? Ее всеядность и терпимость? Может быть, мы наблюдаем момент перед взрывом, кризисом моды? То ли это карнавал, то ли вечер воспоминаний...

Как выбираться из этой ситуации, что носить, а от чего воздержаться и из каких именно вещей комплектовать свой гардероб? При нынешнем положении дел в мире моды такие советы практически не имеют смысла, как не имеют решающего значения, допустим, ширина плеч и длина юбки. Мода уходит от подробностей, она ее мало интересуется — ей важны общие черты, образ человека. Мода не регламентирует, по крайней мере сейчас, этот образ, ничего не диктует, не требует. Редкая возможность, ибо обычно мода мало считается с человеком. Так что перед нами открывается соблазнительная перспектива побыть самими собой.

А это очень непростая задача. Пока мы не будем говорить обо всех аспектах этой проблемы, остановимся лишь на одном: как оценивать то, что мы видим на улице, на модном показе?

Как ни странно, как ни парадоксально порой мода, есть логика в ее поступках, и надо попытаться понять ее, чтобы не попасть впросак. Что, если сейчас мода просто предлагает нам испытание? Хочет посмотреть, насколько умеем мы ориентироваться в разнообразии ее предложений, насколько точно оцениваем себя... Это требует всестороннего, воспитанного вкуса и, если хотите, артистизма, умения одеваться и носить костюмы.

Вот оно в чем — испытание, вот зачем весь этот бал-карнавал, ностальгические забавы. Мода захотела понять, как выйдем мы из этого положения, кем будем, не потеряем ли себя в погоне за соблазнительными, но вечно ускользающими призраками, которые так щедро она нам предлагает.

Диего Марадона:

ИГРАЮ

ПО СВОИМ ПРАВИЛАМ

Когда я временами оглядываюсь назад, мне начинает казаться, что я всего достиг в своей жизни. Но это состояние пресыщения успехом быстро проходит. И знаете, почему? Всякий раз, выбегая на поле, я вновь впадаю в тот же восторг, который ощущал, будучи 13-летним мальчишкой...

В этой фразе, оброненной Диего Марадоной в разговоре с журналистом, можно найти как объяснение прошлых его успехов, так и залог будущих. Ведь футбол, по его же словам, — «это порой тяжелая, честная работа. И без чувства радости с этой работой, пожалуй, не справиться».

Для болельщиков такое объяснение, пожалуй, слишком просто, даже разочаровывающе. Еще бы: Марадона, как никто другой, олицетворяет, по их мнению, человека, приближающего игру к искусству, тип футбольного артиста. Работать на поле, казалось, может кто угодно, но уж никак не Марадона. Ему положено творить.

Однако давайте не будем делать скоропалительных предположений о чрезмерной скромности либо лукавстве бесспорного на сегодня премьера мирового футбола. Лучше оглянемся вместе с ним на его извилистый путь к признанию.

С тем, что называется истинно тяжелой работой, маленький Диегито, один из бесчисленных обитателей беднейшего пригорода необъятного Буэнос-Айреса Вилья Фиорито, столкнулся с самого детства. Его отец, дон Диего, вынужден был сутками пропадать на местном заводе по производству химикатов, чтобы его восемь детей не умерли с голоду. Брался он там за любую работу, выбирать не приходилось. А когда изредка выдавалась свободная минута, спешил на затерянный среди кривых и узких улочек квартала выжженный солнцем пустырь, который облюбовали для бесконечных своих футбольных баталий Диего-младший вместе с дюжиной таких же, как он, детей бедняков. Мелькал в пыли очередной тряпичный мяч, и старому рабочему, бывшему зачастую единственным зрителем этих нескончаемых матчей, казалось, будто его мальчуган управляется с ним лучше всех.

— Всем, чего я достиг, я обязан отцу. Это ради нас он трудился как каторжный, просыпаясь утром и не зная, удастся ли заработать сегодня на ужин. На мне, правда, можно было сэкономить — пока где-нибудь в нашем забытом богом квартале катался мяч, меня невозможно было заманить домой никакими посулами.

Сейчас, принимая многочисленных визитеров в своем особняке, дон Диего с удовольствием вспоминает подробности тех исторических игр. Организовавшись в команду «Красная звезда», эти мальчишки во главе с его сыном были бессменными чемпионами квартала. Футбол доставлял им пусть единственную, но незабываемую радость детства. Донья Дальма к забавам пятого своего ребенка относилась снисходительно: она знала, сколь немного времени отпущено на шалости мальчишке. Лет в пятнадцать он должен был вступить на проторенный путь отца — тяжелой физической работы на химическом заводе хватало. Правда, благодаря титаническому труду отца Диегито, может быть, поспешил закончить школу...

Бобби Фишер, как известно, после трех лет обучения в школе отменил дальнейшие занятия за партой как бесполезные для его дальнейшей карьеры — он уже тогда твердо решил сосредоточить все свои усилия на обретении звания

сильнейшего шахматиста мира и счел, что школа в этом ему не подспорье, только время зря потеряешь. Маленький Марадона не был столь категоричен, но тоже считал, что футбол куда как интереснее всех учебников на свете, вместе взятых. И представьте, однажды, соблазнившись игрой под проливным дождем вместо уроков, был замечен человеком, который был вхож к руководству профессионального клуба «Аргентинос Хуниорс». Диего не сразу пришел в себя от счастья — приглашенный на просмотр в юношескую команду, он забыл спросить имя незнакомца.

На семейном совете, срочно собранном по этому поводу, почти единогласно было решено, что судьба улыбнулась, наконец, семейству Марадона за их многолетние лишения. В том, что Диего будет принят в команду, никто в семье не сомневался, даже донья Дальма, хотя она единственная и не радовалась за сына — футбол казался ей не тем ремеслом, что дает возможность иметь верный кусок хлеба. Удивительно, но даже феерические успехи Диего, подкрепленные солидным банковским счетом, не разубедили ее в своем мнении — до сих пор мать жалеет, что ее сын не имеет никакой другой профессии.

— Если отцу я посвящаю все свои голы, то матери, пожалуй, не стоит лишний раз напоми-

нать о футболе. Но что я еще умею делать? Как ее отблагодарить? К ее последнему дню рождения я записал на пластинку кастильскую песню «Дорогая подруга» и отправил в Буэнос-Айрес. Пою я, конечно, похуже, чем играю в футбол, но подарок дома оценили.

Итак, Марадона-младший был отправлен в большое плавание. «Мой сын уже тогда, в свои тринадцать лет, играл как бог, и нужно было быть слепым, чтобы его не заметить. — И по прошествии еще тринадцати лет дон Диего не прочь погорячиться. — Ему и партнеры-то были нужны, чтобы ауты вбрасывать».

Товарищи по команде действительно исполняли при Диего роли статистов, в лучшем случае — удачливых ассистентов. Некто Рене Феррман, игравший вместе с Марадоной в той самой «Красной звезде», вспоминает:

— Выигрывать с Диего было, конечно, интересно, вот только играть — не очень. Твое присутствие на поле равным счетом ничего не меняло — вся задача сводилась к тому, чтобы выцарапать мяч у соперников и передать его Марадоне, а дальше он уже разберется. Иногда, правда, забивали и другие — не столько с его передач, сколько со случайных отскоков. Так что он мог бы играть в компании с одним лишь вратарем.

В руководстве «Аргентинос Хуниорс»

слепых не оказалось, и вместе с первым своим контрактом профессионального игрока Диего получил от отца и еще один подарок — первый в своей жизни настоящий кожаный футбольный мяч. Излишне говорить, что он не расставался с ним даже во сне. Он уже умел вытворять с этим мячом все, что хотел. Но в клубе от Марадоны хотели и другого.

Какие-то кроссы, нудные упражнения без мяча, да еще строгий распорядок дня в придачу... Диего искренне не понимал, зачем все это нужно. По крайней мере ему — брали-то ведь его играть в футбол — даже в профессиональной юношеской команде не было равных. Вот остальные бы и бегали, чтобы затем на поле не путаться под ногами у него, Марадоны.

Рано узнавший, что такое жестокая нужда, Диего понял, что в том мире, где ему выпало жить, надо рассчитывать только на свои силы. А поскольку футбол был для него не моделью жизни, а самой жизнью, Марадона быстро перенес этот закон на игровое поле.

— Я испытывал такую жадность к мячу, что готов был отнимать его и у партнеров, а не только у соперников. И если я умел забивать, то есть приводить к победе команду, кому и что еще могло быть нужно от меня?

Так в одиночку, триумфальным маршем дошагал он к шестнадцатому году до звания лучшего футболиста юношеского первенства Латинской Америки. Теперь его видел и знал уже весь континент, ожидал от него новых чудес. Южноамериканцы — народ нетерпеливый, и того Марадону образца 1977 года они зачислили в список возможных открытий взрослого чемпионата мира, который на следующий сезон должен был состояться в Аргентине.

— Я уже видел себя в полосатой майке национальной сборной... В неполных восемнадцать лет я буду чемпионом мира и выиграю не где-нибудь, а у себя, в Буэнос-Айресе! Вот будет карнавал в Вилья Фиорито! Я не хочу с позиций сегодняшнего дня обсуждать, почему тот чемпионат прошел без меня, грустно только, что больше в моей карьере никогда не будет первенства мира у меня на родине...

Луис Менотти скрупулезно и целенаправленно готовил тогда сборную Аргентины к чемпионскому званию. На родине надо было выигрывать — даже второго места Менотти ни за что бы не простили. Тренер это прекрасно знал и потому подбирал кандидатов в состав с особой тщательностью. Марадона в процессе подготовки на сборы привлекался, но, тщательно взвесив все «за» и «против», в окончательном варианте Менотти решил обойтись без него. Официальная отговорка была найдена беспроблемно — не хватает опыта. Откуда ему взяться у 17-летнего парня?

Однако сейчас, когда Менотти временами оглядывается назад, в его высказываниях нет-нет да и проскользнет намек, что его команда не нужен был тогда законченный индивидуалист Марадона. Слишком много ставилось на карту, чтобы доверить судьбу чемпионата одной юной «звезде» и принужденным обслуживать ее партнерам. К тому же старожилы сборной, вне всякого сомнения, отнеслись бы к этой идее без восторга, и обстановка внутри команды, и без того взвинченная накануне такого турнира, грозила накалиться еще больше. Так или иначе, чемпионат Менотти и его команда выиграли, а победителей, как известно, не судят.

Марадона было обиделся на тренера национальной команды за невнимание к своей персоне, но тот сразу после триумфа возглавил юниорскую сборную страны и вновь доказал, что не зря слышет тонким дипломатом, в короткий срок сумев восстановить добрые отношения с ее капитаном Марадоной.

А Диего, в свою очередь, доказал, что юниорский уровень он уже перерос. На мировом первенстве 1979 года в этой возрастной группе он был на две головы выше остальных.

Медаль чемпиона была подарена отцу, «золотой мяч» лучшего игрока первенства сделался пределом мечтаний младшего брата Хуго, а сам Диего окончательно вступил во взрослый футбол в форме клуба «Бока Хуниорс», ибо

скромному «Аргентинос» удовлетворить его растущие финансовые амбиции было уже не под силу.

— Играя в «Бока», я впервые ощутил, какой тяжелой работой может быть мой любимый футбол. Уму непостижимо, сколько защитников вместо мяча пытались увидеть только мои ноги. Я выходил на игру, они — на охоту. А постоянно чувствовать себя зайцем, убегающим от стаи гончих, не очень приятно. Тем более, если все вокруг тебя к этому привыкли и призывают покорно нести свой крест. А стоит лишь обозначить ответ, как ты же оказываешься кругом виноват. Меня это всегда глубоко задевало, но методы борьбы по молодости я избирал не лучшие.

Не лучшими методами были апелляции к арбитрам и попытки дать сдачи обидчикам. А в печати Марадона, к тому времени мало соприкасавшийся с европейским футболом, называл южноамериканский самый грубым на свете. Аргентина обижалась на своего идола, но тут же прощала его — ведь с этим «золотым мальчиком» у нее было связано столько надежд...

Испанский чемпионат мира стал их полным крушением. Команда Менотти смотрелась лишь бледной тенью самой себя четырехлетней давности, а Марадона, может быть, и стал лучшим футболистом первенства в игре «один на один», но партнерам и болельщикам от этого было не легче. К тому же, вдоволь повалывшись на испанских газонах, в последнем матче с бразильцами Диего уже сам был первым грубияном на поле и покинул его досрочно не из-за травмы. Удаление. Это уже была не неудача — позор.

— Наслушавшись перед Испанией дифирамбов, мы слишком уверовали в свою исключительность. Футбол не прощает небрежности, тем более на высшем уровне. За свою самоуверенность мы поплатились сполна — такого стыда и огорчения я не испытывал никогда в жизни. Надо было что-то менять. И предложение руководства «Барселоны» перебраться в Европу подвернулось как нельзя кстати. Не мог же я знать, что самые суровые испытания судьба мне только готовила.

Хозяева «Барселоны», раскошелившиеся на миллионы, еще только прикидывали, как быстро Диего может их отработать, а он уже оказался на боковой койке — вирусный гепатит. Отлучение от футбола усугублялось тем состоянием одиночества, которое угнетало Марадону в Старом свете — не так-то просто оказалось изменить привычный жизненный уклад, с места в карьер начать оправдывать чьи-то надежды. Тем паче, что грубый футбол Южной Америки теперь вспоминался как невинная забава великих мужчин. Его нещадно «опекали», он, доведенный до отчаяния, нередко отвечал, травмы чередовались с дисквалификациями. А однажды Гойкозоча из Бильбао прыгнул ему сзади на ногу, на четыре месяца отправив в госпиталь.

Новые партнеры аргентинца возмутились. Нет, не поступком защитника, здесь к их голосу все равно не стали бы особо прислушиваться, а условиями контракта Марадоны. Мол, этот аргентинец больше прохлаждается в больницах, чем играет, а получает тем не менее едва ли не больше всех нас вместе взятых. Где же, спрашивается, справедливость? Барселонские разногласия просочились в печать, и реакция на них последовала самая что ни на есть естественная — несколько наиболее богатых европейских клубов предложили Диего за соответствующую сумму сменить место жительства. Марадона выбрал Неаполь.

— Я прибыл в Италию не обиженным на кого-то, нет. За полтора года в Европе я прошел неплохую жизненную школу — ценой разочарования во многих людях, которые объявляли меня своим ближайшим другом, я научился отделять лесть от искренности и правду от лжи. Но и от того восторженного мальчика, что пересек когда-то океан с наивной верой в свое розовое безоблачное будущее, я здорово отличался. Я прибыл сюда с неутолимой жадностью реванша, и у меня были свои выстраданные соображения, как его добиться.

«Наполи» — новый клуб Марадоны — классом был заметно ниже «Барселоны». И здесь лидерские амбиции

выдающегося индивидуалиста, по логике, должны были только приветствоваться. Тем неожиданнее был резкий поворот Марадоны в сторону коллективной игры. Причем как на поле, так и за его пределами. Веселый, неунывающий аргентинец, владеющий, кроме родного испанского, еще тремя языками, быстро становится душой команды и, конечно, кумиром болельщиков. Неистовых неаполитанцев не надо было долго убеждать, что именно в их городе играет лучший футболист мира. Они лишь горели желанием доказать это другим. И жажда реванша роднила их со своим идолом.

— Я воспринимаю город таким, каков он есть. С его массой рычащих машин на автострадах, авианосцами в Неаполитанском заливе, с сотнями босоногих мальчишек, всякий раз подкарауливающих меня у подъезда моего дома на виа Петрарки. Я знаю свое место в этом городе. И хочу, чтобы и город понимал меня.

Когда дела Марадоны — футбольные и житейские — пошли на лад, вслед за Неаполем облетело вздохнула, естественно, и вся Аргентина, чутко ловящая все известия о похождениях на чужбине своего блудного сына. Она тоже была настроена рассчитывать за фиаско 1982 года. Заочно Марадоне были прощены все его прошлые грехи — умами болельщиков завладевал уже следующий чемпионат мира — идеальное место для реванша. Но туда надо было еще попасть.

Трудно сказать, как сыграла бы в Мексике сборная Перу, но верный шанс полететь в Мехико у нее сохранился еще за пять минут до конца последней отборочной встречи с аргентинцами. И когда уже казалось, что второй в жизни Марадоны чемпионат мира откладывается на неопределенный срок, Аргентину спас ветеран, защитник Даниэль Пассареле. Его дальний удар решил проблему билетов в Мексику, но оставил открытыми все проблемы новой команды.

Ее тренеру Карлосу Билардо необходимо было найти единомышленника прежде всего в лидере сборной. Но для Билардо, каким его знали на родине, футбол — это в первую очередь огромная работа и строгая дисциплина. Сумеет ли Марадона вогнать себя в такие жесткие рамки?

Диего приходилось порой дважды на неделе пересекать океан, чтобы успеть сыграть и за клуб, и за сборную. Не забывший ни одного из жестоких испанских уроков, он рвался в Мексику. Игра сборной в первых отборочных матчах бросала Аргентину то в жар, то в холод, и единственное, что радовало болельщиков, — игра самого Диего и его отношение к делу.

— Если игрок перестает идти на жертвы, он больше мне не нужен в сборной, — заявлял Билардо. — Не скрою, мы только тронулись в свой путь, и вполне возможно, что до конца его пройдем не со всеми. Останутся лишь те, кто так же, как Диего, предан нашему общему делу.

Аргентина, правда, не была уверена, дойдет ли до конца сам Билардо. Но Марадона во всем поддерживал тренера, и это успокаивало — великий Диего не мог ведь, по мнению аргентинцев, ошибиться дважды.

— Я буквально считал дни до открытия первенства. Девиз мой был: «Сейчас или никогда». Не знаю, как бы пережил еще одну неудачу. Ее просто не могло быть, я ведь так долго шел к своему счастливому дню.

Но чемпионат Италии еще продолжался, и от травм в нем не застрахован никто. Не уберется, в который уже раз, и Марадона.

— Больная нога не давала мне покоя в тренировочном лагере. Чуть позже обострилась язва у Пассарелы. Даниэль в госпитале выглядел разъяренным львом, в бессилии метавшимся по клетке. Он-то знал, что больше чемпионата мира в его жизни не будет. Но Пассареле хоть могла согреть душу победа в 78-м. А мне? Видимо, бог за что-то разгневался на меня...

И вся Аргентина, затаив дыхание, прислушивалась к вестям из Мексики. Донья Дальма, поневоле обреченная в футбольную веру, истово молилась:

за что в самом деле бог так несправедлив к ее сыну, который всегда честно занимался своим нелегким ремеслом.

Но честно, как выяснилось, до поры до времени. Когда травму удалось забить лекарствами и два миллиарда человек увидели, сколь бесподобен Марадона в своем деле, они же увидели и недоумевающего, оскорбленного вратаря англичан Питера Шилтона, в чьи ворота Марадона переправил мяч рукой. Футбольный мир был обескуражен — так его кумиры еще не поступали. И лишь сам Марадона сделал вид, будто ничего не произошло.

— На поле у каждого свои обязанности. Мои — забивать мячи, вратаря — ловить, а судьи — засчитывать их либо не засчитывать. Он засчитал, и стало быть, гол был забит по правилам. Меня нещадно били по ногам в течение многих лет — я научился красиво падать, провоцировать штрафные и одиннадцатиметровые. Мне не давали забивать такими способами, у которых в правилах не сказано ни слова, — я тоже разучил несколько приемов из той же серии. И ни от одного забито за свою карьеру гола никогда не отказывался и не откажусь. Скажете, в чем-то я ошибаюсь? А вы помните хоть один матч, переигранный из-за судейской ошибки?

Да, Диего Марадона не любит защищаться, ему больше по душе нападать. Этот эпизод стал предметом острой полемики в Буэнос-Айресе, где дом Диего и Хуго имели на него свою точку зрения. И юный Хуго, уже изведавший вкус первых побед в составе юношеской сборной Аргентины, поклялся отцу, что он никогда не уронит подобным образом своей чести. Футбол ведь — это все-таки честная работа.

Этот фальшивый гол, конечно же, заметны приуменьшил величие ореола Марадоны, хотя весь остальной чемпионат он провел блистательно. И крепкая команда Аргентины, украшенная его футбольным гением, взшла на свою вершину.

На родине Диего ликование по поводу этого грандиозного успеха не утихало и по сей день, а вот в Неаполе отношение к этой победе было двойственным. С одной стороны, жители города доказали-таки остальному миру, где играет лучший на сегодняшний день футболист современности, с другой — они же и призадумались: если этот футболист, который, по словам министра иностранных дел Италии Андреотти, «один стоит целой команды», смог сделать свою страну чемпионом мира, то почему же «Наполи» до сих пор ни разу не был даже победителем первенства Италии? И вновь Марадона, лишенный права даже на малейшую передышку, должен оправдывать чьи-то надежды...

...Его жизнь, боль и радость — это футбол. Футбол, в который он играет подчас по своим правилам. Футбол, который не отпускает его от себя ни на минуту. Даже отгородившись от преследующих его на каждом шагу поклонников толстыми дверями своего дома на виа Петрарки, Марадона подолгу рассказывает перед своими многочисленными кубками, медалями, фотографиями.

Самая любимая из них — та, что сделана удачливым репортером за несколько мгновений до решающего гола в ворота сборной ФРГ в финальном матче мирового чемпионата. Марадона принимает мяч, чтобы сделать «золотой» пас Бурручаге. На заднем плане видна скамейка запасных аргентинской сборной и что-то истошно кричащий ему Билардо. Этот крик утонул тогда в реве трибун, и лишь много позже Диего поинтересовался, что же хотел сказать ему тренер. «Я кричал: отдай налево Вальдано, дай же ему пас!» Марадона же отправил мяч вправо, и аргентинцы стали чемпионами. Стоя перед этой фотографией, Диего часто ловит себя на мысли, что еще несколько лет назад не стал бы и смотреть по сторонам — пошел бы вперед сам. И улыбаясь своим мыслям, чувствует себя готовым вновь и вновь выбегать на поле, чтобы испытать непроходящий восторг тринадцатилетнего мальчишки...

Джон УИНДЕМ

ОТКАЗ ОТ НОРМЫ

Научно-фантастический роман

Рисунок Бориса Сопина

— Слушай... а что там с Кэтрин и Салли? — спросил я.

— Не знаю. Они молчат. Впрочем, расстояние теперь порядочное...

— Кэтрин все время была без сознания, — услышал я приглушенный голос Рэйчел (действительно сказывалось расстояние), — она по-прежнему молчит. Мы с Марком боимся, что она...

— Говори, не бойся, — подстегнул ее Мишель.

— Она уже столько времени без сознания, что мы не уверены, жива ли она...

— А Салли?

— Мы... С ней... с ней творится что-то странное, — с трудом выдавила Рэйчел, — мы что-то слышали от нее раза два, но очень слабо... как-то бесформенно. Ничего нельзя было понять... Мы боимся, что... — она никак не могла выговорить.

— Ты понял, что это значит, Дэвид? — сдавленно спросил Мишель. — Они нас боятся. Они готовы живьем разрезать нас на куски, чтобы узнать, как мы это делаем. И разрежут... Если поймут. Ты не должен дать им в руки Петру и Розалинду, слышишь?! Не должен!! Лучше убей их сам, чем... такое! Ты понял?

Я взглянул на спящую Розалинду. Волосы ее на солнце отливали медью, и я подумал об агонии, которая исходила от Кэтрин. От одной мысли, что Петра или Розалинда могут испытать что-то подобное, у меня по спине пробежали мурашки... — Да! — сказал я. — Я... я тебя понял!

Какое-то время я ощущал сочувствие Мишеля и, чуть слабее, Марка с Рэйчел. Потом все стихло. Я повернулся и увидел, что Петра сидит и смотрит на меня широко открытыми глазами.

— Почему он сказал, что ты должен убить нас с Розалиндой? — спросила она по-детски наивно, и в этом вопросе было больше удивления, чем испуга.

Я постарался взять себя в руки.

— Это только если они поймут нас, — сказал я, стараясь, чтобы мой «голос» прозвучал естественно.

— Почему? — повторила она.

— Ну... потому что мы... не такие, как они. Мы умеем разговаривать без слов. А они — нет. Поэтому они так боятся...

— Но почему? Почему они должны нас бояться? — перебила она нетерпеливо. — Мы ведь их не обижаем, правда?

— Я и сам толком не знаю, почему, — машинально выговорил я и подумал, что это почти правда. — Но это так. Может, оттого, что они плохо умеют думать... Ведь чем люди тупее, тем больше им хочется, чтобы все остальные были такими же, как они. А всех, кто не похож на них хоть в чем-то, они боятся... И чем больше боятся, тем больше стараются... сделать им больно.

— Почему? — не отставала Петра.

— Ну... потому что они не такие. И они сделают нам очень больно... Если поймут.

— Я не понимаю, — помолчал, грустно сказала Петра.

— Я тоже. Но это так, и это... очень скверно. Когда ты вырастешь, ты поймешь, а сейчас запомни: мы не хотим, чтобы тебе и Розалинде было больно. Помнишь, как ты ошпарилась кипятком в кухне? Так вот, если нас поймут, будет гораздо больнее, и лучше умереть, чем испытать такое... Умереть, это... ну, как заснуть. Крепко-крепко... Так крепко, что тебе уже никто не сумеет сделать больно...

Я посмотрел на Розалинду. Ее маленькая грудь тихонько приподымалась и опускалась... Она спала... Непослушная прядь волос выбилась на щеку, я тихонько убрал ее и поцеловал — очень осторожно, чтобы не разбудить ее...

— Дэвид, когда ты убьешь нас... — начала было Петра, но я обнял ее за плечи и сказал:

— Тише, детка. Не нужно сейчас об этом. Мы никогда не дадим им нас поймать! И все! Давай-ка лучше

разбудим сейчас Розалинду, только... не будем рассказывать ей про наш разговор, ладно? Это... очень огорчит ее... Пусть это будет наш с тобой секрет, договорились?

— Ладно,— согласилась Петра и тихонько дотронулась до щеки Розалинды.

Мы решили поехать и тронуться в путь, как только совсем стемнеет. За едой Петра молчала, и я было подумал, что она никак не может забыть наш разговор. Но я ошибся: она думала совсем о другом. Прожевав очередной кусок хлеба, она неожиданно сказала:

— А там хорошо... у них, в Селандии... Там все умеют рисовать мысленные картинки, ну, почти все, и никто друг друга за это не обижает...

— А ты, оказывается, не теряла времени даром. Болтала с ними, пока мы спали? — спросила ее Розалинда.— Ну что ж, нам так даже лучше...

Петра не обратила на ее слова никакого внимания и продолжала свое:

— У них, правда, не у всех это хорошо получается... Хотя у большинства — как у вас с Дэвидом... Но у нее — гораздо лучше, чем у всех остальных... А еще у нее есть двое детей, и она думает, что у них это будет получаться совсем здорово... Только они пока еще очень маленькие. Но она думает, что даже и у них не будет получаться так здорово, как у меня. Она говорит, что так ярко рисовать картинки мыслями, как я, у них вообще никто не умеет!

— Ну, насчет яркости — это меня не удивляет,— вздохнула Розалинда,— но тебе надо научиться рисовать их хорошо и... не так громко...

Петра пропустила это мимо ушей.

— Она сказала, что я стану рисовать их еще лучше, только для этого нужно много... много работать. И когда я вырасту, у меня будут дети, которые тоже будут уметь рисовать такие картинки... Еще лучше!..

— Вот как? — задумчиво сказала Розалинда.— А зачем это? Ведь это ничего не принесет,— с горечью добавила она,— кроме... кроме горя... страданий...

— В Селандии это не так! — твердо сказала на это Петра.— Она говорит, что там, у них все хотят это делать как можно лучше... А те, кто умеет это плохо, стараются научиться!

Это нам было более или менее понятно. Я вспомнил рассказы Акселя о тех местах, где про отклонения думают, что они-то и есть НОРМА, а все остальные — мутанты.

— Она говорит,— твердила свое Петра,— что те, кто могут разговаривать только словами, что они... они что-то ут... ут-ра-чивают... Она говорит, мы должны жалеть их, потому что они никогда не смогут понимать друг друга, как мы... Они всегда будут только сами с собой... никогда не сумеют быть... быть вместе!

— По правде говоря, сейчас мне как-то не до того, чтобы жалеть их,— заметил я.

— Она говорит, мы должны их жалеть, потому что по сравнению с нами они живут скучно и совсем неинтересно,— наставительно произнесла Петра явно чужую фразу.

Мы не стали с ней спорить. Много из того, что она говорила, нам было трудно понять, наверное, она и сама понимала далеко не все. Но одно было ясно. Эти селандцы, кто бы там они ни были, явно считали себя на порядок выше остальных. Я теперь понимал, что Мишель и Розалинда были правы, уловив их отношение к нам как к «примитивным». Похоже, они и впрямь считали всех жителей Лабрадора чуть ли не дикарями.

3

Когда появились первые звезды, мы тронулись в путь, по-прежнему продираясь сквозь заросли кустарников и гигантской травы на юго-запад. Помня то, что нам сказал Мишель, мы старались ехать очень тихо и вздрагивали при каждом постороннем звуке. В течение нескольких миль все было тихо и спокойно, разве что какой-нибудь зверек пробежал под копытами наших лошадей.

Часа через три темнота стусилась, и, проехав еще немного, мы наткнулись на почти сплошную стену деревьев. Мы еще не успели сообразить, ехать ли нам напрямик или пытаться объехать эту, казалось, непреодолимую чащу, как где-то рядом прогремел выстрел. Пуля просвистела у нас над головами, и лошади рванулись так, что я едва не вылетел из корзины. Ветка, которой они были связаны друг с другом, порвалась, и та лошадь, что шла сзади, кинулась прямо в лес, но потом свернула куда-то влево. Наша двинулась вслед за ней. Нам ничего не оставалось, кроме как вцепиться изо всех сил в края корзины и стараться прятать головы от комьев земли и камней, летевших градом из-под копыт. Сзади прогремел еще один выстрел, и мы полетели во весь опор...

Эта бешеная скачка продолжалась до тех пор, пока выстрел не раздался впереди нас — где-то слева. Лошади дернулись вправо и устремились в самую чащу. Мы пригнулись как можно ниже, когда толстые ветки и сучья захлестали по корзинам.

К счастью, мы въехали в лес как раз в том самом месте, где громадные деревья росли не таким сплошным, а оставляли прогалы, но все равно это был

какой-то кошмар. Лошади объезжали только большие деревья, а все остальное сминали своим весом, и нас трясло и швыряло во все стороны.

Постепенно галоп сменился рысью, но удержать лошадей было невозможно — выстрелы здорово напугали их, и они неудержимо неслись вперед. Мне приходилось изо всех сил упираться руками и ногами в стенки корзины, чтобы не вылететь из нее, и я боялся даже на секунду высунуться и оглядеться, на такой скорости любой толстый сук мог запросто снести мне голову с плеч.

Я не знал даже, гнался ли за нами кто-нибудь, но, по моему, сзади нас никого не было. Вряд ли обычная лошадь выдержала бы такую скачку, да и вообще продралась бы сквозь этот чертов лес.

Наконец, животные немного успокоились и стали более осторожно выбирать дорогу. Розалинда высунулась из корзины и ухитрилась схватить вожжи. Животные пошли шагом, и мы выехали на узкую просеку. В темноте трудно было определить, куда ведет эта дорога, и мы долго не могли решить: ехать по ней или лучше не рисковать? Наконец, мы все-таки свернули с нее, и тут же треск веток сбоку заставил нас схватиться за луки. Но оказалось, что это наша вторая лошадь, которая как ни в чем не бывало пристроилась сзади, будто веревка, связывающая ее с нашей, была цела.

Лес постепенно редел. То и дело стали попадаться ручейки, замелькали просеки. Похоже, мы были уже в Джунглях. Рискует ли наши преследователи идти за нами дальше, мы не знали, а связаться с Мишелем не могли: должно быть, он спал. Мы подумали, не пора ли нам избавиться от наших громадин, о которых наверняка уже прошел слух на много миль вокруг. Может, стоило пустить их по дороге, а самим пешком двинуться в другую сторону? Решиться на это было нелегко, ведь избавляться от лошадей, не зная, прекратилась ли погоня, было глупо. С другой стороны, если даже они погонятся за нами, то догнать смогут и лошадей, причем довольно быстро, ведь за день они успеют проехать гораздо большее расстояние, чем мы за ночь. Мы не знали, что делать... Но мы так устали, а перспектива тащиться пешком так мало привлекала нас, что мы нерешительно продолжали топтаться на месте. Попробовали еще раз связаться с Мишелем, но без толку. В конце концов выбирать пришлось не нам...

Лошади потихоньку сами двинулись вперед по просеке. Деревья смыкались верхушками над нашими головами, и мы ехали, как в тоннеле, почти ничего не различая впереди. Неожиданно что-то тяжелое и бесформенное упало на меня сверху, и я распластался на дне корзины. Огромная тяжесть придавила меня, и я не мог не то что дотянуться до лука, но даже просто шевельнуться. Я напрягся изо всех сил, чуть-чуть приподнялся, но в этот миг в голове у меня что-то взорвалось, и я потерял сознание.

Глава четырнадцатая

1

Очень медленно я пришел в себя и сразу услышал Розалинду. Настоящую Розалинду — робкую, доверчивую, открытую. Та, другая — уверенная в себе, практичная, сильная и независимая, — была всего-навсего ее собственным созданием. Я видел, видел и чувствовал давным-давно, как она начала искусственно создавать этот образ, будучи на самом деле очень ранимым, робким, хотя по-своему и решительным подростком. Раньше, чем все мы, она инстинктивно ощутила, что живет в чужом и враждебном ей мире, и стала сознательно готовить себя к тому, что рано или поздно ей придется встретиться с этой враждебностью лицом к лицу. Шаг за шагом она создавала себе броню. Я видел, как она находила все новые и новые средства защиты, как упорно она лепила свой образ. Создала она его в конце концов так искусно, так тщательно продуманно, что редко позволяла себе снимать эту маску, почти срослась с ней...

Я очень любил ее такой, какой она была для всех остальных. Я любил ее высокую, стройную фигуру, линию шеи и груди. Ее чудные, длинные ноги. Все это не просто нравилось мне — я любил все это... И то, как она двигалась, и тепло ее маленьких ладоней, ее улыбку. Я любил золотистую копну ее волос, матовую кожу лица, свежесть дыхания, тепло всего ее тела...

Но все это любить было легко... даже слишком легко — это мог полюбить кто угодно... И все это нуждалось в защите. В видимости уверенности, видимости независимости, видимости силы и способности постоять за себя. Так возникла ее маска, ее «броня», которую я тоже любил, но больше восхищался, как великолепным произведением искусства. Она и в самом деле была произведением искусства, была искусственной...

И вот сейчас я услышал другую, настоящую Розалинду, нежную, беззащитную. Она звала меня, отбросив, как ненужную шелуху, эту свою маску, шла мне навстречу, раскрывалась вплоть до самых потаенных уголков сознания.

Словами это не выразить...

Словами можно нарисовать тусклую картину телесной любви, в которой двое существуют отдельно друг

от друга, как бы они ни стремились слиться воедино. Передать словами любовь, любовь ее, мою, нашу, невозможно... Любовь волнами шла от меня к ней, от нее ко мне, она захватила нас целиком, и не было между нами ни расстояния, ни различия... Мы были вместе. Мы встречались, касались друг друга внутри, проникали друг в друга и сливались в одно — мы больше не были отдельно, не было ее и меня. Были мы!.. Вместе...

Такую Розалинду не знал никто, кроме меня. Даже Мишель и все наши лишь изредка видели тень такой Розалинды, и они даже не представляли себе, чего ей стоило даже им казаться такой, какой они привыкли ее знать... Никто!.. Никто не знал мою Розалинду — беззащитную, родную, любимую... Розалинду, боящуюся того, что она с собой сделала, но еще больше боящуюся столкнуться с жизнью без маски, без «брони», которая стала уже частью ее самой.

Времени у нас не было. Мы были вместе секунду — не больше... Но мы были вместе, и это главное, а сколько это продолжалось — не имеет значения... В сравнении с этим ничто на свете не имеет значения...

Потом все кончилось, и я вернулся к реальности. Над нами было тускло-серое небо, лежал я очень неудобно, все тело затекло. Я услышал Мишеля, который, видимо, уже давно пытался связаться со мной, тревожно и настойчиво спрашивая: что с нами происходит? Я собрался с мыслями.

— Понятия не имею,— сказал я ему,— что-то вдруг ударило меня сверху... Но вроде я цел, только вот голова трещит и очень неудобно лежать.

Я чувствовал, что по-прежнему лежу на дне корзины, и что-то буквально вдавливало меня в ее днище.

Мишель ни черта не понял и обратился к Розалинде.

— Они прыгнули на нас сверху, с веток — четверо или пятеро,— объяснила она,— один из них угодил прямо на голову Дэвиду...

— Кто они?! — почти выкрикнул Мишель.

— Люди из Джунглей,— к моему огромному облегчению, ответила она.

— Это не в вас стреляли ночью? — спросил Мишель. Я ответил, что стреляли в нас, но кто стрелял, я не знал.

— Наверное, это наши... — с досадой сказал он.— Я-то надеялся, что они потеряли ваш след. Мы тут собрались вместе — несколько отрядов. Все считают, что преследовать вас в Джунглях маленькими группами опасно, так что теперь мы пойдем все скопом — нас тут больше сотни. Выйдем, наверное, часа через четыре. Все решили, что в любом случае будет неплохо дать Джунглям хороший урок: меньше будут лезть к нам после. Постарайтесь избавиться от ваших лошадей. Пока они с вами, вам не замести следов...

С этим советом ты слегка опоздал,— спокойно сказала Розалинда.— Я лежу связанная в корзине на одной лошади, а Дэвид — на другой.

— А где Петра?! — с тревогой воскликнул Мишель.

— С ней все в порядке. Она на той же лошади, что и я, но в другой корзине. Похоже, она подружилась с парнем, который нас стережет.

— Расскажите мне подробно, по порядку, что произошло,— секунду подумав, сказал Мишель.

— Сначала они свалились на нас сверху. Потом из лесу выскочило еще человек двадцать. Они стацили нас вниз и стали гадать, что с нами делать. В конце концов они решили от нас избавиться: связали, кинули в корзины, на каждую нашу лошадь посадили по своему человеку и пустили вперед по дороге...

— Как вперед? Еще дальше — в Джунгли?

— Ну да... — сказала Розалинда.

— Ну что ж, из всех дорог эта не самая худшая,— заметил с облегчением Мишель.— А как они с вами обращаются? Грубо?

— Нет. Совсем нет. Для них главное, чтобы мы не убежали. По-моему, они кое-что о нас знают, но не очень ясно представляют, что, собственно, с нами делать... Они долго спорили, но, кажется, их больше интересуют наши лошади... Тот, что едет с нами, совсем не злой. Он все время болтает с Петрой (словами, конечно). По-моему, он слегка... ну, придурковатый...

— Вы можете что-нибудь разузнать об их планах? Что они собираются с вами делать?

— Я спрашивала у него, но он вроде и сам не знает. Ему только велели нас куда-то отвезти.

— Ну ладно... — Мишель, кажется, и сам был в растерянности.— Мы теперь можем только ждать. Правда, можно сказать ему, что мы за вами гонимся...

Я напрягся и перевернулся на живот. С трудом мне удалось подняться на ноги. Человек, сидевший в другой корзине, посмотрел на меня равнодушно.

— Н-но, пошла! — прикрикнул он на лошадь.

Неторопливо он снял с груди плетеную флягу на ремне и протянул мне. Попив воды, я вернул ему флягу, и он молча повесил ее себе на грудь.

Кое-что я уже различал вокруг. Мы ехали по довольно унылой местности. Громадный лес кончился, и деревья вокруг нас были нормальных размеров. Но даже по первому взгляду мне показалось на мгновение, что отец был прав, когда говорил о пародии на НОРМУ. Ни для одного дерева я не мог подобрать названия; стволы, ветки, листья — все было неправильным. Некоторое время по левую сторону от нас тянулся фантастический чакокол из куманики, шипы у которой были

размером с лопату. В другом месте земля была похожа на высохшее русло реки, усеянное крупной галькой, но, когда мы подъехали ближе, «галька» оказалась шаровидными грибами, растущими так тесно, что между ними не было ни просвета, ни щелочки. Встречались деревья с такими мягкими стволами, что росли они не вверх, а стелились по земле. Тут и там попадались сморщенные, искривленные деревца, которым на вид было по сто — двести лет, если не больше...

Я исподтишка глянул на своего провожатого. На вид он был вполне нормальный, разве что весь в грязи. Одежда его была сильно измазана, а местами разорвана. Он перехватил мой взгляд.

— Первый раз в Джунглях? А, парень?

— Да, — сказал я. — Тут везде... так?

— Тут везде по-разному, — усмехнулся он, — на то они и Джунгли... Нигде не растет тут ничего одинакового... Пока что.

— Что значит «пока что»? — не понял я.

— Ну, со временем кое-что становится постоянным... Ведь и Дикая земля тоже была когда-то Джунглями. Но теперь она постепенно приходит в норму. Видно, и те места, откуда ты родом, тоже были когда-то навроде Диких, но постепенно пришли в норму. Все со временем становится на свое место. Только медленно. Ну, да ведь богу-то торопиться некуда...

— Богу? — неуверенно протянул я. — Но нас всегда учили, что в Джунглях... сам дьявол...

— Ну да, они так всегда говорят, — перебил он меня, — только это все чушь, парень! Дураки вас учат! Остолопы! Ничему их Кара не научила!.. Ведь Древние тоже думали, что они самые правильные. Считали, что только они знают, как надо жить. Напридумывали себе всяких удобств, разных там штук... Хотели быть поумнее бога, — он усмехнулся, — а ничего не вышло, парень! Они думали, что сами лучше всех, дескать, последнее слово божье... Но бог еще последнего слова не сказал! А когда скажет, сам умрет. Но пока что он не умер, и потому все вокруг меняется — все, что живет и растет. Когда ваши кретины хотят, чтобы все застыло на каком-то, по-ихнему, нормальном уровне, они много на себя берут... Много берут на себя, ты понял, парень?

Я слушал его молча и думал о том, что когда-то говорил мне Аксель. И впрямь все везде считали, что именно они точно знают мысли и планы божьи, словно он им лично о них рассказывал. Мой собеседник тем временем никак не мог успокоиться. Он широким жестом обвел весь пейзаж вокруг нас, и тут я неожиданно увидел его отклонение — на правой руке у него не хватало трех пальцев.

— Но... зачем же нужна новая Кара? — собравшись с мыслями, спросил его я.

— Да затем, что ваши, как и Древние, на каждое изменение налагают запрет... Они путь закрывают, понимаешь? Они ведь считают себя совершенством, кретины! Говорят: «Мы — образ и подобие божье...» Выходит, по-ихнему, путь окончен? Все? Приехали? Дальше дороги нет? Но ведь это же ересь, парень! Ведь они из жизни хотят выжить саму жизнь!..

Услыхав про «ересь», я понял, что опять столкнулся с каким-то очередным вероучением, и мне стало скучно. Я решил перевести разговор на дела житейские и попытаться выяснить, почему они нас связали и куда тащат. Но он и сам ничего не знал толком и твердил лишь, что так всегда поступают поначалу с теми, кто вторгается в пределы Джунглей. Я немного поразмыслил над его словами и связался с Мишелем.

— Что, по-твоему, мы должны им сказать? — спросил я. — Они наверняка будут нас допрашивать или, во всяком случае, расспрашивать, увидят, что физические мы нормальные, и нам придется дать какое-то объяснение: почему мы сбежали?

— Думаю, лучше сказать им правду, — ответил он. — Не всю, конечно, а примерно так, как Кэт и Салли. Словом, скажете им только в общих чертах и немного, только чтобы звучало правдоподобно.

— Ладно, — сказал я. — Петра, ты поняла? Скажешь им, что можешь рисовать мысли-картинки только для меня и Розалинды, а про Мишеля и тех... ну, из Селандии, ни слова!

— Те, из Селандии, уже идут к нам на помощь, — объявила Петра. — Они уже не так далеко, как прежде. Мишель отнесся к этому скептически.

— Все это, конечно, хорошо, — сказал он, — но похоже на какую-то сказку... Так или иначе, о них ни слова!

— Ладно, — согласилась Петра. Мы посоветовались, стоит ли говорить нашим провожатым про погоню за нами, и в конце концов решили сказать. Мой страж принял эту весть спокойно и без всякого удивления.

— Ладно, — сказал он, — это нам только на руку.

Почему на руку, он не объяснил, а я не стал спрашивать, и мы ехали молча. Петра принялась болтать со своей «подругой» из Селандии, и мы сразу почувствовали, что расстояние между ними здорово сократилось. Петре уже не нужно было пользоваться всей своей феноменальной силой, а кроме того, я впервые уловил какие-то обрывки мыслей оттуда, с другой стороны. Розалинда тоже что-то ухватила и, собрав всю свою мощь, попыталась задать какой-то вопрос. Незвучная услышала ее, тут же усилила свою передачу, и мы впервые услышали ее «голос».

Она была очень довольна, что наконец-то связалась с нами, и хотела узнать все, чего не сумела растолковать ей Петра. Розалинда, как могла, попыталась подробно рассказать ей о нас и нашем теперешнем положении. Закончила она тем, что прямой опасности пока вроде бы нет.

— Будьте осторожны, — посоветовала та. — Соглашайтесь на все, что вам предложат, тяните время. Преувеличивайте опасность, которой вы подвергаетесь со стороны ваших. Трудно советовать, не зная обычаев племени, которое вас схватило. Но большинство отклонений не любят нормы — везде и повсюду. Так что хуже не будет, если вы преувеличите степень вашего отличия от «нормальных». Но самое главное — девочка. Любой ценой сохраните ее! Мы никогда не сталкивались с передачами такой силы! Как ее зовут?

Розалинда передала имя Петры по буквам и спросила:

— Кто вы такие? Что это за Селандия?

— Вы можете называть нас Новыми людьми, — последовал ответ. — Мы такие же, как вы. Мы умеем думать вместе. И мы хотим создать новый мир, отличающийся от всего, что было раньше. Не такой, как у тех, кого вы называете Древними.

Я снова подумал, что эти Селандцы, называющие себя Новыми людьми, очень уж высокого мнения о себе. Мне трудно было принять то, что она говорила: ведь мне с детства внушали совершенно противоположное представление о Древних, и я не мог так сразу от него отказаться. Пока я с трудом переваривал все это, Розалинда спросила:

— Ну, а вы? Вы-то откуда взялись?

— Нашим предкам в каком-то смысле повезло, — услышали мы в ответ. — Они жили на острове, вернее, на двух островах, вдалеке от Большой земли. Они тоже не избежали... Кары, но Кара задела их стороной — они ведь были далеко от большинства стран и городов Древних. Сперва они тоже были отброшены к почти первобытному состоянию, но немного погодя (мы и сами не знаем, почему) появились такие, как мы, умеющие думать вместе. Со временем те, кто умел делать это лучше, находили других, которые лишь в слабой степени владели этой способностью, и помогали им. Это умение передавалось их детям, и от поколения к поколению мы становились все совершеннее, все сильнее в этой нашей способности. Позже мы сами начали искать себе подобных в других краях, и только тогда мы поняли, как нам повезло, что мы оказались в стороне от больших городов и стран. Раньше помочь тем, кто жил далеко от нас, было трудно, почти невозможно. Правда, некоторые умудрялись до нас добираться... Но вскоре у нас появились машины, такие же, как у Древних, и кое-кого нам удавалось спасти. Теперь мы пытаемся спасти каждого, с кем удается связаться. Но нам никогда еще не удавалось вступить с кем-нибудь в контакт на таком огромном расстоянии. Даже мне пока еще очень трудно говорить с вами. Скоро будет легче, но сейчас я почти на пределе, поэтому я заканчиваю. Помните главное — девочка! Такого мы еще не встречали, и она очень нужна нам. Любуйтесь, слышите — любуйтесь, вы должны сберечь ее!

На этом она закончила передачу, и наступившую тишину нарушила Петра.

— Это она обо мне! — объявила она с такой силой, что мы чуть не потеряли сознания.

— Ох!.. Тише, детка... — придя в себя, попросила ее Розалинда. — Мы ведь пока еще не наткнулись на Волосатого Джека, что ж ты так кричишь?! Мишель, — позвала она, — ты все слышал?

— Да, — задумчиво протянул он, — звучало это как-то... высокомерно, что ли... Слово она читала лекцию детям... И потом уж очень они далеко от нас. Право, не знаю, как они сумеют добраться до вас вовремя. Погоня начнется через несколько минут — мы уже верхом...

Наши лошади по-прежнему шагали неторопливой рысью. Окружающая нас местность оставалась такой же странной для тех, кто привык к НОРМЕ. Кое-что было даже более фантастично, чем те отклонения, про которые мне рассказывал когда-то Аксель. Я невольно испытал облегчение, когда мы наконец выехали на открытую местность, хотя и тут трава и кусты были непохожи на нормальные.

Лишь один раз мы остановились и сделали короткий привал. Часа через два мы подъехали к реке. С нашей стороны спуск к воде был пологий, а с противоположной — обрывистый, почти отвесный, сплошь покрытый какими-то острыми красноватыми камнями. Мы поехали вдоль берега, вниз по течению. Примерно через четверть мили замелькали деревья, похожие на огромные груши — все ветки росли у них наверху, образуя нечто вроде шапок на верхушках стволов. Наш провожатый спрыгнул на землю и повел лошадей к воде. Мы благополучно переправились через реку, она в этом месте была не особенно глубокой, но ехали не прямо, а забирая влево, туда, где на другой стороне виднелся узкий проход в крутом, как стена, склоне. Когда мы подъехали ближе, этот проход оказался даже еще более узким, чем виделся издали. Я поначалу не представлял даже, как мы будем по нему пробираться. И в самом деле, порой наши корзины задевали за стены ущелья, и мы с трудом протискивались вперед. Метров через полтора мы выехали из ущелья.

ля, и дорога пошла в гору. Поднявшись на гору, мы очутились на открытой равнине, и дорогу нам преградили шестеро или семеро мужчин с луками в руках. Они изумленно взирали на наших громадных лошадей и, по моему, были не прочь дать деру. Не доезжая до них, мы остановились.

— Слезай, парень, — обратился ко мне мой «страж».

Петра и Розалинда были уже внизу. Как только я ступил на землю, «страж» хлестнул по спине лошади вожжами (тот, который был на второй лошади, сделал то же самое), и они укатили. Петра сразу же вцепилась мне в руку, но люди с луками по-прежнему не обращали на нас внимания: они с изумлением смотрели вслед удаляющимся лошадям.

На первый взгляд ничего резко отличающегося от НОРМЫ у этих людей не было. Но, приглядевшись, я увидел, что рука одного из них, державшая лук, была шестипалой. У другого голова была похожа на коричневое яйцо без всяких признаков растительности. У третьего были непропорционально большие ступни и ладони...

Мы с Розалиндой испытали невольное облегчение оттого, что не столкнулись с настоящими чудовищами, которых порой рисовало нам наше воображение. Петра тоже, казалось, успокоилась: никто из встретившихся нам не был похож на Волосатого Джека.

Когда лошади скрылись из виду, люди принялись рассматривать нас. Двое или трое отделились от группы и велели нам идти за ними, остальные отвернулись, потеряв к нам всякий интерес.

По проторенной тропинке мы с провожатыми углубились в лес, но скоро вновь вышли на открытую местность. Справа от нас была стена из красноватых утесов — обратная сторона вертикального склона, обращенного к реке. На ней там и сям располагалось множество расщелин и лестниц из грубо связанных веток, ведущих наверх. Прямо перед нами стояло несколько жалких домишек, вернее сказать, лагун. Возле них вилась небольшая дымовая труба, на котором, по-видимому, варилось какое-то варево. Несколько мужчин в лохмотьях и довольно много женщин — грязных и очень неряшливо одетых — расположились у костров. Время от времени кто-нибудь из них с видимой неохотой поднимался и подбрасывал ветки и сучья в костер.

Миная лагуну, мы пошли к самому большому шалашу — он был сделан из старого брезента, которым у нас обычно накрывали стога сена. Прямо у входа в шалаш сидел человек и внимательно смотрел на нас. Когда я взглянул в его лицо, я в ужасе попятился: мне показалось, что на меня смотрит мой отец... И тут же я узнал его. Это был тот самый «Паук», которого я видел в Вакнуке лет семь-восемь назад.

Наши провожатые подтолкнули нас вперед, и мы очутились прямо перед входом в шалаш. Паук внимательно оглядел всех троих. Глаза его медленно опустились с ног до головы Розалинду — всю ее стройную фигуру, — но так равнодушно, что у меня не возникло и тени беспокойства, потом остановился на мне. С минуту он глядел на меня в упор и наконец удовлетворенно хмыкнул.

— Помнишь меня? — спросил он хриплым голосом.

— Да, — честно сказал я.

— Не очень-то похоже на Вакнука, а? — Он обвел глазами равнину с лагунками и вновь уставился на меня.

— Не очень, — кивнул я.

Он помолчал, что-то обдумывая.

— Ты... знаешь, кто я? — наконец спросил он.

— Догадываюсь, — ответил я.

— Ну? — Он вопросительно приподнял брови.

— У отца был старший брат, — не очень уверенно начал я, — сначала он был признан нормальным. А года через три после рождения у него отобрали Метрику и... он куда-то делся... Его забрали... Он молча кивнул.

— Все правильно, да не совсем. Мать очень его любила... и нянька тоже... Когда за ним пришли, его уже не было. Понимаешь, что это значит? Они не успели... Ну, ты ведь знаешь, что они обычно делают перед тем, как избавиться от таких, как я... Словом, дело замяли, словно ничего такого и не было... — Он горько усмехнулся. — Старший сын. Наследник... Вакнук должен был быть мой! Он и был бы, если бы не... — Он вытянул всю длину свою руку и секунды две рассматривал ее так, словно видел впервые. Потом он снова взглянул на меня в упор.

— Тебе известно, какой длины должна быть рука у человека?

— Нет, — сознался я.

— Мне тоже, — сказал он, — но кому-то там, в Риге, это было известно. Кому-то из их грамотеев... И потому Вакнук принадлежит не мне, а я живу, как дикарь... И среди дикарей. Ты старший сын?

— Старший, — кивнул я, — и единственный. Был еще один, младший, но...

— Не выдали Метрики?

Я молча кивнул.

— Стало быть, и ты теперь лишился Вакнука?

Это как раз тревожило меня меньше всего. Я вообще никогда не думал, что мог (и должен был) унаследовать Вакнук. Должно быть, у меня всегда было подспудное ощущение, что рано или поздно меня раскусят и мне придется спасаться бегством. Я так долго жил с этим чувством, что теперь совершенно не страдал от той злобы и обиды, которая, по-видимому, переполняла душу Паука. Я так ему и сказал: что, мол, только рад быть здесь, в безопасности. Это ему как будто не пришлось по душе.

— У тебя просто духу не хватает драться за то, что должно принадлежать тебе по праву, — презрительно буркнул он.

— Если по праву это ваше, то, значит, оно уже не может быть моим, — возразил я. — А кроме того, мне надоело прятаться!

— Все мы тут прчемся, — сквозь зубы процедил он.

— Может, и так. Но каждый из вас здесь может быть самим собой! Вам не нужно притворяться, не нужно все время быть начеку, чтобы не дай бог не проговориться! Не нужно десять раз подумать, прежде чем открыть рот!

— Мы слышали о вас, — кивнул он. — У нас есть свои способы узнавать про многое... Но я, признаться, не очень понимаю, отчего это они на вас так ополчились.

— Мы думаем, — попытался объяснить я, — что они нас боятся. Нас ведь нельзя распознать по внешности. Они наверняка подозревают, что таких, как мы, еще много. Но узнать они про них ничего не могут, пока те сами себя не выдадут... Они хотят схватить нас, чтобы мы выдали остальных...

— Да, этого, пожалуй, достаточно, чтобы постараться не попасть им в руки, — задумчиво сказал он.

В этот момент я уловил «голос» Мишеля. Розалинда о чем-то с ним разговаривала, но мне трудно было одновременно слушать и их, и Паука, поэтому я не стал вмешиваться.

— Значит, теперь они будут охотиться на вас здесь, в Джунглях? Что ж... А сколько их?

Не зная, что ему известно про нас и знает ли он про Мишеля, я заколебался. А он сказал:

— Вряд ли тебе стоит морочить нам голову, парень. Охотятся-то ведь они за вами. Выходит, вы привели их за собой сюда, к нам. А какой нам резон заботиться о вас? Может, проще будет выдать вас им с потрохами, да и дело с концом, а?

Петра услышала конец его фразы и вздрогнула от страха.

— Больше сотни, — быстро сказала она.

Он довольно глянул на нее.

— Ага, значит, среди них есть один из ваших!.. Я так и думал, — самодовольно отметил он. — Сотня или больше... Многовато для вас троих, а, парень? Не прошел ли у вас слух о готовящемся набеге из Джунглей?

— Было такое, — признался я.

— То-то и оно, — вновь усмехнулся он. — Видать, они на этот раз решили опередить нас, ну, а заодно и вас схватить. Наверняка они идут по вашим следам... Где они теперь?

Я связался с Мишелем и выяснил, что основной отряд еще в нескольких милях от тех, кто стрелял в нас. Но все равно они были уже близко. Теперь надо было как-то сообщить это человеку, сидящему передо мной и державшему нашу судьбу в своих длинных руках. Но сказать ему так, чтобы это его не озлобило и не настроило против нас.

Он воспринял мои сведения довольно спокойно.

— Твой отец с ними? — только и спросил он.

Это был непростой вопрос. Я пытался обходить его даже в разговорах с Мишелем. Не стал я спрашивать его и сейчас. Я просто сказал, помедлив секунду-другую: — Нет.

Краем глаза я видел, что Петра хочет что-то сказать, и уловил, как Розалинда «одернула» ее.

— Жаль, — заметил он, — это было бы очень кстати. Я никогда не терял надежды, что рано или поздно мы с ним еще сведем счеты. Впрочем, может, он на деле-то и не такой уж поборник чистоты расы? А, парень? Он продолжал смотреть на меня холодными, изучаю-

щими глазами. Я почувствовал, что Розалинда поняла, почему я не спросил Мишеля об отце, и уловил ее нежность и сочувствие ко мне... Неожиданно Паук отвел взгляд от меня и устался на Розалинду. Она не отвела глаз и несколько секунд холодно на него смотрела. А потом, к моему великому изумлению, раскрылась. Она опустила глаза, и лицо ее залила краска. Он довольно улыбнулся. В то же мгновение я ощутил, что раскрыться, сбросить с себя маску заставил ее страх, выплеснувшийся наружу с дикой силой... Страх, который она так хорошо умела прятать... Это была не женщина, пасующая перед мужчиной, перед мужской волей, а ребенок, испугавшийся чудовища... Петра тоже уловила этот страх и вскрикнула.

Я, не задумываясь, кинулся на Паука. Двое, стоящие зади, тут же навалились на меня и скрутили мне руки. Но по крайней мере один хороший удар Паук все же получил.

Он сел и потер подбородок, а потом посмотрел на меня без всякой злобы и даже без удивления.

— Ты ведь не дома, — заметил он, поднимаясь на свои журавлиные ноги. — А здесь у нас не так уж много женщин... Да и взгляни на них как следует, когда будешь идти мимо, — может, у тебя в башке и прояснится. Кроме того, эта, — он ткнул рукой в Розалинду, — может родить мне детей. А я, знаешь ли, всегда почему-то этого очень хотел, пусть им даже и нечего будет унаследовать... — Он усмехнулся, но тотчас же нахмурился. — Не зарывайся, парень! Прими все как есть! В другой раз я не буду долго разговаривать и читать тебе мораль! Приведите-ка его в чувство, — бросил он двоим, державшим меня за руки. — А если он окажется уж очень непонятливым, пристрелите!

Они развернули меня кругом и потащили в сторону. Немного отойдя, один из них больно пнул меня ботинком и буркнул:

— Шевелись, парень!

Чуть погодя я попробовал оглянуться, но тот, что был чуть дальше от меня, натянул тетиву и кивком показал, куда мне идти. Я пошел вперед и шел метров двадцать, пока вокруг не стали опять попадаться деревья. Когда лес стал гуще, я резко пригнулся, отбежал в сторону и рванул назад. Они только этого и ждали. Стрелять они не стали — просто догнали и потащили дальше, изо всех сил пиная меня ногами. Я помню, как в какой-то момент перестал ощущать боль от ударов, помню, как мне вдруг показалось, что я стал невесомым и парю в воздухе... Как и где я «приземлился» — этого уже не помню...

Глава пятнадцатая

1

Кто-то легонько встряхивал меня. Я чувствовал чьи-то руки под мышками. Мягкие ветки тихонько хлестали меня по лицу.

— Тс-с! — прошептали у меня за спиной.

— Сейчас... — пробормотал я, — все будет нормально...

Меня перестали трясти. Я собрался с силами и перевернулся на живот, потом с трудом встал на четвереньки. Передо мной на короточках сидела молодая девушка и пристально глядела в мое лицо.

Солнце уже почти зашло, и под сенью деревьев было совсем темно. Я плохо различал ее — видел только пряди темных волос, обрамляющие опаленное загаром лицо, и живые, блестящие глаза, внимательно изучающие меня. Одежда на ней была неопределенного цвета, очень ветхая, со множеством заплат. Платье было без рукавов, но больше всего меня поразило, что на платье не было креста. До сих пор мне еще ни разу не приходилось видеть женщину, у которой не был бы вышит ритуальный крест на платье. Это было так странно и непривычно, что поначалу я даже не поверил своим глазам...

Несколько секунд мы рассматривали друг друга. Наконец она с грустью вымолвила:

— Ты не узнал меня, Дэви!..

До этого момента я действительно не узнавал ее. Но когда я услышал, как она произнесла: «Дэви!..» — что-то дрогнуло во мне.

— Софи!.. — вскрикнул я. — Софи!..

Она улыбнулась.

— Дэвид, милый... Они сильно тебя избили?

Я попробовал пошевелить руками и ногами: они словно одеревенели и в нескольких местах сильно саднили. Болело все тело, а голова просто раскалывалась. Струйка крови стекала по левой щеке... Но кости как будто были целы. Я попытался подняться, но она быстро положила мне руки на плечи и прошептала:

— Нет-нет, подожди. Позже... когда стемнеет.

Она не отрывала от меня своих грустных, внимательных глаз.

— Я видела, как вас привели. Тебя и девочку... И еще женщину... Кто она, Дэви?

Эти слова буквально подбросили меня, как пружина. Я попытался связаться с Розалиндой и Петрой, но не слышал в ответ ни звука. Зато Мишель сразу отозвался.

— Слава богу, наконец-то ты очнулся, — с облегчением произнес он, чувствуя мою страшную тревогу. —

Мы все извелись... Не волнуйся, с ними все в порядке! Они обе спят. Очень устали...

— А... Розалинда?!

— Говорю же, с ней все в порядке! Что с тобой?

Я рассказал ему все. Наш «разговор» занял всего несколько секунд, но этого было достаточно, чтобы Софи стала с недоумением вглядываться в меня.

— Кто эта женщина, Дэви? — повторила она.

Я объяснил, что Розалинда — моя двоюродная сестра. Софи все так же внимательно, изучающе смотрела на меня, пока я отвечал на этот вопрос, и медленно кивнула.

— Ты ее любишь, — наконец сказала она, не столько спрашивая, сколько сама себе отвечая.

Слово... опять всего лишь слово... Когда у людей все мысли общие, когда радость и горе другого улавливаются мгновенно и ощущаются, как свои собственные... Где тогда найти слова, чтобы выразить это?... Таких слов просто нет, для этого нужно другое... совсем другое...

— Мы... любим друг друга, — сказал я. Это было все, что я мог ей сказать.

Софи кивнула и стала безучастно обламывать сухие ветки, которые держала в руках.

— Он сейчас ушел... туда, далеко, где они сражаются. Сейчас она в безопасности.

— Она спит. Они обе спят, — сказал я.

— Откуда ты знаешь?!

Я коротко объяснил, стараясь растолковать ей все как можно проще. Она слушала, продолжая обламывать ветки. Потом отбросила их в сторону и кивнула.

— Я помню, — задумчиво прошептала она, — еще тогда... Мама говорила мне что-то... Что будто ты понимаешь ее раньше, чем она успеет сказать... Это и есть то самое?

— Вероятно. Я думаю, у твоей матери тоже было это, но... очень слабее... Так что она сама даже не знала... Не догадывалась...

— Наверное, это здорово, — сказала она с завистью, — все равно что иметь глаза, которые видят насквозь?..

Вдруг передо мной отчетливо встала картина: мужчина и женщина держатся за руки, а маленькая фигурка на лошади машет мне ручонкой. Машет, машет... А потом они все исчезают за деревьями, а я остаюсь стоять, полный горя от своей первой утраты, чувствуя прикосновение детских губ на моей щеке и сжимая кусок желтой ленты с прядью темных волос в кулаке...

— Уже стемнело, Софи... — сказал я.

— Да, теперь мы можем идти. Только осторожно, — предупредила она. — Ты можешь двигаться? Это совсем рядом.

Я с трудом поднялся на ноги, все еще чувствуя сильную боль во всем теле. Голова кружилась, но идти я, кажется, мог. Софи видела в темноте лучше меня — она взяла меня за руку, и мы медленно двинулись вперед, стараясь держаться вблизи деревьев. Слева я различал огоньки костров и понял, что мы идем по самому краю поселка. Когда мы дошли до низкого утеса, Софи остановилась и положила мою руку на лестницу из веток, которую я увидел лишь после того, как дотронулся до нее.

— Лезь за мной, — сказала она и сразу пропала в темноте.

Я осторожно стал взбираться по лестнице вверх, пока не добрался до ее конца и руками не ухватился за край гладкой площадки. Ее рука нашла в темноте мою, и она помогла мне взобраться наверх.

— Садись, — сказала Софи.

Она поискала глазами вокруг, наклонилась, и в руках у нее засветился огонек. Видимо, она высекла искры из двух камней и зажгла от них обрывок веревки. Она стала раздувать тлеющий огонек, пока ей не удалось зажечь от него две свечи. Это были два огарка, они издавали скверный запах, но при их свете я все-таки мог разглядеть, где мы находимся.

Это было что-то вроде небольшой пещеры — метров пять в длину и восемь в ширину, — выдолбленной в песчанике. Вход прикрывала звериная шкура. В темном левом углу видна была дыра в потолке, сквозь которую медленно капала вода — примерно капля в секунду. Вода стекала в деревянную бадью, и от нее тянулся мокрый след через всю пещеру к самому входу — видимо, когда вода переливалась через край, никто не давал себе труда опорожнить бадью. В другом углу было сооружено что-то вроде матраца из веток, покрытого такой же шкурой, какая висела у входа. По полу была разбросана простенькая кухонная утварь. Над черным выгоревшим пятном от костра возле входа виднелась выжаренная отверстие. Из стен там и сям торчали рукоятки ножей, а в небольших нишах стояли подобия тарелок и чашек, грубо выдолбленных из дерева. Лук, кожаный колчан со стрелами и длинный кинжал лежали на полу рядом с матрасом... Больше в пещере, кажется, ничего не было. Я невольно вспомнил кухню в доме Узндеров... Чистенькая, светлая, она казалась такой уютной — стены, увешанные картинами, без всяких дурацких надписей, ароматные свечи...

Софи взяла чашку, зачерпнула воды, достала из ниши чистую тряпочку и наклонилась надо мной. Она смыла с моего лица кровь, осторожно обтерла края рваной раны на голове и принялась внимательно ее разглядывать.

— Ничего страшного, — сказала она, — просто большая царалина, к счастью, даже не очень глубокая.

Я вымыл в чашке руки, она выплеснула воду прямо на пол и убрала чашку обратно в нишу.

— Есть хочешь?

— Очень, — признался я. С самого утра у меня во рту не было ни крошки. Но вспомнил я об этом, только когда она спросила.

— Посиди здесь. Я скоро вернусь, — сказала она и скрылась за шкурой, закрывающей вход.

Я сидел, тупо глядя на стену пещеры, слушая мерный звук падающих капель в дальнем углу, и думал: а ведь вполне возможно, что здесь все это роскошь... «Если бы у тебя было так мало хорошего, как у меня...» — так, кажется, она сказала.

Чтобы отогнать нахлынувшую на меня тоску и острую жалость к Софи, я позвал Мишеля.

— Где вы там? — спросил я. — Что вообще происходит?

— Мы остановились на ночлег, — тут же отозвался он. — Рискованно двигаться ночью в Джунглях... Он постарался нарисовать мне картину этого места, каким он видел его до захода солнца, но это могло быть и в стороне от нашего с Розалиндой маршрута. — Днем идти было очень тяжело, мы вымотались, как черти. Они неплохо знают свои леса, эти люди из Джунглей. Мы ожидали встретить засаду, но они вместо этого кралась за нами, как тени, время от времени обстреливая нас из-за деревьев. У нас трое убиты и семеро ранены. Но тяжело только двое...

— И вы по-прежнему полны решимости идти вперед? — Да. Тут говорят, что у нас впервые хватит сил, чтобы как следует проучить здешних дикарей. Во всяком случае, надолго заставить их сидеть в своих берлогах и не соваться к нам. Я уж не говорю о том, что они во что бы то ни стало хотят схватить вас. Здесь полно слухов, что в Вакнуке и вокруг него еще много таких, как мы с вами. Поймав вас, они надеются выжить всех остальных... — Он неожиданно замолк, а потом добавил невесело: — Честно говоря, Дэви, я боюсь, что... на самом деле только один... вернее, одна...

— Как одна?!

— Рэйчел. Она вчера умудрилась со мной связаться... была почти не слышна... Очень далеко, понимаешь? Так вот, она сказала... Словом, что-то случилось с Марком.

— Неужели они его схватили?!

— Нет. Впрочем... она не знает. Но думает, что нет. Он бы дал ей знать... А тут... Он просто замолчал. Вот уже целые сутки, как от него ни звука.

— Может, несчастный случай? Помнишь Уолтера Брента? Того, которого деревом придавило? Он тогда тоже замолк, и все...

— Не знаю. Может, и так, Рэйчел тоже не знает, но она здорово напугана... Ты пойми, ведь тогда выходит, что она... совсем одна. Сейчас она уже почти на пределе в смысле расстояния... Еще две-три мили, и мы совсем перестанем слышать друг друга...

— Странно, что я не слышал Рэйчел... даже тебя не слышал, когда ты с ней разговаривал, — удивился я.

— Это, наверное, было тогда, когда ты лежал без сознания, — предположил он.

— Так или иначе, проснется Петра и свяжется с Рэйчел. Для нее ведь это расстояние — пустяк. Я думаю, для нее вообще не существует никаких пределов, — попытался утешить его я.

— Да. Я как-то совсем забыл про Петру, — сказал он, и я почувствовал, что на душе у него стало полегче. — Рэйчел здорово обрадуется!..

Минут через пять шкура у входа заколыхалась, и из-под нее показалась рука Софи, втолкнувшая в пещеру дымящуюся чашу с каким-то варевом. Она влезла сама и пододвинула чашу ко мне, достав перед этим из ниши в стене деревянную ложку и погасив огарки свечей. Я с опаской начал есть, но варево оказалось довольно вкусным: что-то вроде кусочков мяса, перемешанных с кусками хлеба и политых каким-то отваром. Я съел все подчистую, но, когда я подносил ко рту последнюю ложку, в голову у меня что-то бухнуло, я чуть не потерял сознание, и содержимое ложки выплеснулось мне на рубаху. Это проснулась Петра.

Постепенно я пришел в себя. Петра, сначала ударившая меня всплеском своего отчаяния, теперь излучала радость. Но от этой радости в голове у меня гудело, как от ударов молота. Этот ее всплеск разбудил и Розалинду, а затем я услышал проклятия Мишеля. По-друге Петры из Селандии тоже, видно, досталось...

Наконец Петра сумела взять себя в руки и потихоньку умерить свой «голос». Все с облегчением вздохнули.

— Что с ней? Она что, с ума сошла?! — переведа дух, спросил Мишель.

— Мы думали, что Дэви мертвый! Мы думали, они его убили! — радостно сообщила всем Петра.

Я начал улаживать Розалинду. Она тоже была сама не своя от радости, но мысли ее были беспорядочны, и я отвечал ей так же сумбурно и бессвязно. Она раскрылась, и мы опять были вместе, пока не вмешался Мишель и не попросил нас умолкнуть.

— Извините за беспокойство, — сказал он, — но сейчас не время для любовных арий. Когда выпутаемся, тогда сколько угодно! — Он выждал паузу. — Ну, что у вас происходит?

Розалинда сказала ему, что они по-прежнему в том шалаше, откуда меня увели те двое. Паук ушел, но оставил какого-то красноглазого и беловолосого человека сторожить их. Я объяснил, где нахожусь я и что со мной.

— М-да... Ладно, — сказал Мишель. — Вы говорите, что этот... Паук у них вроде вожака? Хотелось бы знать, будет ли он сам участвовать в бою или же будет командовать ими издали? Если верно второе предположение, он ведь может в любую минуту вернуться.

— Да, пожалуй... — выдавил я.

— Я его боюсь!.. — вырвалось неожиданно у Розалинды. Она была на грани истерики. — Он... он другой! Не такой, как мы!.. Даже не такой, как они!.. Вообще другой, не человек, а... зверь! Если он... Если только... Я покончу с собой!

— Ничего подобного ты не сделаешь! — Тон, каким произнес это Мишель, подействовал на нее, как ушат холодной воды. — Если понадобится, ты убьешь не себя, а его! Ясно?! — Почувствовал, что Розалинда успокоилась, он напрягся изо всех сил и переклонился на женщину из Селандии. Он спросил, по-прежнему ли она полагает, что сумеет помочь нам. Ответ донесся издали, но вполне отчетливо. Он был предельно лаконичен.

— Да, — коротко сказала она.

— Когда? — спросил Мишель.

Прошло некоторое время, как будто там совещались. Затем последовал ответ:

— Не позднее чем через шестнадцать часов.

Я чувствовал, что недоверие Мишеля к этим селандцам постепенно тает. Кажется, он впервые всерьез поверил, что помощь оттуда действительно придет.

— Что ж, — после секундной заминки сказал он, — тогда, ребята, вам остается только продержаться эти самые шестнадцать часов.

— Погоди! — попросил я. — Погоди, не пропадай... я... я сейчас...

Я глянул на Софи. Она опять зажгла свои смрадные свечи, и я видел, что она смотрит на меня с изумлением и страхом.

— Ты... ты «разговаривал» с той... девушкой? — негромко спросила она.

— Да. И с моей сестрой. Они проснулись. Они все еще там, в шалаше у... у того человека. Но его самого там нет. Он оставил какого-то альбиноса сторожить их... Вообще-то это странно...

— Что странно? — не поняла Софи.

— Ну... естественней было бы оставить с ними женщину...

— Не забывай, что ты в Джунглях, — с горечью произнесла Софи и посмотрела на меня исподлобья.

— Ну да, конечно... смутился я, — понимаю... Видишь ли, я хочу спросить... Как бы нам выбраться отсюда, прежде чем тот вернется? По-моему, сейчас самый подходящий момент, потому что если он вернется... Я посмотрел ей прямо в глаза.

Она отвернулась и некоторое время молча смотрела на тусклое пламя свечей. Потом кивнула.

— Да, ты прав. Так будет лучше для нас всех. Всех... кроме него, — сказала она неожиданно грустно. — Ладно, попробуем.

— Прямо сейчас?

Она опять молча кивнула. Я поднял длинный кинжал, валившийся у изголовья матраса, и взвесил его на ладони. Пожалуй, он был легковат, но, в общем... годился. Она глянула на меня и отрицательно покачала головой.

— Ты должен остаться здесь, Дэви.

— Но как же... — начал было я.

— Если тебя увидят, поднимется паника. А на меня никто не обратит внимания. Даже если увидят меня возле его дома...

Это было резонно, и я с каким-то странным сожалением положил кинжал на место.

— Но ты... ты справишься? — осторожно спросил я.

— Да, — коротко и решительно произнесла она. Потом встала и из темной ниши в стене достала нож — обыкновенный кухонный нож, гораздо меньше кинжала, но хорошо вычищенный и острый, как бритва. Она засунула его за пояс юбки так, что виден был лишь самый кончик рукоятки, потом обернулась ко мне и долго-долго глядела мне прямо в глаза.

— Дэви... — начала она осторожно.

— Что? — тут же откликнулся я. — Что, Софи?

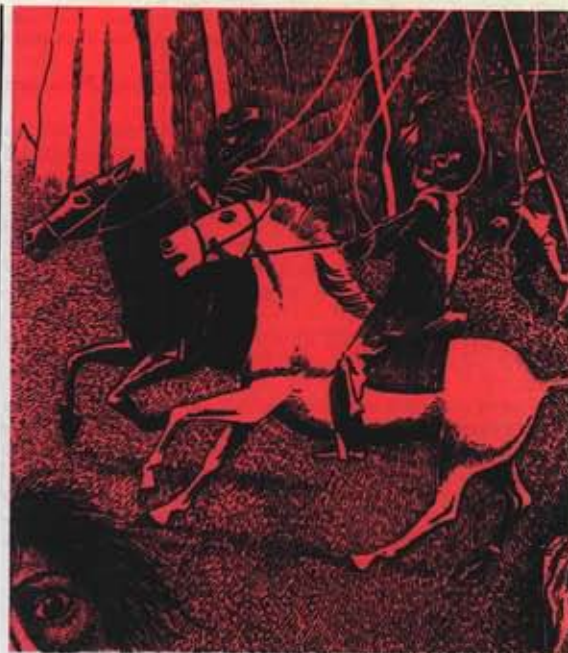
Но она, как видно, раздумала и не стала продолжать. Совсем другим, деловым тоном она сказала:

— Ты можешь дать знать своим, чтобы они не шумели? Что бы ни произошло, они должны молчать! Скажи им, чтобы, как только я позову, они сразу шли за мной... Можешь передать им все это?

— Конечно, — кивнул я, — но лучше было бы все-таки мне...

— Нет, Дэви! Это слишком рискованно. Ты ведь даже не знаешь, как туда пройти...

Она подошла к выходу, отодвинула шкуру. Секунду или даже меньше я отчетливо видел ее силуэт на фоне открывшегося просвета, и она исчезла... Я передал все, что она велела, Розалинде, и мы вдвоем постарались втолковать Петре, чтобы она вела себя тихо. Теперь мне оставалось только сидеть и ждать, слушая, как капля за каплей падает вода в деревянную бадью. Но я не мог долго сидеть на одном месте и подошел

к выходу из пещеры. Отодвинув шкуру, я осторожно высунул голову наружу. Было видно несколько огоньков возле лачуг, иногда огоньки на мгновение исчезали, и я догадался, что движущиеся фигурки людей заслоняют их от меня. Вдалеке раздавался неясный гул людских голосов и другие звуки — из леса: вот крикнула ночная птица где-то вдалеке, а еще дальше послышался глухой звериный рык...

Всех нас извело томительное ожидание. Вдруг я уловил от Петры слабый, из всех сил сдерживаемый возглас удивления. Мишель и Розалинда никак не прореагировали на это. Потом от Розалинды послышалось облегченное: «Все в порядке». Но прозвучало это не очень явно, словно она была в каком-то шоке. Я решил пока ни о чем не спрашивать, чтобы не мешать им, и лишь вслушивался в каждый шорох. Никакой суматохи вроде не было, все тот же отдаленный, мерный гул голосов. Казалось, прошла целая вечность, пока внизу прямо подо мной не послышался хруст гравия, не за скрипели ступеньки лестницы и я не уловил Розалинду, спрашивающую:

— Дэви? Ты тут?!

— Да... Поднимайтесь, — сказал я.

У входа возникла женская фигура. Я узнал Розалинду. Потом появилась детская, потом еще одна женская. Шкура задернулась. Через секунду загорелись обе свечи.

Розалинда и Петра молча, широко открытыми глазами смотрели, как Софи зачерпнула в чашку воды из бадьи и принялась отмывать испачканные кровью руки и чистить нож.

Глава шестнадцатая

1

Две девушки изучающе и настороженно разглядывали друг друга. Софи медленно скользила глазами по Розалинде: по ее рваной шерстяной кофте с нашитым на нее коричневым крестом, по ее кожаным туфлям. Потом она перевела взгляд на свои грубые, бесформенные башмаки, на свою короткую, замызганную юбку. Оглядывая себя, она обнаружила несколько кровавых пятен на кофте и, нисколько не смущаясь, тут же сняла ее и начала стирать в холодной воде. Розалинде она бросила:

— Отпори с платья крест. И у нее тоже, — кинула она косой взгляд на Петру. — Он выдает вас. Здесь, в Джунглях, женщины не носят крестов. Они не находят, чтобы это им особенно помогало в жизни. Да и мужчины их не слишком жалуют. На, возьми! — Она протянула Розалинде маленький ножичек с узким лезвием. Та нерешительно повертела его в руках, посмотрела на крест и снова перевела взгляд на ножик... Ни одно платье она еще не смела надеть, не нашив на него крест. Софи наблюдала за ней.

— Я тоже носила такой, — с горькой усмешкой сказала она. — Как видишь, мне он не помог.

Розалинда робко глянула на меня. Я кивнул.

— Здесь, как видно, не очень-то любят благодарить господа бога за свою судьбу, — сказал я, — и... возможно, они правы. Спорю его...

Розалинда неуверенно принялась отпаривать крест.

— Что теперь? — спросил я Софи. — Может, нам лучше бежать, пока не рассвело?

— Нет, — глухо сказала она, не поднимая головы, по-прежнему склоненной над чашей с водой. — Они могут обнаружить труп в любую секунду и решат, что это ваша работа. Тогда они будут искать вас в лесу. Никому ведь и в голову не придет, что вы здесь. А лес они обшарят как следует, будь уверен...

— Значит, нам пока лучше оставаться тут? — спросил я.

— Дня два или три, не меньше, — кивнула она. — По-

том, когда они успокоятся, я выведу вас отсюда. Розалинда оторвалась от своего креста и внимательно посмотрела на нее.

— Почему ты так о нас печешься? — спросила она подозрительно.

Я объяснил ей про Софи гораздо быстрее, чем это можно было сделать словами... Может быть, даже слишком поспешно... Она почувствовала, что это еще не все, и не отрывала глаз от Софи.

Та бросила недостираемую кофту в чан с водой, выпрямилась и медленно приблизилась к Розалинде. Она подошла к ней почти вплотную. Темные пряди волос разметались по ее обнаженной груди, глаза сузились...

— Будь ты проклята! — хрипло выговорила она с дикой яростью. — Слышишь! И оставь меня в покое, а не то!

Розалинда вся напряглась, но не испугалась и не отступила ни на шаг. Я придвинулся поближе, чтобы в любой момент оказаться между ними. Несколько секунд все стояло неподвижно: Софи, пылающая злобой, готовая, как дикий зверь, к прыжку, и Розалинда в коричневом платье с полуоторванным крестом, бронзовыми волосами, тускло сверкавшими в пламени свечей, с искаженными чертами лица и настороженными, недобрими глазами... Наконец напряжение спало. Злоба и ярость, светившиеся в глазах Софи, угасли...

2

Проснулся я, дрожа от холода, потому что лежал на голом полу, и тут же до меня донесся «голос» Мишеля.

— Ты что, весь день собираешься дрыхнуть? — раздраженно спросил он.

Я огляделся и увидел пробивающийся сквозь прикрывающую вход шкуру свет наступившего дня.

— Который час? — спросил я его.

— Около восьми. Уже часа три, как рассвело. — Он помолчал и добавил: — Сражение уже было.

— И что?! — нетерпеливо спросил я.

— Мы знали, что они наверняка устроят засаду, и выслали вперед разведчиков, а сами затаились и стали ждать. Те приняли разведчиков за основной отряд, кинулись на них скопом... Ну, тут подоспели наши... Они и глазом моргнуть не успели, как все было кончено. А у нас всего двое или трое раненых...

— Значит, вы уже близко?..

— Да. Те из них, кто уцелел, спасаются поодиночке. Теперь нас уже ничто не задержит...

Положение было незавидное. Мы не могли двинуться с места, пока не стемнеет, но если сюда ворвутся «наши», они непременно нас тут отыщут.

— А что там слышно у друзей Петры? Из этой... Селандии? — спросил, помолчав, Мишель. — Как ты думаешь, можем мы всерьез рассчитывать на их помощь?

— Вы, безусловно, можете на нас рассчитывать, — неожиданно ясно и твердо прозвучал ответ подруги Петры.

— Когда это произойдет? — спросил ее Мишель.

— Все будет, как я сказала, — уверила она его, — вам осталось ждать не больше восьми часов.

Вдруг я отчетливо уловил исходящие от нее волны какого-то... гадливого отвращения и... страха.

— Это... Это ужасная земля... — сказала она. — Мы видели много Плохих земель, но даже представить себе не могли, что есть еще и такое. На целые мили вокруг видно лишь какое-то... расплавленное черное стекло! Иногда мелькает обычная Плохая земля, но потом опять эта... это черное!.. Как можно было сделать такое?! Никто из нас никогда не бывал тут раньше... Никто не видел ничего похожего... Все здесь выжжено навсегда! Никогда уже здесь больше не будет ничего живого... Но зачем?! Зачем они это сделали?! Мы... мы знаем, что страшная сила попала в руки каких-то... сумасшедших. Горы превращены в пепел, а равнины — в это... застывшее... черное... И это спустя века! На это невозможно смотреть!.. Невозможно представить, чтобы все... все люди вдруг помешались: те, у кого сохранилась бы хоть капля разума, никогда бы такого не сделали!.. Если бы мы не слышали нас, мы давно повернули бы назад... На это нельзя, нельзя смотреть без содрогания!..

Ее резко прервала Петра всплеском отчаяния, взорвавшимся у нас в мозгах. Мы не знали, что она уже проснулась и все ли поняла из услышанного. Но она явно уловила их потаенное желание повернуть назад. Я вмешался и стал, как мог, утешать ее... Когда она чуть-чуть утихла, женщина из Селандии переключилась на нее и стала уверять, что они нас ни в коем случае не бросят. Потихоньку Петра успокоилась, и Мишель спросил:

— Дэвид... как там насчет Рэйчел?

— Петра, детка, — сказал я, — мы уже далеко от дома, и никто не может дотянуться до Рэйчел. Может, ты попробуешь?

Петра согласилась.

— Спроси ее, нет ли вестей от Марка? — попросил я.

Петра оглушительно задала этот вопрос и через некоторое время отрицательно качнула головой.

— Нет, — сказала она, — Рэйчел от него ничего не слышала. Она... Она, по-моему, очень несчастная... Она хочет знать, что с Мишелем.

— Скажи ей, что у нас у всех все в порядке. Скажи, что мы очень волнуемся за нее, но она должна быть очень осторожна, понимаешь? Скажи, чтобы она случайно не выдала своей тревоги!..

— Она поняла! И она будет стараться. — Петра на секунду задумалась, потом сказала мне словами:

— Знаешь, Рэйчел очень боится. Она плечет... и она... любит Мишеля!

— Она сама тебе это сказала? — спросил я.

Петра помотала головой.

— Нет. Это вроде... ну, это... у нее как бы за мыслями и картинками, понимаешь? Я видела...

Я не совсем понял, что она имеет в виду, и мне это не очень понравилось. «За мыслями...» Если не только Петра, а, скажем, Розалинда может сейчас видеть «за мыслями», то...

— Знаешь, давай-ка не будем об этом никому рассказывать, — подумав, сказал я, — ведь то, что за мыслями, нас с тобой не касается. Так что давай сделаем вид, что мы этого не знаем. Ладно?

— Ладно, — кивнула Петра.

3

Софи проснулась минут через пять. Она казалась вполне спокойной и даже оживленной, словно вчерашней истерике вовсе не было. Она велела нам забраться в глубь пещеры, откинула шкуру, чтобы стало светлее, и разожгла огонь. Дым повалил не в вытяжку, а к входу, и полностью закрыл нас от посторонних глаз снаружи. Софи насыпала что-то из двух или трех мешочков, на которые я раньше не обратил внимания, в чугунки, налила туда воды и поставила его на огонь.

— Пригляди за ним, — сказала она Розалинде и, подойдя к выходу, стала спускаться по лестнице вниз.

Минут через двадцать голова ее вновь показалась у входа, и она бросила внутрь, прямо на пол, несколько кусков черствого хлеба, а потом влезла сама. Вода в чугунке давно кипела, Софи кинулась к нему и сняла с огня.

— Ничего страшного? — спросил я, кивая на дымящийся чугунок.

— Это пустяки, — ответила она, — а вот там... — Она кивнула на выход. — Они нашли убитого... Думают, что это твоя работа. Они уже искали вас рано утром, но... сейчас им не до тебя. У них дела поважнее... Те, кто участвовал в сражении с вашими, возвратились поодиночке. И далеко не все... Ты знаешь, что там у них произошло?

Я рассказал ей все, что сообщил мне Мишель.

— И теперь где... ваши? Далеко?

Я связался с Мишелем, и он сказал:

— Мы только что вышли из леса на равнину. Я передал это Софи. Она кивнула.

— Это часа в трех ходу от реки, — сказала она и принялась «накрывать на стол»: вывалила содержимое чугунка в четыре чашки, стараясь, чтобы вышло примерно поровну. На вкус каша была лучше, чем на вид, но хлеб был такой черствый, что его долго пришлось размачивать в воде. Петра стала капризничать и ворчать, что дома ее кормили совсем не так. Мысль о доме ей кое о чем напомнила, и она без всякого предупреждения вдруг спросила:

— Мишель, а мой отец тоже с вами?

Он так растерялся, что не сумел удержаться. Его «да» прозвучало очень слабо и неотчетливо, и я бросил быстрый взгляд на Петру, надеясь, что она пропустила его «мимо ушей». К счастью, так оно и было. Розалинда, уловившая Мишеля не хуже меня, сидела, не поднимая глаз от своей чашки...

Странное дело — подозрения, даже самые худшие, все-таки ничто в сравнении со знанием наверняка. Я как будто услышал голос отца, неумолимый и безжалостный. «Ребенок, — вещал торжественно этот голос, — который будет расти и заражать все вокруг, пока все не превратится в отвратительных мутантов. Так уже случилось там, где воля и вера людей были недостаточны тверды. Но здесь этому не бывать! Никогда!..»

Я вспомнил бедную тетю Харриет! Не похоже, чтобы кто-то услышал ее молитвы, и надеждам ее, видимо, не суждено было сбыться здесь никогда... Мир, в котором живут люди, охотящиеся на собственных детей! Что ж это за люди?! И что это за люди такие?!

Розалинда тихонько дотронулась до моей руки. Софи вздрогнула, как ужаленная, но при взгляде на меня выражение ее лица смягчилось.

— Что случилось? — спросила она.

Розалинда сказала ей. Глаза Софи расширились от ужаса, она отвела взгляд от меня, посмотрела на Петру, потом опять осторожно посмотрела на меня. Приоткрыла было рот, желая что-то сказать, но, как видно, раздумала... Я тоже взглянул на Петру, а потом на Софи: на равнину, прикрывавшую ее тело, на пещеру, где она жила...

— Чистота расы... — сквозь зубы пробормотал я, — чти отца своего... Что же мне теперь — простить его?! Или постараться убить?

Ответ поразил меня. Я никак не думал, что передал свою мысль, да еще на такое далекое расстояние.

— Оставь все как есть, — очень четко и спокойно дошло до меня от женщины из Селандии. — Ты должен выжить. А такие люди, как твой отец, все равно обречены на гибель. Они сыграли свою роль до конца. Им дальше просто некуда идти. Жизнь — это вечная смена. Этим она отличается от всего неживого. Постоянная перемена — основа жизни. С этим столкнулись Древние, когда пожелали навечно остаться такими, какими они были. Эволюция всегда несет в себе опасность для живых существ: если они не умеют приспосабливаться к ней, они погибают. Именно поэтому Древние и понесли, как вы это называете, Кару — уничтожили сами себя, разбили свою цивилизацию вдребезги. Твой отец и ему подобные, сами того не зная, стали историей. Они убеждены, что представляют конечный и неизменный образ человека... Что ж, скоро они добьются той стабильности, о которой мечтают. Добьются единственно возможным способом: став ископаемыми...

Постепенно холодно-бесстрастный тон, которым она «говорила», начал приобретать более мягкую окраску. Мне послышались в ее «голосе» доброта и участие. Но это все-таки звучало, как лекция для «начинающих»...

— Постарайтесь понять, — продолжала она, — ребенок привыкает к груди матери, но рано или поздно его нужно отлучить от груди... Та злобная нетерпимость, с которой вас преследуют, может быть и защитной реакцией от собственного страха и неуверенности, и маской, скрывающей садистов и убийц. Но и в том, и в другом варианте за этим стоит враг самой жизни. Тут уж ничего не поделаешь: ваши пути разошлись. Нам с вами предстоит создать новый мир и жить в нем, а им — уйти в прошлое.

Переварить все это было не так-то просто. Я взглянул на Розалинду: она тоже выглядела озадаченной. Ну, а Петра — та открыто скучала.

Софи с любопытством смотрела на всех нас.

— Нелегко с вами, — заметила она, — хотелось бы знать, о чем это вы?

— Видишь ли... — начал я и запнулся, не зная, как передать ей все это.

— Она сказала, — неожиданно заговорила Петра, — что мы не должны заботиться о моем отце, потому что он все равно нас не поймет.

Я мелко подумал, что это неплохое и, в общем, довольно точное истолкование длинной лекции, которую прочла нам селандка.

— Она? — недоуменно нахмурилась Софи. — Кто это «она»?

Я сообразил, что она понятия не имеет ни о какой селандке, и с деланной непринужденностью ответил:

— А-а, это подруга нашей Петры...

Мы все сидели на полу, Софи ближе всех к выходу, а мы трое в глубине пещеры, чтобы никто случайно не углядел нас снаружи. Вдруг снизу послышался разноголосый гомон. Софи глянула вниз.

— Много мужчин вернулось, — сказала она, — похоже, это все, что осталось жив. Некоторые собрались возле дома Гордона, другие уходят куда-то. Гордон, наверное, тоже вернулся.

Она продолжала сообщать нам о том, что происходит внизу, одновременно доедая свою порцию каши. Доев, она поставила чашку на пол и сказала:

— Пойду разузнаю, что там происходит.

С этими словами она выбралась из пещеры и стала спускаться вниз по лестнице.

Ее не было около часа. Раза два-три я не мог утерпеть и осторожно выглядывал наружу.

— Ну, что там? — спросил я Софи, когда она вернулась.

Она медлила с ответом и избегала моего взгляда.

— Чего ты боишься? — спросил я. — Ведь мы же хотим вашей победы, неужели ты не понимаешь? Мы только хотим спасти Мишеля!

— Наши собираются устроить им засаду на этом берегу, — наконец решилась она.

— Значит, они дадут тем переправиться через реку? — спросил я осторожно.

— Да. На том берегу негде разбить лагерь.

Я передал это Мишелю. На мой взгляд, ему лучше было оставаться на том берегу и не лезть в реку с остальными. Если же у него это не получится, пусть незаметно отойдет от них во время переправы и поплывет вниз по течению. Он ответил, что уже думал об этом, и, если ничего лучшего ему в голову не придет, он так и сделает.

Чей-то голос внизу позвал Софи.

— Отойдите подальше, — сказала она, — это он.

Она торопливо спустилась вниз. Целый час мы сидели молча, пока с нами не связалась селандка.

— Пожалуйста, ответьте мне! — сказала она. — Нам нужен точный ориентир. Мы будем идти на ваши «голоса». Вы можете просто считать: один, два, три... и так далее. Только как можно отчетливее...

За дело энергично взялась Петра. Пожалуй, даже с таким энтузиазмом.

— Хватит, — прервала ее селандка. — Теперь подождите секунду... «Голос» ее пропал, но вскоре опять появился: — Мы сейчас ближе от вас, чем думали. Через час с небольшим скажем точно...

Прошло еще полчаса тоскливого ожидания. Несколько раз я снова выглядывал наружу: никого вокруг не

было, весь поселок словно вымер. Лишь несколько старух околачивались возле своих лачуг.

— Мы вышли к реке,— раздался «голос» Мишеля. Через четверть часа он опять связался с нами.

— Они все прошляпили, эти кретины! — сказал он. — Наши засеки, как они вылезали из ущелья и карабкались по утесам... Хотя... какая разница! Это ущелье на вашем берегу — все равно ловушка. У нас тут совещаются — не знают, что делать...

Совещание у них было коротким. Не прошло и десяти минут, как он сказал:

— План такой: мы чуть-чуть отступим и все соберемся напротив ущелья, потом оставим там небольшой отряд, человек десять, чтобы они торчали на виду, жгли костры, короче говоря, чтобы этим казалось, что тут весь наш отряд. Остальные переправятся через реку в двух местах: чуть ниже и чуть выше входа в ущелье. Если сможешь, дай знать этим!

Поселок был не так уж далеко от реки. Если нашим удастся окружить тех, кто в засаде, мы пропали. В поселке почти (или совсем) не осталось мужчин, одни только женщины и старухи. Мы вполне могли, как мне казалось, незаметно пробраться к лесу и «скрыться» в нем. Но там, в лесу, мы могли наткнуться и на «своих». Я вновь выглянул наружу — женщины таскали стрелы и втыкали в землю, чтобы они были у них под руками. Думать о победе стало уже поздно...

«Дай им знать...» Легко сказать! Я бы, конечно, дал им знать, но как?! Даже если я рискну и оставлю Розалинду с Петрой одних в пещере, кому я смогу передать то, что сказал мне Мишель? Паук велел пристрелить меня, если я окажусь «непонятливым»... Кроме того, даже на расстоянии было видно, что я не из Джунглей, а в подобных обстоятельствах этого было более чем достаточно, чтобы без всяких разговоров пустить мне стрелу в горло.

«Скорее бы вернулась Софи! — уныло повторял я про себя. — Скорее бы только она вернулась!»

Прошел час, и я снова услышал Мишеля.

— Мы переправились через реку чуть ниже входа в ущелье,— сказал он. — Беспрепятственно движемся вперед.

Несколько минут мы молчали. Было очень тихо... Вдруг в лесу неподалеку от нас раздался выстрел. Тишина... И еще два выстрела...

И тут из-за деревьев высочила целая толпа мужчин и женщин, сидевших в засаде. Почти все на вид ничем не отличались от нас, только у двоих или троих видны были явные отклонения. Ружей у них было всего пять-шесть на всех, у остальных — луки и короткие кинжалы. Паук был с ними. Он выделялся в толпе своим непомерным ростом. Рядом с ним я увидел Софи с луком в руках...

Никакого плана у них явно не было, и я подумал, что разбить их ничего не стоит.

— Что случилось? — спросил я Мишеля. — Это ваши стреляли?

— Нет,— ответил он,— это второй отряд. Они хотели отвлечь тех, кто в засаде, чтобы мы могли пройти в ущелье и взять их в клещи.

— Кажется, это у них получилось,— сказал я.

Из леса послышались выстрелы и отчаянные крики. Несколько стрел вылетело на равнину, а след за ними из-за деревьев показались в панике бегущие люди Джунглей. Вдруг я услышал ясный и четкий «голос» селандки.

— Вы целы? — спросила она.

Мы лежали на полу перед самым входом в пещеру и следили за тем, что происходит внизу: вряд ли в такой суматохе нас мог кто-нибудь увидеть. Все, что там происходило, было ясно и очевидно. Даже Петра понимала, что нам грозит, и отреагировала на вопрос своей подруги громким и возбужденным всплеском радости.

— Тише, малышка, тише,— сказала та,— мы уже совсем рядом.

Еще несколько стрел просвистело слева на равнине, и стали видны новые фигурки людей, в панике бегущих из леса. Но преследователей с луками в руках было гораздо больше. Люди Джунглей метались по поляне, ища укрытия, откуда можно было бы отстреливаться. Тут вдруг туча стрел обрушилась на них с другой стороны. Они поняли, что окружены, и в панике стали разбегаться кто куда. Некоторые побежали к пещерам, прямо на нас, и я подполз к самому входу, чтобы вовремя убрать лестницу, если понадобится. Из леса справа появилось несколько всадников. Паук стоял возле своего шалаша с луком в руках, напряженно глядя в эти верховья. Рядом с ним была Софи — она тянула его за куртку, видимо, уговаривая бежать к пещерам. Не отрывая глаз от всадников, он оттолкнул ее своей длинной ручищей. Правой рукой он натянул тетиву, глазами выскивал жертву — явно какую-то определенную жертву...

Неожиданно он весь напрягся, натянул тетиву до предела так, что лук, казалось, вот-вот треснет, и выстрелил. Стрела угодила в моего отца. Он дернулся, ткнулся головой в шею коня (это была Шеба) и медленно сполз на землю. Правая его нога застряла в стремени, руки волочились по земле...

Паук отшвырнул лук в сторону и повернулся к всадникам спиной. Своими ручищами он обхватил Софи и кинулся бежать. Но не успел он сделать и несколь-

ких громадных скачков, как три стрелы воткнулись ему в спину, и он упал замертво. Софи быстро высвободилась из его мертвых объятий, вскочила на ноги и пустилась бежать сама. Стрела тут же воткнулась ей в правую руку, но она продолжала бежать, пока другая не угодила ей в шею. Она упала ничком, тело ее несколько раз конвульсивно дернулось и затихло...

Петра ничего этого, к счастью, не видела. Она растерянно озиралась вокруг.

— Что это?! — вдруг выкрикнула она. — Какой-то странный гул?!

— Не бойтесь! — послышался голос селандки. — Это мы. Оставайтесь на месте!

Теперь и я услышал странный звук, который быстро нарастал. Я не понимал, откуда он исходит, — казалось, он заполнял все пространство вокруг нас.

Еще множество людей высыпало на равнину из леса, большинство было верхом на лошадях. Многих я узнал: люди, жившие с нами бок о бок многие годы, люди, которых я знал всю свою жизнь, теперь охотились за нами. Дикари попрятались в пещеры и стреляли оттуда, как будто не без успеха.

Неожиданно один из всадников дико вскрикнул и замер, тыча пальцем вверх, в небо.

Небо застилало какой-то странный туман, переливающийся всеми цветами радуги. А сверху, над ним, я различал странную, похожую на громадную рыбину машину из своих давних детских снов. Она не двигалась, а висела в воздухе. Туман не давал рассмотреть ее как следует, я только видел сверкающий белый корпус и что-то расплывчатое, какой-то размытый контур над ним. Машина, повисев немного, стала приближаться к поляне — размер ее увеличился, и странный шум, по-видимому, исходящий от нее, становился все сильнее и сильнее.

Я глянул вниз и увидел множество сверкающих нитей, тянувшихся сверху мимо входа в нашу пещеру. С каждой секундой их становилось все больше в воздухе, и они словно плясали, ярко вспыхивая на солнце. Внизу все перестало стрелять, задрали головы и уставились в небо. Сначала слышался неразборчивый гул тревожных голосов, потом те, что были слева, пустились наутек с дикими криками ужаса. Лошади стали ржать и бесноваться. В несколько секунд все смешалось на равнине: мечущиеся люди натыкались друг на друга, спотыкались, падали, лошади топтали копытами сброшенных наземь седоков и остатки разрушенных лачуг...

Я поискал глазами Мишеля. Его нигде не было видно.

— Давай сюда! — сказал я ему. — Мы тут!

— Иду! — коротко ответил он.

Тут наконец я увидел его — он поднимался на ноги рядом с лежащей на боку и бьющейся в смертельных судорогах лошадей. Он тоже увидел нас и помахал нам рукой. Потом он перевел глаза наверх, туда, где в небе висела машина, — она медленно спускалась и была уже метрах в тридцати от земли. Странный туман под ней кружил вихрем...

— Иду,— повторил Мишель.

Он торопливо пошел к нам, но вдруг резко остановился и дотронулся ладонью до своего плеча. Его ладонь так и осталась на плече, как будто приросла к нему.

— Странно,— передал он нам. — Странное что-то... как будто паутина, только твердая... — Его мысли вдруг стали сбивчивыми, смешались, их заглушил страх. — Она как приклеенная!.. Не могу пошевелить рукой! Она застыла!..

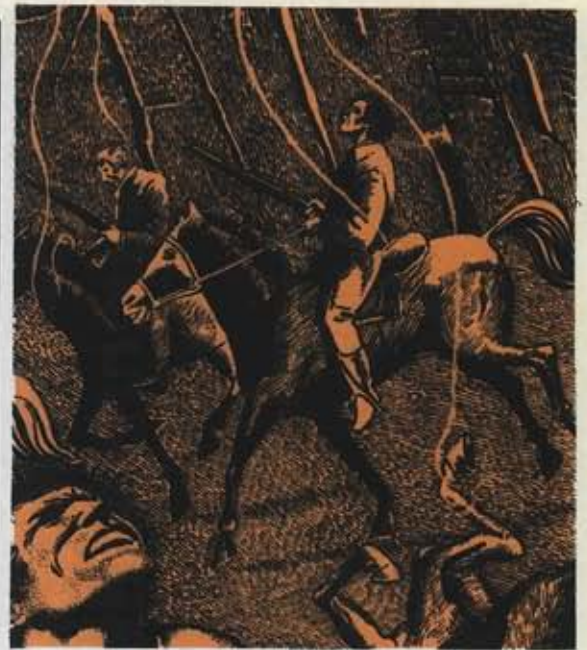
— Не сопротивляйся! — спокойно вмешалась селандка. — Ты только выбежешь из сил. Ляг, если можешь, и постарайся успокоиться. Не двигайся, жди!

Я увидел, что Мишель послушно выполнил ее указание. Но мысли его были полны тревоги. Я видел, как все, кто был на поляне, начали оцепеневать руками, и там, где они касались рукой собственного тела, рука словно примерзала. Они барахтались, как мухи в патоке, и чем больше барахтались, тем больше нитей, тянувшихся сверху, опутывало их. Безуспешно они пытались освободиться, а потом кинулись к лесу. Но не успели они сделать и нескольких шагов, как ноги у них застывали (это было видно), и они падали на землю как подкошенные. Нити, уже достигшие земли, хватали их и сковывали напрочь. Чем больше они дергались, тем больше нитей спускалось на них, пока они не затихали. То же было и с лошадьми. Я видел, как одна задела спиной низкий куст. Когда она рванулась вперед, то выдрала куст из земли с корнями. Испуганно шаркнувшись в сторону, она задела задней ногой за волоочащийся куст, и нога намертво прилипла к веткам. Лошадь упала, немного дергалась и затихла...

Одна из нитей опустилась мне на руку — на тыльную сторону ладони. Я велел Петре и Розалинде отойти подальше в глубь пещеры, а сам смотрел на нить, «схватившую» мою ладонь, не решаясь дотронуться до нее другой рукой. Я осторожно повернул ладонь и постарался соскребсти нить о скалу у самого входа в пещеру. Мое движение тут же привлекло другие нити. Подрагивая, они стали приближаться ко мне, а рука намертво «примерзла» к скале.

— Смотрите! Вот они! — мысленно и словами крикнула Петра.

Я глянул наружу и увидел белую, сверкающую «рыбу», опустившуюся на самую середину поляны. Ее спуск вызвал целый вихрь нитей — тучей они подня-

лись вокруг, некоторые застыли, словно в нерешительности, у входа в пещеру, а потом, подрагивая, вплыли внутрь. Инстинктивно я закрыл глаза. Паутинка нежно коснулась моего лица. Я попытался открыть глаза, но мне это не удалось...

Глава семнадцатая

1

Не так-то легко было лежать без движения, чувствуя, как все больше и больше нити опутывают тебя с ног до головы. А потом стало еще труднее: таинственные нити стянули лицо и тело, словно тугими веревками.

Я услышал «голос» Мишеля, который тревожно спрашивал, не ловушка ли это, не лучше ли было сразу постараться избавиться от этих чертовых нитей. Прежде чем я успел ему ответить, вмешалась селандка, велевшая нам лежать, не двигаясь, и ни о чем не беспокоиться. Ей-то, конечно, легко было командовать...

— Вас тоже спутало? — спросил я у Розалинды.

— Да,— сказала она,— от машины поднялся ветер и занес эту паутину в пещеру... Петра, детка, ты ведь слышала, что она сказала? Лежи и не дергайся.

Как только машина спустилась на поляну, гул затих. Вдалеке послышались два-три обрывающихся крика, а затем наступила полная тишина. Я понял, почему стало так тихо: нити залепили мне рот, и я не смог бы издать ни звука, даже если бы захотел.

Ожидание становилось невыносимым. Кожа давно уже ныла от прикосновения нитей, а теперь «схваченные» места начинали здорово болеть.

— Мишель! — позвала селандка. — Отвечай мне... Говори что угодно, и я найду тебя по «голосу».

Мишель начал медленно и отчетливо считать. До считав до двенадцати, он облегченно и благодарно вздохнул. В окружающей нас тишине я услышал, как он сказал словами:

— Они там... вон в той пещере.

Послышался скрип лестницы, шаги и странный шипящий звук. Я ощутил что-то влажное на лице и на теле, и кожу под нитями перестало саднить. Я попытался открыть глаза, и мне это удалось, хотя и с трудом, потому что веки были все еще как замороженные.

Прямо передо мной очутилась стройная фигура, окутанная плотной белой тканью. В воздухе плавали нити, но, касаясь головы и плеч фигуры, они не прилипали к ней, а, наоборот, отталкивались и отлетали в стороны. Я не мог различить ее лица, видел только глаза, глядевшие на меня из-за стеклянных окошечек. Рука ее была затянута в белую перчатку и держала металлическую бутылку, из которой струей была приятно пахнущая жидкость.

— Повернись! — услышал я селандку.

Я повернулся, и она опрыскала мою одежду. Потом она обрызгала пол вокруг меня, перешагнула через меня и пошла в глубь пещеры к Петре и Розалинде, не переставая опрыскивать пол и стены жидкостью из бутылки. Вход тем временем загордели голова и плечи Мишеля. Он, как и я, был весь обрызган жидкостью, и несколько нитей, опустившись на него, тут же отлетели. Я осторожно сел на полу и выглянул наружу.

Белая машина стояла посреди поляны. Устройство на ее верхушке перестало вращаться, и я теперь мог различить, что оно напоминало спираль, состоящую из нескольких частей и сделанную из какого-то странного, почти прозрачного металла. По бокам у «рыбы» видны были окошки, дверца была раскрыта.

Поляна внизу выглядела так, будто какие-то гигантские пауки оплели ее своей паутиной: все вокруг было затянато нитями, теперь побелевшими и намертво застывшими. Было странно, что эта тончайшая на вид паутина совершенно не колеблется от сильного ветра, раскачивающего даже верхушки гигантских деревьев...

Среди лачуг виднелись силуэты людей и лошадей, оплетенные нитями. Они тоже не шевелились.

Неожиданно раздался громкий треск. Я оглянулся и увидел, как молодое дерево, опутанное нитями, надломилось у самого основания и рухнуло. Краем глаза я одновременно с этим заметил, как несколько кустов распластались по земле с негромким треском, причем корни, как живые, сами вылезли из почвы. Еще один куст шевельнулся прямо передо мной... Одна из лачуг как-то вся сжалась и рухнула... Другая... Я наблюдал это, как во сне, испытывая одновременно и ужас, и любопытство...

Послышался облеженный вздох Розалинды в глубине пещеры. Я поднялся на ноги и пошел к ней, Мишель двинулся следом.

— Это было отвратительно! — мысленно обьявила Петра.

И только тут она увидела фигуру в белом. Женщина еще два-три раза взмахнула своей железной флягой, потом сняла перчатки и откинула с лица капюшон. Она пристально смотрела на нас, мы тоже не отрывали от нее глаз...

Глаза у нее были огромные — карие, с зеленоватыми крапинками, с густыми и длинными золотистыми ресницами. Нос прямой, с тонко вырезанными ноздрями. Рот, пожалуй, чуть-чуть великоват, подбородок округлый, нежный, но отнюдь не безвольный, волосы чуть темнее, чем у Розалинды, и — самое поразительное — коротко остриженные: они даже не достигали плеч...

Но больше всего поражала совершенно непередаваемая чистота ее лица, от которого мы не могли отвести глаз.

Это была не бледность, а необъяснимая гладкость и чистота кожи. Она была без единой складки или морщинки, словно ее никогда не касались ни дождь, ни ветер, ни пыль... Трудно было поверить глазам: такая кожа просто не могла быть у живой женщины... А ведь она была уже не девочка, ей было никак не меньше тридцати — это чувствовалось... Во всем ее облике сквозила такая уверенность в себе, такое чувство собственного достоинства, рядом с которыми «маска» Розалинды выглядела нелепой и жалкой бравадой...

Внимательно оглядев всех нас, она перевела взгляд на Петру, улыбнулась ей ослепительной улыбкой, приоткрывшей на мгновение белоснежные зубы... Мы уловили ее мысли, вернее, целый набор чувств, мгновенно сменяющих друг друга: радость, облегчение, сомнение и, к нашему удивлению, налет какого-то беспокойства, отдаленно напоминающего страх. Вся эта смесь почти не затронула Петру, но кое-что она, видимо, все-таки уловила, во всяком случае, личико у нее стало очень серьезным, глаза широко распахнулись, и она молча смотрела на женщину, словно почувствовала, что переживает сейчас одно из важнейших событий в своей жизни.

Через несколько секунд выражение лица Петры стало мягче: что-то «отпустило» ее. Она улыбнулась, радостно тряхнула головой и засмеялась. Что-то явно произошло между ней и этой женщиной, чем-то они обменялись друг с другом, но мы при этом ничего не услышали. Я оглянулся на Розалинду, она отрицательно качнула головой и продолжала, не отрываясь, смотреть на селандку.

Та наклонилась и подхватила Петру на руки. Петра подняла ручонку и осторожно дотронулась до лица женщины, словно хотела убедиться, что оно настоящее. Селандка рассмеялась, расцеловала ее и поставила на пол. Потом она тряхнула головой, как будто тоже не до конца поверила в то, что увидела.

— Да, дело того стоило! — сказала она словами, но произнесла их так странно, что я с трудом понял ее. — Такого я даже не ожидала!

Она перешла на мысли, и теперь понимать ее стало гораздо легче.

— Было не так-то просто получить разрешение... ну, чтобы прилететь сюда, — пояснила она. — Огромное расстояние — гораздо большее, чем кто-либо из нас когда-нибудь преодолевал. Послать корабль — это ведь страшно дорого. Почти никто не верил, что дело того стоит... Но теперь! — Она бросила восхищенный взгляд на Петру. — Подумать только, что в таком возрасте и без всякой тренировки она может передать мысль на противоположную точку планеты!... Она еще раз тряхнула головой, словно все еще не веря окончательно, что это все ей не снится. Потом она повернулась ко мне. — Ей предстоит многому научиться, но мы дадим ей самых лучших учителей, и, можете мне поверить, настанет день, когда они будут учиться у нее!

Она присела на ложе Софи. На фоне откинутого белого капюшона ее тонко очерченный профиль был как в ниббе. Она внимательно стала изучать каждого из нас в отдельности (я почувствовал, как что-то проникает в меня, в самую глубину моего сознания) и, казалось, осталась довольна результатами своего исследования.

— Вы многому сумели научиться сами, — сказала она, — потому что все время помогали друг другу. Но скоро вы поймете, что еще многому можете научиться у нас. — Она взяла Петру на руки. — Ну что ж, вещей у вас, как я понимаю, немного, и ничто нас больше не задерживает. Так что можем отправляться.

— В Вакнук? — спросил Мишель. Собственно, это

был не вопрос, а скорее утверждение. — Там ведь Рэйчел! — пояснил он, уловив удивление селандки.

Та с сомнением покачала головой.

— Я не уверена... — начала она, — впрочем, подождите...

Она неожиданно заговорила с кем-то из тех, кто оставался в машине, но так быстро и на таком уровне, что я почти ничего не разобрал. Наконец, она с сожалением покачала головой.

— Мне очень жаль, — медленно проговорила она, — но я так и предполагала: мы не сможем ее взять.

— Это займет совсем немного времени! — с еле сдерживаемым отчаянием проговорил Мишель. — Это ведь недалеко!.. Для вашей машины!

Она опять покачала головой.

— Мне очень жаль, — повторила она, — и мы, конечно же, сделали бы это, если бы могли. Тут дело не в нашем желании, а в технике... Поймите, мы и так пролетели гораздо большее расстояние, чем рассчитывали. Нам встречались такие земли, что даже на большой высоте мы не рискнули лететь над ними: нам приходилось гибнуть их. Да еще грозящая вам опасность заставила нас ускорить полет... — Она запнулась, кажется, раздумывая над тем, сможем ли мы, примитивные в общем-то существа, понять то, что она нам говорит. — Машина, — пояснила она, — расходует при полете топливо. Чем больший груз она поднимает и чем быстрее летит, тем больше топлива она расходует. Сейчас у нас осталось топлива ровно столько, чтобы мы могли долететь до дому... И то, если лететь не слишком быстро и не слишком перегружая машину. Если же мы полетим в... Вак-нук и приземлимся там, да еще возьмем лишнего пассажира, топливо кончится прежде, чем мы прилетим домой. Это значит, что мы уладим в море и утонем. Вас троих прямо отсюда мы можем довести, а четверых, да еще плюс лишняя посадка — это нам уже не по силам.

Мы молча выслушали ее. Она обрисовала положение ясно и четко и теперь опять уселась на ложе из веток, обняв колени руками — неподвижной, словно высеченной из мрамора статуей в своем сверкающем белом костюме. В наступившей тишине мы вдруг заметили, что все вокруг неестественно замерло. Даже листья на деревьях застыли неподвижно. Шок от внезапной догадки вызвал у Розалинды неожиданный всплеск ужаса:

— Они не... не мертвые?! Я не думала... Я не понимаю!..

— Да, — спокойно и просто ответила селандка, — все они мертвы. Пластиковые нити стягиваются, когда высыхают. Те, кто начинает сопротивляться и бороться с ними, скоро выбиваются из сил, теряют сознание... а потом умирают... Но они не испытывают при этом таких страданий, как от ваших кинжалов и стрел.

Розалинду пробрала дрожь. Да и меня тоже. Во всем, что я услышал, было какое-то холодное спокойствие... Смерть, царившая вокруг, была особенно жуткой. Смерть, не как неизбежный исход сражения или случайность в драке, а... что-то совсем другое. Но больше всего поражало спокойствие селандки. Она не испытывала ни сожаления, ни участия, ее это вообще не трогало: разве только легкое отвращение к не очень-то приятному, но, увы, необходимому действию. Ну, как если бы она морила тараканов... Она моментально уловила наше удивление и с досадой тряхнула головой.

— Убивать всегда неприятно, — сказала она, — неприятно лишать жизни любое живое существо. Но нелепо притворяться, что можно без этого обойтись. Вы ведь едите мясо. Там, где растут овощи, не должны расти цветы — их придется выпалывать. Целые поколения микробов должны погибать, чтобы мы с вами могли жить. Так устроен мир, с этим ничего не поделаешь. Так же, как мы боремся с микробами, которые мешают нам жить, наш род должен бороться за свое существование с тем родом, который хочет нас уничтожить. А иначе мы бы погибли. Дикари из Джунглей были обречены — для них уже не было будущего. Но и те, кто их обрел на это, тоже были обречены — это лишь вопрос времени. Раньше, давно они были хозяевами жизни... Древние... Вы о них слышали. А вы слышали когда-нибудь об огромных ящерах? Пришло время, и они были вынуждены уступить место другим видам. Когда-нибудь и нам придется уступить место чему-то новому. И наверняка мы будем бороться с этим новым, так же как сейчас с нами борются эти останки Древнего мира. Но этим сопротивлением мы только заставим их сильнее проявить себя, и, когда им это удастся, мы исчезнем точно так же, как сейчас исчезают те, кто лежит на поляне, внизу. Они привержены своему виду и не могут вынести нашего существования. Мы привержены нашему и не можем позволить уничтожить себя. Вы еще краем сознания воспринимаете их как своих, как таких же, как и вы, поэтому вам сейчас больно. И поэтому же у них есть огромное преимущество перед вами: им не больно. Они уже почувствовали всю силу опасности, таящейся в вас, почувствовали смертельную угрозу своему виду, своей природе. И они хорошо понимают: чтобы выжить, нужно огрести себя не только от тех, кто «хуже», но и от тех, кто «лучше» их. Я уже говорила вам: главное свойство жизни — смена. Смена и есть эволюция, и мы лишь ступень этой эволюции. Стабильность, по их определению — НОРМА, — враг эволюции, а значит, враг и самой жизни,

значит, и наш враг тоже. Если вам все еще больно, если вы в глубине души еще считаете их своими, вспомните, что они сделали бы с вами, попадись вы им в руки...

Меня, как и прежде, раздражал ее снисходительный, лекторский тон, но то, что она говорила, дошло до меня... У меня еще не было такого чувства превосходства... Я еще не ощущал себя представителем другого вида (не уверен, что даже сейчас я так себя ощущаю), для меня мы все по-прежнему были всего лишь отклонением от НОРМЫ, несчастной ошибкой природы, но...

Я взглянул на Петру. Ей, как видно, порядком наскучил этот монолог, и она давно уже не слушала селандку, а только внимательно и недоверчиво разглядывала ее... Всплывшие в моей памяти картины заслонили то, что было сейчас у меня перед глазами...

...Лицо тети Харriet под водой с шевелящимися от течения волосами, неясный силуэт Анны — тело, безжизненно свисающее с переладины, Салли в шоке от того, что на ее глазах сделали с Катрин, Софи, превратившаяся в дикарку и валяющаяся в пыли со стрелой в горле...

Такой же могла быть и судьба Петры...

Я присел рядом с ней, обнял ее и прижал к себе.

2

Все время, пока селандка читала нам «лекцию», Мишель напряженно, с какой-то дикой тоской вглядывался в машину, стоящую посреди поляны. Минуты две он не отрывал от нее глаз, потом вздохнул и отвернулся.

— Петра, — сказал он, — ты можешь еще раз дотянуться отсюда до Рэйчел? Это мне... очень нужно!

Петра выдала свой обычный оглушающий всплеск и вскоре кивнула.

— Да, она тут. Она хочет знать, что здесь происходит.

— Прежде всего скажи ей, что мы все живы и с нами все в порядке.

— Она поняла, — сказала Петра.

— Теперь скажи... вот что... Ей нужно потерпеть... дня два-три, пока я не доберусь до дому и... не увезу ее. Можешь передать ей это?

Петра мысленно повторила все, что сказал Мишель (в головах у нас при этом словно били молоты), и принялась ждать ответа.

— Да ну ее, — вдруг сказала она, нахмурившись. — Она опять плачет!.. Здорово же любит поплакать эта ваша Рэйчел!.. И совсем непонятно, почему... Ведь там, ну, сзади... за мыслями она совсем не кажется несчастной. Наоборот, она очень рада... И все равно плачет. Глупо, правда?

Мы все смотрели на Мишеля, не решаясь заговорить.

— Что ж, — сказал он наконец, — Вы двое объявлены вне закона, никто из вас не может пойти за ней.

— Но Мишель... — начала было Розалинда. Но он перебил ее.

— Она там одна, — сказал он. — Тут не о чем и говорить. Разве ты оставила бы там Дэвида? Или Дэвид тебя?

На это ему никто ничего не ответил. Да и что можно было на это ответить?

— Ты... сказал, что заберешь ее? — спросила Розалинда.

— Другого выхода нет, — задумчиво произнес он, — остаться там? Чтобы рано или поздно нас... или наших детей... обнаружили и... Нет! — решительно отшел от этого. — Сбежать в Джунгли? — Он с отвращением огляделся вокруг. — Это тоже не выход. Значит, остается одно: Рэйчел должна быть с нами, со всеми... И если машина не может забрать ее, кто-то должен сделать это.

Селандка вся подалась вперед и напряженно смотрела на Мишеля... В глазах ее вспыхнуло восхищение. Но она тут же как-то угасла и медленно, с сожалением покачала головой.

— Это очень... очень далеко. Вам придется идти по страшной земле... Нет, это нереально, — сказала она.

— Я знаю, что далеко, — ответил Мишель. — Я... все знаю. Но в конце концов земля круглая и наверняка есть другой путь.

— Даже если и есть, он тоже будет нелегко... и опасен, — предупредила селандка.

— Не опаснее, чем оставаться в Вакнуке, — пожал плечами Мишель. — Да и как мы можем остаться, зная, что нам есть куда идти?! Если бы то, что с нами произошло, было случайностью... Если бы мы были простым отклонением от НОРМЫ... Но теперь! Одно дело — просто стремиться спасти свою шкуру, и совсем другое — жить для чего-то, во имя чего-то!

Минуты две селандка молчала, потом подняла на него свои огромные прекрасные глаза.

— Ну что ж, — сказала она. — Когда вы дойдете до нас... Можете быть уверены: для вас там найдется место. И принадлежать оно вам будет по праву.

Читайте в ближайших номерах:

Слово делегатам XX съезда ВЛКСМ.

План — есть.
Жилья — нет.
Наш корреспондент снова в Иванове.

«Отпуск надо заслужить». Продолжение рассказа о девяти десанниках.

Педагогика и антипедагогика. Столкновение в детском доме.

«Отечество». Очерк о судьбе Царицына.

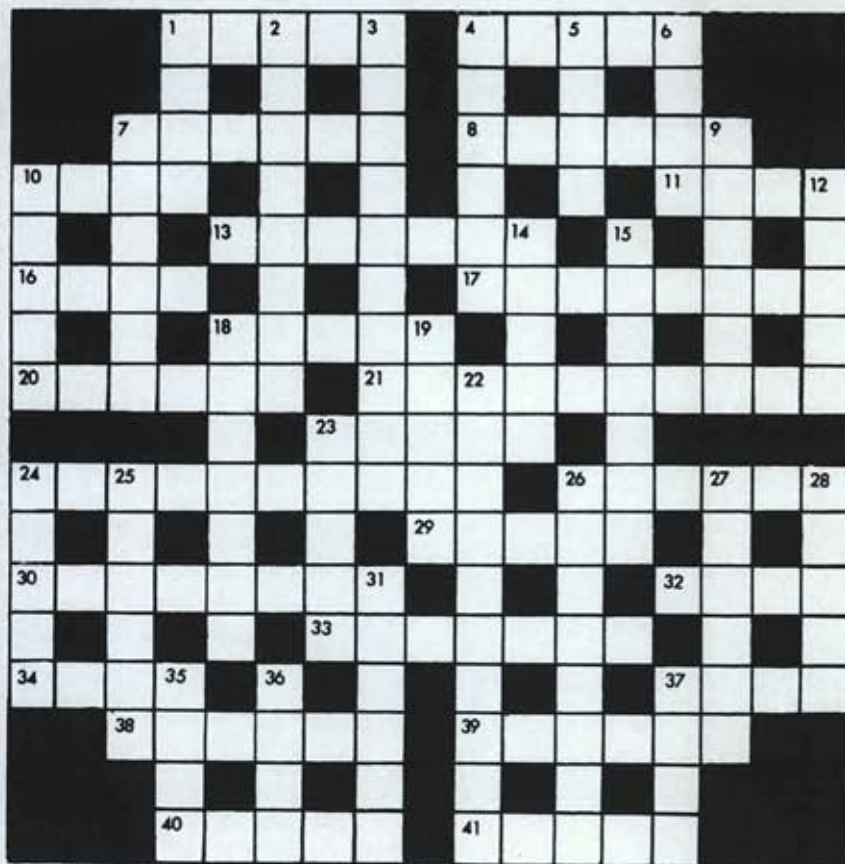

«Не стрелять!» Остро-сюжетная повесть Сергея Иванова.

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

КРОССВОРД победителя конкурса кроссвордистов-86.

Составил Н. Мыриков. Рубцовск Алтайского края

По горизонтали:

1. Шкурка с ног оленя или пушного зверя, которой на Севере подбивают лыжи. 4. Один из четырех металлов, названных по селению в Швеции. 7. Крупный скототорговец в России. 8. Советская эстрадная певица. 10. «Природа не ..., а мастерская, и человек в ней работник» (Базаров в романе И. Тургенева «Отцы и дети»). 11. Главное оружие гаучо, которым он может на полном скаку распороть рубашку, не задев тела. 13. Город, где жили лучшие в мире скрипичные мастера. 16. Нынче на деньги, а завтра в ... (поговорка). 17. Звездочет, комета, телескоп (место обитания). 18. Королевская или ферзевая половина шахматной доски. 20. Пряность. 21. Книга, без которой библиотеку нельзя считать полностью собранной. 23. Река, закипавшая во время прогулки Фазтона на колеснице Гелиоса. 24. Город на острове Хонсю в Японии. 26. Американское насекомоядное растение, по неделе усваивающее пищу. 29. Украинский певец-бас. 30. Изобретение Й. Гартмута и Н. Конте, без которого не обходится ни художник, ни чертежник. 32. Первый «чин» Колумба на корабле. 33. Советская поэтесса. 34. Полуостров на севере СССР, богатый газом. 37. Вид конских испытаний. 38. Надежда, ожидание. 39. Одно- или двухлетнее растение из питомника. 40. Музыкальный ансамбль. 41. Поэма, о которой С. Есенин в письме к Г. Бениславской в 1924 году сказал: «Это, пожалуй, лучше всего, что я написал».

По вертикали:

1. Не в коня ... (поговорка). 2. Юг Франции — ... Средиземноморье — сирокко, северо-восток Африки — хамсин. 3. Ядовитое земноводное, которое в Техасе называют водяной собачкой. 4. Богиня мира, которой в Афинах поставили статую (с Плутосом на руках). 5. Инвентарь, в 1984 году эффективнее всех в СССР использованный В. Фетисовым. 6. Северная оконечность Австралии. 7. Птица, совершенно не терпящая других домашних птиц. 9. Неназванная героиня баллады Гете «Рыбак». 10. В Египте до 1814 года — ..., в России до 1917-го — царь. 12. Одно из русских названий догадки, разума, смысла. 14. Свободный крестьянин — воин и пограничник на востоке Византии. 15. Драматическая хроника П. Мериме. 18. Английский микробиолог и химик, открывший лизоцимы. 19. Первый директор Пулковской обсерватории Фридрих ... Вильгельм Струве в Петербурге стал Василием Яковлевичем. 22. Павел Власов как ведущий на первомайской демонстрации в романе М. Горького «Мать». 23. Способ атаки, наступления. 24. Дом кавказского горца. 25. Рубанок с полукруглой подошвой колодки. 26. Союз восточнославянских племен, с IX века плативших дань Киевской Руси. 27. Прежде — гольд, теперь — ... 28. Человек, говорящий только о себе. 31. Австрийский композитор, автор серенады «Песнь моя, лети с мольбою тихо в час ночной...». 35. Герой гражданской войны, автор песни «От Урала к высоким Байкальским горам». 36. Зверь, которого охотник Д. Крокет, герой американского фольклора, умертвлял улыбкой. 37. Роман Ф. Достоевского.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

1. ...этнос... 6. Баск. 9. Узор. 11. Лава. 14. Бовари. 16. Ардила. 18. Альмукактарат. 19. Сулема. 21. Локоть. 23. Лука. 24. Комуз. 27. Утка. 28. ...пароход. 30. Кашалот. 31. Луалаба. 32. Жароток. 33. Мандрил. 35. ...Власова. 37. Воронка. 40. Фтор. 43. Гулиа. 44. Дове. 46. Нарвал. 48. Гепард. 50. Историография. 51. Гонкур. 52. Зияние. 53. ...шило... 54. ...риал... 55. Чета. 56. Елец.

По вертикали:

2. Тувалу. 3. Сурьма. 4. Трактор. 5. Клинтух. 6. Барроу. 7. Слиток. 8. Ибис. 10. Зима. 12. ...Ваал. 13. Мать. 15. ...Александровск. 17. Дактилоскопия. 20. Улла. 22. Тарб. 24. Каталог. 25. Мотобол. 26. Золовка. 28. Пожив. 29. ...«Дукла»... 34. Арфа. 36. Веер. 38. Рубикон. 39. Нилгири. 41. Тринке. 42. ...ра-туша... 44. Дефиле. 45. Ваяние. 46. Нуга. 47. ...лори... 48. Газа. 49. ...джем...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1437)
апрель 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНИШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Сергей ВЕТРОВ

Художник
Геннадий КОРНЫШЕВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда»
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 19.02.87. Подписано к печати 04.03.87. А 05043. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7. Тираж 1 350 000 экз. Изд № 929. Заказ № 246. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Мое будущее словно было заранее предопределено. Еще в детстве бабушка все время твердила мне: «Ты станешь артисткой». И я училась хореографии, окончила музыкальную школу. Готовила себя в «артистки». И, конечно же, не представляла всех сложностей и превратностей будущей профессии. Только гораздо позже поняла, можно сказать, почувствовала такие банальности, как то, что удача капризна, а на случай рассчитывать не приходится. Можно только попусту растратить время и силы.

И все-таки сейчас можно сказать, что именно счастливая случайность столкнула Александру Яковлеву с режиссером Александром Миттой. На экран вышел фильм «Экипаж», и все сразу же заметили молоденькую, разбитную stewardess. Понравился образ, понравилась актриса.

В 1981 году журналом «Советский экран» был проведен опрос читателей. Яковлева вошла в десятку лучших киноактеров года.

Александру Яковлеву заметили не только зрители. Ее телефон стал накаливаться. На дом присыпались сценарии. Предложения, предложения...

Роли были разные. Интересные и не очень. Серенькие, стандартные героини словно бы кочевали из одного сценария в другой. Но как трудно было отказываться... Как нелегко изо дня в день ожидать чего-то значимого, нестандартного. А ведь время уходит. И перед молодым актером встает дилемма — или соглашаться на любое, даже неинтересное предложение — и работать, работать, или же тратить силы, нервы в бессмысленном, порою таком невыносимом ожидании. И где гарантия, что долгожданная роль наконец-то придет?

За последние шесть лет Александра снялась более чем в десяти фильмах: «Танцплощадка», «Параютисты», «Прости...», Главные роли. Почти во всех — за исключением телевизионного «Россия молодая» — Александра играет современниц. Моло-

дых, сильных духом, красивых девушек. Конечно, было бы неверно отождествлять образ, создаваемый актрисой, с личностью самой актрисы. И все же в каждой из них, — экранных, — есть что-то общее с Александрой. Бесстрашие и ловкость героини и актрисы сплелись в «Параютистах». Здесь не было дублеров. И с парашютом прыгала и парила в воздухе именно она, Александра Яковлева.

— Когда впервые очутилась в воздухе, АН-2 унесся в сторону, пища тверди под ногами, и я ужасе зажмурилась. И только услышав хлопок парашюта — открылся купол, — я решила открыть глаза. Что за красота была подо мной! Какое непередаваемое ощущение полета!

Александра — увлекающаяся, смелая, цельная натура. Трудности не пугают, не останавливают ее. Напротив, мобилизуют волю. Так было еще в самом начале, когда ее не приняли с первой попытки в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. Первая на-

удача не обескуражила. Поступила на следующий год. И училась у прекрасных педагогов Аркадия Кацмана и Льва Додина. Надолго ей запомнилось участие в экспедиции курса по Архангельской области. Студенты готовились к постановке спектакля «Братья и сестры» по произведениям Федора Абрамова. Ездили по родным местам писателя, изучали деревенский быт, познакомились с односельчанами, пережившими войну, усваивали мелодику северного говора. Этот дипломный спектакль курса стал событием в театральной жизни Ленинграда. Много позже, работая над ролью поморки в «России молодой», все пригодилось Александре.

Александра — коренная ленинградка. Но в родном городе ее редко можно застать. Она все время в дорогах. Съёмки, съёмки... Новые фильмы, новые роли. А значит и новые встречи, ставшие для нас такими желанными, с интересной актрисой Александрой Яковлевой.

Светлана ТОНИНА

АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВА